

Михаил ЗОЩЕНКО

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ФЕЛЬЕТОНОВ И ПОВЕСТЕЙ В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2018

УДК 821.161.1
ББК 84(Рос-Рус)6-5
3-78

Серия основана
в 2007 году

Зошенко М. М.

3-78 Полное собрание фельетонов и повестей в одном томе. Полное собрание в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 1063 с.: ил. — (Полное собрание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-2679-9

В одном томе собраны все фельетоны и повести знаменитого писателя-сатирика, классика русской литературы Михаила Зошенко (1894—1958).

УДК 821.161.1
ББК 84(Рос-Рус)6-5

ISBN 978-5-9922-2679-9

© Зошенко М. М. Наследники, 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ФЕЛЬЕТОНЫ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

1. Прелести нэпа

Уважаемый товарищ редактор! В трамвае № 12 некоторые из буржуев прут, что слоны, через трудовую публику и пихаются локтями. Так что мне наступили на ногу, вследствие которой образовался нарыв, и я принужден на службу манкировать.

Семен Каплунов

2. Вниманию милиции

Пароходное движение имеет свои печальные стороны. Я ехал на Васильевский остров, воспользовавшись хорошей погодой, на палубе. Подъезжая под мост Лейтенанта Шмидта, сверху кто-то плюнул. Последний попал какой-то бывшей даме на шляпку, которая не заметила.

Я потребовал у шкипера легкового пароходства немедленно остановиться, чтобы словить виновника, а шкипер начал выражаться по-фински и дал свисток.

Воспользовавшись этим, плюнувший хулиган скрылся.

Пора бы оградить пассажиров от плевков злоумышленников.

Конторицк, Ив. Лермонтов

3. Глас вопиющего

Группа интеллигентных служащих просит ответить редакцию: где купить гроб честному служащему, если он не вор и не спекулянт?

Пепо открывает разные гастрономические лабазы и торгует краковской колбасой, тогда как самый простой гроб без кистей и без ручек не по карману служащим.

Необходимо, чтобы Пепо открыло отделение, где бы каждый служащий мог купить себе недорогой гроб, хотя бы без кистей и без ручек.

Группа интеллигентных служащих

4. Барон

У всех врачи как врачи, а у нас в Нюхательном тресте из бывших барончиков. Ходит он завсегда чисто, за дверную ручку голой рукой не берется — брезгует и после каждого большого ручки свои в растворах моет.

Давеча я пришел в приемный покой, говорю: «болен». Стал этот барон меня слушать, а после и говорит вроде насмешки: «Не дыши».

Я говорю: «Не имеете права требовать — не дыши... Если я, вообще, через биржу, то я должен дышать».

А он говорит: «Пошел вон, дурак!» И на «ты» назвал.

Я говорю: «Не имеете права на «ты» выражаться. За что боролись?»

А он трубку, через что меня слушал, наземь бросил и разорался. А трубка, товарищи, народное достояние.

Василий Пинчук

5. Театральная жизнь

Вчера, будучи в государственном драматическом театре, я был поражен представившейся мне картиной. Бис хлопают. Это значит — довольна публика. Теперича спрашивается, кто на бис вылезает. На бис вылезают артисты и актрисы тоже. А теперича спрашивается, что же скромные труженики сцены делают, например, суфлеры, плотники и пожарники? А они в тени, в полной забывчивости.

Неправильно. Которая публика, может, и им бис хлопала. Я, например, им хлопал, а вылезают не те.

Теперича еще картина. Заплачено мной за восьмой ряд деньги, а не щепки по курсу дня. А теперича спрашивается, что я видел? А видел я дамскую спину, которая, будучи высокого роста, вертелась в переднем ряду, как черт перед заутреней.

На спину я могу смотреть и дома, а в театре позвольте мне искусство, за которое заплачено. Пушай бы плакат на стену привесили, дескать, воспрещается публике вертеться с момента поднятия занавеса. Или пушай администрация пересаживает публику по ранжиру: высоких взад, которые низенькие пушай вперед садятся.

Тр. Палкин

6. Панама

Нам прислали 50 пар ботинок. Стали выбирать, кому какие, а инженер и говорит: «Даровому коню в зубы не смотрят, подходи, братишки, получай без выбору».

А сам, между прочим, выбрал себе самый большой размер, да еще примерил, собачий нос.

А когда я подошел, то, здравствуйте, — остался мне один сапог, а другого не было. Может, это инженер для своей любвишки припрятал, а по этому случаю я ходи в одном сапоге.

Вот так интеллигенция!

Чижиков

7. Голос прохожего

На днях я проходил вместе с женой, но вдруг на площади Восстания бросились в меня из открытого окна отбросами.

В довершение всего, моя жена, будучи на третьем месяце и не имея средств произвести аборт вследствие невыплаты жалования, испугалась.

Спрошенный мною дворник этого дома — могут ли вверенные ему граждане бросаться отбросами, — пусть ответит как администрация, — нахально ответил: не знаю. За что мной и привлечен к ответственности.

Вообще, это недопустимое явление, чтобы среди белого дня бросались отбросами в то время, когда дорог каждый сознательный служащий.

Бухгалтер Цыганков

ЧЕТВЕРО

Ну, братцы, держитесь! Ошельмую сейчас кой-кого. Я человек горячий. Я под горячую руку ужасных делов могу натворить.

Стоп! Вот фамилии... Пушай над ними смеются. Пушай эти фамилии на страницы всемирной истории попадают. Вот: староста первой артели Иван Тимофеев — раз, ДСП Никитин — два, ПД Соколов — три, Селиверстов еще — четыре.

Вот-с, четверо. Четыре фамилии.

— Позвольте, — скажут читатели, — чего ж они сделали?

Взятку, что ли, взяли?

Взятку? Зачем взятку. Хуже. Они, товарищи, архимандрита на себе везли. Да. Ей-богу, правда.

На станции Брянцево это было. На праздниках. Собрались эти четверо приятеля — тары да бары, а один говорит:

— Не позвать ли нам, братцы, попа. Пушай молебен служит. Все-таки праздник нынче.

А староста Иван Тимофеев — человек широкий.

— Зачем, говорит, попа? Дерьма тоже. Давайте, говорит, братцы, архимандрита позовем, если на то пошло.

Ладно. Сказано — сделано. Пошли приятели в монастырь Николы.

— Чего, спрашивают, есть у вас, товарищи монашки, архимандриты? А? Староста вот наш, Иван Тимофеев, человек широкий — архимандрита чегой-то хочет.

Обрадовались монашки.

— Есть, говорят, пожалуйста.

Вышел тут архимандрит.

— Ладно, говорит, могу. Только, говорит, на мне сан очень большой — не годится мне пешком ходить. Давайте, говорит, мне международное купе.

Упали духом приятели.

— Ваше, говорят, высокопреподобие, что касается купе — не тово, не выйдет. А вот ежели на вагонетке не побрезгуете — пожалуйста... Один впереди, трое будут пихать сзади — мигом доставим.

Согласился архимандрит. Сел на вагонетку — поехал. Староста Иван Тимофеев впереди дует, трое сзади... Прут на себе архимандрита. Без остановки прут — семафор не семафор.

Приехали. Слез архимандрит, отслужил молебен. А староста Иван Тимофеев, человек широкий, — не отпускает архимандрита.

— Ваше, говорит, высокопреподобие, не желаете ли к столу присесть?

Разукрасил стол староста. Поросенка для такого случая зарезал. Самогонки поставил. Закуску всякую.

Присел к столу архимандрит — вкусил и выпил и тем же порядком в монастырь отбыл. Не тем же, впрочем, порядком. Староста Иван Тимофеев, человек широкий, не согласился впереди бежать.

— Я, говорит, лучше теперь сзади пихать буду. Я все-таки человек широкий, выпивший, мне бы, братцы, под вагонетку не попасть.

Вот, товарищи, какая история.

А неловко так. Что ж это выходит? Одна рука с попом борется, а другая для попа свинью режет. Не годится.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

Похудел я, братцы мои, за эту неделю, осунулся, аппетит к пище потерял... Борщ я, например, ужасно обожаю — только давай, а нынче я и нос от него воруочу, не ем. Чудеса!

А я и причину знаю моей болезни. Очень уж мне, братцы мои, телеграфистов жалко. Обижают их. Все больше насчет освещения обижают.

Вот у меня имеется целая куча писем от телеграфистов. Плачутся телеграфисты на многое. И зачем, дескать, электричества нету, и зачем лампы неисправны, и почему лампы отпущены мелкого калибра. Один даже телеграфист с М. Казанской ж. д. по поводу неважного освещения воскликнул:

«Где же сознание человечества!»

А в самом деле, братцы, какого дьявола? Сказано — электрификация, так и пожалуйста. Уговор дороже денег. Зачем же ваньку валять?

Зачем же телеграфы освещать какими-то трехлинейными керосиновыми лампами?

Ну да лампа, куда ни шло — светит все-таки. А вот угадайте, братишки, чего горит на станции Семенкино в телеграфе? Ну? Ей-богу, на новые свои штаны спорюсь — нипочем не угадаете.

А горит на станции Семенкино малюсенькая фитюлька, и то без стекла.

Например, на станции Ильмень — там шикарно. Там лампа в семь свечей. Это здорово! Это, пожалуй, что и Германия позавидует... Везет ильменцам! Счастье им!

То-то, наверное, телеграфисты со станции Березина обижаются, завидуют тоже ильменцам. На станции Березина — беда со светом. Там вообще — беда. Нету у меня только красноречия объяснить, как работают там телеграфисты. Пускай уж сам телеграфист объясняет. Перо у него бойкое.

Вот чего он пишет:

Телеграф помещается в уголке прихожей дежурного по станции. Телеграфист сидит там с удобствами загнанного зверька в клетку. Тесно, ночью коптит лампа, воздух сперт, даже повернуться негде.

А здорово, братцы, воздух сперт, ежили и повернуться негде! Этакая подлая лампа!

Эх, братцы мои, жалко мне телеграфистов! А в особенности жалко мне телеграфистов со станции Голутвин. Попали голутвинцы в непромокаемое положение.

Казалось бы, что все там хорошо. Есть даже керосино-калильный фонарь. Но послушайте теперь, что пишет тамошний телеграфист, у него перо тоже бойкое:

Фонарь сияет дивным, ослепительным светом! Но телеграфные аппараты установлены около окон. Работющие телеграфисты обращены лицом в том направлении. Спрашивается: куда же этот свет так ярко разливает лучи? Да телеграфистам в спину!

Не поперло голутвинцам. Этакий свет пропадает даром. А что ж у них перед глазами?

А перед глазами, — восклицает тот же телеграфист, — истый призрак сумрак. Это — охрана труда и их зрения!

Здорово завинчено! Пропали голутвинцы! Не знаю даже, чего им посоветовать? Стол им, братцы, что ли, повернуть к свету? А? Как вы думаете? А то ведь глаза испортят. Чего же это, действительно, «охрана труда и их зрения» смотрит?

Ну да шутки шутками, а нельзя ли и в самом деле убрать поскорей керосиновую лампу,

устранить сей злосчастный феномен,

как картинно выразился телеграфист, жалуясь нам на неисправную лампу.

Вот, братцы мои, написал я эту статейку — мне и легче. Все-таки, думаю, прочтет ее какой-нибудь инженер-электрик.

— Ну, скажет, пора теперь за телеграфистов взяться. Пора, скажет, им электрический свет дать.

И даст. Вот будет здорово. Только чур, братцы, лампочки не вывинчивать!

ОБ ОВОЩАХ И ПРОЧЕМ

Я, братцы, пять лет думал: с чего бы это у нас «задержка в деле транспорта» происходит? И не знал. Ну а теперь я знаю. Мне, спасибо, один стрелочник написал:

Задержка, говорит, в деле транспорта происходит потому, что без пропусков ходить по путям нельзя, а машинисты, стрелочники и другие агенты пропусков не имеют. И нередко человека, идущего по служебному делу, волокут в ГПУ для выяснения личности.

Вот оно в чем дело! А чудачки... Пропуска нужно выдать — только и делов. Но, оказывается, пропуска нельзя еще выдать. Оказывается, что

в административном отделе охраны М. Каз. ж. д. еще и бланки не готовы...

Это плохо. Придется мне самому за это дело взяться. Не хотелось мне ввязываться, но дело срочное. Ведь какая штука может произойти. Лопнет, скажем, проволока у семафора. Ну, побежит, конечно, мастер чинить.

Побежит он по полотну, вдруг — стоп! Охрана...

— Куда бежишь? — спросит охрана. — Предъяви пропуск.

— Братцы, — скажет мастер, — нету у меня пропуска... Бланки еще не готовы...

— Ага, — скажет охрана, — хватай его, братцы! Тащи в ГПУ выяснять личность.

— Братцы, — заплачет мастер, — да какая же у меня личность, ежели я мастер с этой станции... Рази вы меня не узнаете?

— Узнаем, — скажет охрана, — как же не узнать? На одной линии работаем. Идем, что ли... Дисциплина требует.

И поволокут мастера в ГПУ.

Тут-то и начнется «задержка в деле транспорта» — остановится поезд перед закрытым семафором.

Так вот, придется мне самому за это дело взяться. Напишу-ка я письмо. Задушевное письмо начальникам. Дескать, так и так, пожалуйте, и, между прочим, как ваше здоровье... Все-таки ласковое слово сильней действует.

Только вот каким начальникам писать, я не знаю. Я плохо разбираюсь в железнодорожных тонкостях. Ну да начальники сами разберут — люди они образованные.

Задушевное письмо

Уважаемые товарищи начальники! Здравствуйте, пожалуйста! Ну как ваше драгоценное здоровье? Как супруги ваши? И чего поделяются деточки?

Я, спасибо вам, здоров. Погода у нас стоит неважная.

Между прочим, обращаюсь к вам с препокорной просьбишкой насчет пропусков. Требуется очень пропуска на предмет хождения по путям. Не мне, конечно, а вот стрелочникам, машинистам и другим агентам...

Выдайте им, уважаемые начальники! Ну что вам стоит? Хотя бы на клочке, что ли, напишите, дескать, такому-то — имярек — позволяет ходить по полотну...

И все. Больше я вас и не потревожу. Ну как ваши делишки? Слышал я, что вы нездоровы были. Берегитесь, голубчики, без кашне не выходите на улицу.

Ну, пока до свиданья. Искренне уважающий вас

Назар Синебрюхов

Р. S. Как дела с огородами? Посадили ли вы овощи или еще нет? Я посадил. Привет супругам.

ВЕСЕЛЫЕ ВЕЧЕРА

Есть на станции Набережная клуб. Не танцулька какая-нибудь, а настоящий политклуб. Там даже иной раз серьезные пьесы ставят. Так, например, 15 апреля шла пьеса писателя Островского. Вот как! Это вам не танцулька! Это уж настоящая культура.

А что одна актриса в истерике забилась, так, может, у ней нервы слабые. То же и с режиссером. Бороду-то ему не настоящую оторвали. Ему бутафорскую бороденку оторвали. Дерьма тоже! Стоит ли из-за паршивой бороденки историю поднимать? Другой бы режиссер еще спасибо сказал, что оторвали. А то возись с ней, отклеивай.

А с пустяков все и началось. «Дрезина» не была на этом вечере — не пригласили, но корреспондент прислал нам полное и подробное описание того вечера. Оказывается, что

...по обыкновению в политклуб приходят похулиганить некоторые, но частую пьяные граждане, могущие устраивать дебош.

Так вот, эти граждане, «могущие устраивать дебош», явились на вечер и устроили скандал,

разразившийся до вышибания окон клуба и попыткой одного из нэпачей порвать театральную занавесь.

Мало того — произошла драка. Один из «могущих устраивать дебош»,

изловчившийся, ударил по носу председателя культкружка товарища Маслова, отчего пошла кровь. — Произошла атака артистов...

Во время контратаки режиссеру местной группы, Пономареву, оторвали бороду, которая оказалась, как мы сообщали, не настоящей.

За кулисами одна из артисток разразилась истерикой...

Да-с! Это вам не танцулька.

«Дрезина» слезно просит товарища заведывающего клубом (если ему во время контратаки не оторвало голову) сообщить в редакцию, по каким дням устраиваются вечера.

Очень уж нам охота подраться с нэпачами, «могущими устраивать дебош».

ХОЛОСТЫЕ ПОЖАРНЫЕ ТАНЦУЮТ

На станции Лодейное Поле существует пожарная команда. Штатных служащих там 22 человека, из которых большая часть холостых.

Ввиду этого холостые служащие написали заявление брандмейстеру, чтобы он разрешил им танцевальные вечера...

Ввиду этого брандмейстер Артур Куск разрешил, но разрешил под условием:

Кто будет танцевать, тот должен напилить и наколоть дров один воз.

Хорошенькое веселье! Воз дров... После этого холостым пожарным и танцевать не захочется.

Очень «Дрезина» сочувствует холостым пожарным со станции Лодейное Поле.

ЕЩЕ НЕ ТАК СТРАШНО!

На станции Мурманск развелось множество диких собак. Собаки эти стаями бродят по городу и пожирают *«при этом массу домашней птицы и мелкого скота как у железнодорожников, так и у городских жителей...»*

Корреспондент, написавший это, сильно побаивается, как бы дикие собаки *«не слопали бы мурманскую городскую администрацию»*, которая не принимает мер к уничтожению собак.

Обеспокоенная возможной гибелью мурманской администрации, «Дрезина» тотчас выслала своего сотрудника в Мурманск. Оказывается — слухи явно преувеличены. Спрошенные нашим сотрудником дикие собаки в один голос заявили, что в ближайшее время они не предполагают лопать администрацию, так как съестных продуктов пока что достаточно. Может быть, к осени слопают одного администратора.

И то не наверно. Но какого слопают — персонально, — нашему сотруднику не удалось выяснить.

НЕ ВСЕ СРАЗУ

Это про шапку будет история. На станции Лихая Донецкая, видите ли, одна красная шапка на трех ДСП.

Заступая на дежурство, ДСП снимает шапку со своего предшественника...

А ничего, товарищи, бывает хуже. Эка невидаль шапка! Это если сапоги или, скажем, штаны — одна пара на троих, то плохо. Неудобно, и публика, которая почище, может обидеться. А шапка — хоть бы что. Даже еще и лучше: подежурил, снял шапку, а тебя этаким легоньким ветерком, этаким зефирцем обдует — и катись домой с прохладцей. Хочешь — катись на огород, хочешь — на любовное свидание. Нам безразлично. Только шапку не забудь отдать.

Так ничего, дорогие товарищи, что одна шапка. Хозяйством нужно постепенно обзаводиться. Сначала предметами первой необходимости: хлебом там, крупой, сахаром... Потом предметами роскоши: галстучками, шапками, музыкальными инструментами, стульями... Хе-хе, вы думаете, мы ошиблись, что про стулья намекнули? Нет-с, именно стульями. Стулья — это предметы роскоши. По крайней мере, на станции Агрыз. Там раньше *«за нехваткой стульев половина телеграфистов работала стоя...»*

Это, должно быть, весьма забавно стоя работать. Это вроде как за роялем стоя па-де-катр наигрывать. Впрочем, агрызцы сейчас приспособились. Долго ли умеючи?

Стул, на котором сидел ШТ, придвинут ближе к аппаратному столу... И сидят на одном стуле ШТ и телеграфист... Так же сделал и ШЗ.

Мы рады за них. А они, товарищи, тоже рады. Они говорят, что сидят они в куче и уже *«не бегают с одного конца телеграфа на другой за ручкой, которых одна на четырех человек...»*

Ну что ж, значит, все в порядке. И стульев пока что хватило, и ручки по-братски разделены.

Бедность, конечно, ну да ничего. Пройдет не больше года — и у каждого честного телеграфиста будет свой стул, своя ручка и по праздникам — в супе курица.

Подождать только надобно.

Не всё сразу.

СПЕЦОДЕЖДА, ИЛИ БЕРИ, БОЖЕ, ЧТО НАМ НЕ ГОЖЕ

У нас в «Дрезине» о спецодежде было неясное представление. Мы, дорогие товарищи, оказывается, не знали, что такое спецодежда.

По наивности своей мы полагали, что спецодежда — это какие-нибудь штаны из грубой, знаете ли, материи, блуза какая-нибудь этакая особенная. Но, оказывается, ничего подобного.

На Северо-Западной железной дороге лучше знают. Там в отчете дорпрофсожа сказано:

Спецодежда высылалась натурой... Сюда входили дамские горжетки, боа, палантины и т. п.

А что такое — т. п.? Позвольте, это свинство — замалчивать. Какие это вещи входят в т. п.? Может быть, цилиндры входят? Нам как раз цилиндры требуются. Секретарям.

Нам и еще кой-какие вещи требуются из спецодежды. Мы вот тут список припишем. Вы, милая Северо-Западная дорога, ответьте нам, входят ли в комплекты спецодежды нижеследующие нужные нам вещи:

1 список Пур для дам

1. Кофты-ажур маркизетовые; 2. Панталоны фру-фру; 3. Подвязки шелковые; 4. Сорочки с вышивкой; 5. Стельки войлочные.

2 список Пур для мужчин

1. Цилиндры; 2. Манжеты; 3. Крахмальные воротнички № 48; 4. Тросточки; 5. Шляпки-панамы.

Ежели входят, то не откажите в любезности прислать нам парочку комплектов для нужд семейных сотрудников «Дрезины».

А хорошая штука эта спецодежда, европейская штука. Мы очень даже довольны спецодеждой.

Кто еще из дорогих читателей довольны спецодеждой? Вот, например, слесаря и стрелочники станции Чишмы ужасно довольны. Они с восторгом нам пишут:

Наконец-то и мы дождались красных дней... Получаем обмундирование.

Это про спецодежду они говорят. А, может, и не про спецодежду. Мы, извините нас, дорогие товарищи, окончательно сбились с панталыку, — что есть за штука — спецодежда. Ну, да это неважно, главное, что народ доволен. Особенно сапогами.

Щиблеты очень хороши... У одного щиблета подошва лосевая, а у другого — петроградская.

Пожалуй, что спецодежда? Все-таки не зря поставлена лосевая подметка. А? Ну, конечно:

Варешки 12 пар с одним пальцем и все на одну руку и детские шаровары...

Вот только странно, почему — детские шаровары? Товарищи слесаря, может, вы спутали? Может, это не детские шаровары, а набрюшники? Набрюшники-то как раз входят в комплекты спецодежды на Северо-Западной дороге. Вы разглядите хорошенько. Или, может быть, это кофты-ажур маркизетовые пур для дам?

Ну да главное, что вы довольны. «Дрезина» тоже довольна.

НЕ ПО ТОМУ АДРЕСУ

Германское правительство решило прийти на помощь России. «Красная газета» сообщает, что

германское правительство предложило организовать стирку денег. Директор опытного химического завода института прикладной химии инженер Климов заявил, что стирка бумажных денег возможна...

Возможно-то возможно, да только, братцы, какие же деньги будет стирать Германия? Банкноты у нас чистенькие, а «лимоны»?.. Неужели будут наши многоуважаемые «лимоны» стирать? И стоит ли беспокоиться? Чем наши деньги стирать, не лучше ли свои подштопать.

РУГАТЕЛИ

Сейчас во всех углах России идет самосильная борьба с руганью. Способы борьбы существуют разные: ругателей и штрафуют, и наказывают, и бьют по носу (щелчком что ли?). Результаты борьбы тоже разные. Вот, например, результат борьбы на станции Кушечка:

Задумали у нас, — пишет рабкор, — благое начинание — не ругаться, а выругавшихся штрафовать рублем. Завели специальную квитанционную книжку...

Рабкор сам принимал в этом живейшее участие. Он даже побегал в местком за этой книжкой.

— Прибежал, говорит, я в местком, открываю дверь и — о ужас!.. Сам предместкома крепкими словечками так и переливается. И мне, имеющему большую практику в этом деле, — аж уши вянут. Растопырил я глаза, посмотрел, плюнул и пошел откудова пришел.

Растопырил это он глаза, плюнул и бросил, наверное, квитанционную книжку к чертовой бабушке.

И действительно: на что теперь квитанционная книжка? В книжке-то всего сто листиков, — одному предместкому едва-едва на день хватит. А разве один предместкома? На всех же и книг не напасешься.

С ПЕРЕПУГУ

Чего только люди не делают с испугу! Вот, например, ПЧ-13 Р.-У. ж. д. услышал, что едет комиссия, испугался, заторопился и сломал поскорее

плохую уборную около казармы красноармейцев. Но не засыпал ее и не закрыл, куда и свалились

1 ребенок 7 л.	служ.	Иванова
1 теленок	»	»
2 поросенка	»	»
1 жеребенок	»	»

Бедняга этот Иванов — как еще он сам не ввалился? Ну да, впрочем, он и не мог ввалиться. Он в это время побежал разыскивать ПЧ-13, который забился под кровать и долго не хотел оттуда выходить, боясь встретиться с комиссией.

А чудак! Чего он боялся? На наш взгляд, во всем виновата комиссия — ну можно ли так пугать человека?

КОМАР НОСА НЕ ПОДТОЧИТ

У начальника станции Бежецк помер делопроизводитель отдела. Испугался начальник станции.

«Вот, думает, клюква. Чего я теперь с помершим человеком делать буду? А ну — придет охрана труда... «Ага, скажет, мертвые души у вас имеются! Померших тружеников эксплуатируете?...»»

Растерялся совсем начальник станции. Думал, думал — и написал такую бумажку:

В отдел труда. Согласно отношения нач. 5-го отдела за № 7864, вследствие смерти делопроизводителя вверенного мне отдела. Шариков Ефим уволен с 21.1 с. г.

Подписал начальник эту бумажку и весело потер руки. «Ладно, думает, сделано согласно кодексу. Теперь никакая охрана труда носа не подточит».

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

В газете «Коммунист» наш изюмский корреспондент сообщает о том, что

на объединенном собрании савинской сельской ячейки отмечены случаи, что коммунисты зачастую женятся на буржуазных и поповских дочерях... Собрание постановило, что члены партии должны жениться только на дочерях трудящихся и сочувствующих соввласти.

Савинские женихи в панике.

— И как ее, бабу, узнаешь? — плачутся женихи. — На вид она и трудящаяся, и волосы у ней срезаны, и табак легкий курит... А женишься на ней — и пропадешь: в церковь потащит, ребят начнет крестить... Эх, плохо наше жениховское дело!

ХОТЯ И БРЕХНЯ, НО ЗАТО ЗДОРОВО

Парижская газета «Морнинг пост» (как сообщает нам «Кр. вечерняя», № 187) пишет о таком чуде:

Новый вундеркинд. В Париже найдено новое музыкальное чудо в лице мальчика пяти с половиной лет, который привлек к себе внимание музыкальных кругов... Будучи двухлетним ребенком, он безошибочно исполнял итальянские оперные арии (!!)... Мальчику уже предлагают дать концерты в Лондоне и в Америке.

Здорово! Способный парнишка. Говорят, что, когда ему было полтора года, он соской дирижировал симфоническим оркестром. А за год до своего рождения безошибочно играл «Чижика» одним пальцем.

Способный народ эти французы.

«ЦЕНЫ ЗНАЧИТЕЛЬНО ПОНИЖЕНЫ»

Как ни плохи дела в «царствах земных», но в небесном, видимо, еще плоше. Прогорает лавочка! Череповецкий «Коммунист» сообщает:

Поп Шарманской церкви Флоридов открыл запись верующих со сбором по два рубля с души и объявил, что, кто не попадет в эту запись, тот навсегда должен потерять надежду попасть в царство небесное.

А поп Белокрестской волости Устюженского уезда

требовал с граждан по 3 яйца за каждое поминание, а у кого не было положено яиц — поминание брал обратно.

Три яйца за вход в царствие небесное, — как хотите, — дешевка!

А вот, подите же, у входа никакой давки!

«ИЗ МИРА НАУКИ»

Прекрасный журнал «Огонек».

Там все можно найти: и модный беллетристический рассказ, и последний снимок с Керзона, и даже кое-что из «научного». Так, например, некий корреспондент «Огонька», побывав в зоологическом саду, описывает в № 18 свои научные наблюдения красивым, слегка грустным слогом:

Миновал орла, сидящего на жерди... мы входим в маленькую комнату... В углу живут семействами голуби. В воздухе — бесконечный стон. Если стон прерывистый и задышающийся — это значит, что голубь-любownik счастлив. Длинный, непрерывный и тихий стон — голубь-муж ревнует.

Короткий и хриплый стон...

Впрочем, корреспондент об этом стоне ничего не сообщает. Он не знает.

А короткий и хриплый стон — это значит, что голубь сердится на корреспондента, зачем он пишет такие пустяки.

«Огонек», — не чади!

БОЖЕСТВЕННОЕ

Первого ноября (1923 года) был католический праздник Всех святых. Во время этого праздника ксендз Смоленского костела обратился к прихожанам, как сообщает газета «Рабочий Путь» (№ 265), с такой проповедью:

Я, как хозяин костела, нанял органиста Дашкевича. Костельный совет платил органисту сначала 150 миллионов, потом 200, потом 400. Все с него мало. Теперь мы платим ему даже 5 рублей золотом по курсу дня. Кроме того, я ежедневно даю обед Дашкевичу. Но нужно сказать, что этот органист за троих ест. Такой обжора...

Так сообщает газета. Дальше, нам думается, было так. Ксендз поднял руку для благословения прихожан, но раздумал и, потирая свою бритую полную щеку, продолжал:

— Ей-богу, обжора, каких мало. Таких обжор и свет не видывал!

— А чего он, съедает что ли много? — спросил кто-то из прихожан.

— Съедает много, — сказал ксендз. — Я же и говорю: жрет и жрет, сукин кот. Дашь ему обед — он и первое блюдо слопает и второе. И хлеб еще трескает.

Прихожане оживились. И, закрыв молитвенники, стали рассуждать о дороговизне.

— Ужас, как жрет! — снова начал ксендз. — Обед слопает, а после еще чаю просит.

— С сахаром? — спросил кто-то.

Дай ему с сахаром, он и с сахаром вылакает. Ему что? Не его сахар. Давеча дал я ему сахару два куска. На месяц, говорю. А он враз слопал.

— Врет! — раздался чей-то голос.

Позади ксендза появилась растрепанная фигура органиста. Был органист высокий и худой, и костюм на нем висел, как на палке.

— Врет! — снова сказал органист. — Кусок он мне дал, а не два.

Прихожане встали со своих мест и с явным любопытством разглядывали органиста.

— А хоть бы и кусок, — сказал ксендз, махая на органиста руками. — Кусок тоже денег стоит... Уйди, собачий нос! Я хозяин костела!

Органист потоптался на одном месте и ушел под свист публики. Ксендз поднял руку для благословения, но снова раздумал и, опустив руку, продолжал печальным голосом:

— Или еще того чище: штаны с френчем просит. Купите говорит, мне штаны с френчем. А я ему говорю: видал, как лягушки скачут...

В публике засмеялись. Ксендз в третий раз поднял руку и, бормоча что-то себе под нос, благословил прихожан. Началось молебствие. На крыше тихонько плакали херувимы.

КРЕПКАЯ ЖЕНЩИНА

Нынче все говорят о борьбе с проституцией и жалеют женщин.

Вот, дескать, бедные: уволят их по сокращению, а они очертя голову идут на улицу.

И верно: жалко.

Но, конечно, разные бывают женщины. Бывает, такая крепкая попадется — ей и улица не страшна. Знали мы одну такую. По фамилии Беленькая. Уволили ее по сокращению, дали ей за две недели вперед, а она повертела получку в руках и думает:

«Прожру, думает, на пирожные. А там видно будет».

Пошла в кондитерскую, скушала, сколько могла, пирожных и домой вернулась.

«Ну, думает, а теперь — труба. Либо мне в Фонтанку нырять, либо в Мойку, либо на улицу идти».

Помазала она брови сажей, губы — сургучом, шляпку с пером надела и вышла на улицу. Постояла на углу. Вдруг мужчина какой-то подходит.

— Что ж, говорит, мамзель-дамочка, зря стоять простужаться. Пойдем на время.

А она развернулась — хлесь его в ухо.

— За кого, говорит, принимаешь, скотина? Не видишь?

Гражданин отупел, повернулся, галошу потерял и скрылся за углом. А девица гордо постояла и пошла домой.

Домой пришла.

«Нет, думает, это не в моем характере — проституция. Иные, конечно, уволенные по сокращению, бросаются, очертя голову, на улицу, а я не такая...»

Подумала она, подумала, чего ей делать, и стала мастерить для продажи дамские шляпки.

Этим она теперь и живет. И жизнь роскошная. А материал для шляпок доставляют ей гости. Денег она с них не берет, а берет материей. А вы говорите — проституция.

БЕДНЫЙ ВОР

На днях в петроградском Госстрахе у одного из служащих был украден туго набитый портфель с бумагами. На следующий же день бумаги были возвращены со следующим письмом:

Извиняемся Госстрах, что у вас мы взяли, по ошибке портфель в котором мы думали что там лежат червонцы, но на наше несчастье мы нашли только вашу бумажную волокиту, котору вам отсылаем для дальнейшей вашей головоломки.

Неизвестный для вас неудачник в червонцах Гришка Нечухайский.

Бедный Гриша! Мы всегда говорили, что бумажная волокита — вещь ужасная. В самом деле: даже простому невзыскательному вору от нее тяжко.

Эх, Гриша, очень мы вам сочувствуем. Примите уверения в совершенном к вам почтении.

В ПОРЯДКЕ БОЕВОГО ПРИКАЗА

Нынче женщину никто в обиду не даст. Не такое время! Вот не угодно ли: подала одна гражданка заявление в милицию на своего мужа — обижает ее муж. И немедленно из милиции следует такое распоряжение:

В. срочно

Карбоиновскому сельсовету

На основании заявления гражд. Лапшиной Валентины, что у них нет согласия в жизни с мужем, и она имеет от него дитя, предлагается, в порядке боевого приказа, сделать опись всего имущества Лапшиных, на предмет выделения ей имущества, а также и содержания ребенка... И обязать Лапшина Алексея приискать жене Валентине квартиру и уплатить за нее до ее выезда.

Ст. милиционер Нейменок.

Что, Лапшин Алексей? Видал миндал? Видал, как обижать женщин? Нуте-ка, попробуй еще раз обидеть — сейчас в порядке осадного положения посадят куда следует!

Спасибо, дружище-милиционер! Порадовал нас!

ПОДШЕФНОЕ СЕЛО «СМЕХАЧА»

Какой-нибудь простодушный подписчик, наверное, думает, что у «Смехача» есть парочка подшефных деревушек или небольшой подшефный уездный городишко.

Увы, уважаемый подписчик, — нету.

И рады бы, да нету. Даже перед розничным покупателем признаться совестно, но нету. Не соврем.

Ты войди в наше пиковое положение, дорогой подписчик. Маленькую деревушку в подшефные возьмешь — неловко при нашем положении. Большую возьмешь — по карману хлопнет. Боялись мы, думали: мужички как поднапрут, как насядут — одному — штаны, другому — портки, третьему — брюки... И потекут соки-денежки... Не жалко, конечно, но нам журнал нужно делать.

Оттого и не брали подшефников, — расходов пугались. Так и жили кое-как, перебивались.

Ну, а на днях развернули мы газетку «Трудовой день». Батюшки-светы! Есть, видим, село, которое нам по карману. Село это — Безлюдка Шабикинской волости Белгородского уезда.

Это маленькое, но симпатичное село расположено в нескольких верстах от Белгорода. Чудная природа, лес, речонка — все крайне симпатично и нам нравится. А главное, село это — неприхотливое и нетребовательное. К тому же оно недовольно своими старыми шефами — какой-то там госмельницей (бывш. Токарева). И не только недовольно, а и ругает их на чем свет стоит и называет «липовыми шефами».

Дед Трохим из этого села так и пишет, так и валяет черным по белому:

Липовый шеф... Этот шеф и пальцем не ударил, чтобы поставить столб, на котором был подвешен электрический провод, освещавший электричеством школу...

Батюшки-светы! Всего и разговору, что один столб! Братцы, дорогие безлюдовцы! «Смехач» согласен взять вас в подшефные!

Отступись, госмельница, если не можешь исполнять своего назначения.

Отступись, госмельница, честью просим.

Отдай нам Безлюдовку!

ЛЕГКАЯ НАУКА

Крестьяне Сев. — Зап. области кооперированы всего лишь на 10%. Торговцы вербуют себе покупателей всеми мерами, в частности — широким кредитованием.

Владелец лавки «Труд-Прут» стоял за прилавком перед покупателем и говорил ему, сияя:

— К нам, гражданин хороший, ходит покупатель. Мы покупателя в руках держим. В казенной лавке, может, и дешевле и все такое прочее, а идут к нам. Отчего? А очень даже просто отчего, гражданин хороший.

Хозяин любовно похлопал себя по лбу и продолжал:

— Котелок варит... Башка работает... Скажем, теперь кредитование. Государственный магазин в долг отпускает, а мы еще ширше отпускаем. Государственный магазин велит вежливо относиться к покупателю, а мы покупателю ручку жмем. Те будут ручку жать, а мы чаем их будем потчевать. Те будут чаем, а мы кофеем. Те кофеем, а мы... мы им, чертям, сапожки будем чистить.

Покупатель усмехнулся.

— Так-то так, — сказал он. — Да только это пока. Государственный магазин тоже не без башки. Научился. Наука ваша нетрудная.

— Наука легкая, — согласился хозяин, — не спорю. Легкая наука. Да только уметь надо... Скажем, крестьянин пришел — мужичок-серячок... Тут психология требуется. Мужик не любит — дескать, вот вам товар, а деньги сюда кладите. Мужичок любит, чтоб ему товар похвалили, чтоб ему пыль в глаза пустили. А кроме того, просто любит он поговорить на семейные темы — мы и потрафляем.

В лавку «Труд-Прут» вошел крестьянин. Он робко оглянулся по углам и снял шапку.

— Вот видали? — тихо сказал хозяин своему собеседнику. — Вот крестьянин пришел... Глядите, чего я с ним сделаю... Тс... Почтенье землячку...

— Это чего, — спросил крестьянин, — лавка-то казенная? Мне казенную надо...

— Лавка «Труд-Прут», — строго сказал хозяин. — Не казенная, но вроде как на паях... Для нас все равно как казенная... Садитесь на тубаретку... Покупать-то для себя пришли?

Мужик осторожно посмотрел на хозяина.

— Для себя. Ситчику мне, любезный коммерсант...

— Ситчику? — радостно воскликнул хозяин. — Есть ситчик. Светленький... В полоску, в клеточку, в амбарчик, в горошек... Сейчас...

Хозяин ринулся к полкам и сбросил на прилавок несколько кусков плохого, редкого ситцу.

— Мне, любезный коммерсант, в подковку надо, — робко возразил мужик. — Чтоб подковка была раскидана по полю... А это будто в горошек...

— В горошек, — обиделся хозяин. — Горошек завсегда подковку заменяет. Подковка завсегда после стирки образуется.

Мужик потерябил ситец в руках.

— Редкой, — сказал он. — Редким мы не интересуемся.

— Этот ситец редкий?! — вскричал купец. — Да это плотненский ситец... Это не ситец — сукно, чудо столетия... Равносильный ситец... Рафинад... Сам бы покупал такой ситец, да деньги надо — жена в закладе сидит...

Мужик недоверчиво усмехнулся.

— Ей-богу! — сказал хозяин, воодушевляясь. — Мое дело сторона. Я за похвальбу не получаю. Но только это чудный, типичный ситчик... И цена недорогая... Вы чего, семейный?

— Семейный...

— Семейный ситчик, — сказал хозяин. — Внуки спасибо скажут. Это, скажут, ситчик, действительно... Жена-то здорова ли?

— Здорова. Чего ей делается...

— Здоровая жена завсегда такой ситчик похвалит. Потому она одобрит... Хлеб-то у вас как? Не побило ли градом, оборони создатель...

Крестьянин с удовольствием присел на лавку и вздохнул:

— Малехонько побило... Малость... Стороной прошло. А так-то ничего, хлеб родится.

— А хлеб родится, — сказал хозяин, — значит, и ситчик надо светленький брать в горошек. Тебе на две рубахи или на три?

— На рубаху, — сказал мужик. — Да только я уж и не знаю... Не интересуюсь таким ситцем.

— Надо интересоваться, как же можно, — пристыдил хозяин. — А град-то крупный был?

— Град-то крупный, в ногу.

— Скажи на милость — в ногу... Так как же — на две рубахи?

— На рубаху, — сказал мужик.

Хозяин тигром накинулся на ножницы. Отмерил, прикинул, попестрил ситцем перед глазами мужика и сказал:

— Рубашка будет... Чудо столетия. Антик в горошек... Завсегда к нам заходите. Можем и в долг отпущать... Сегодня на деньги, завтра в долг... Заходите...

— Зайду, — сказал мужик.

Он потолковал еще о граде с хозяином, рассказал кой-какие подробности и, любуясь на свой ситец, вышел из лавки.

— Видали? — восхищенно сказал хозяин своему собеседнику. — Как по-вашему?

— Что ж, — сказал собеседник. — Наука ваша легкая, это верно. Да только не без обману...

— Зачем не без обману, — обиделся купец. — Мы только потрафляем покупателю. Обману нету... А ежели это обман по-вашему —

идите в государственный магазин. Вам чего надо? — строго переспросил хозяин.

— Да мне ничего, — сказал собеседник. — Я так... Меня, видите ли, заведывающим назначили, в кооператив... Вот пришел поучиться... Как торгуете... Наука ваша легкая, но тово-с, неприятная наука...

Хозяин сконфуженно посмотрел на своего конкурента и сказал:

— Кому как-с...

Собеседник купил катушку ниток и, усмехаясь, вышел.

ВОЗДУШНАЯ ПОЧТА

У синей кружки с аэропланом — кучка людей.

Люди заглядывают в отверстие, постукивают пальцами по железу и с любопытством рассматривают обыкновенную почтовую кружку, выкрашенную в синий цвет.

Какой-то человек в кепке, протискавшись к самой кружке, говорит восторженно:

— В Америке, скажем, кружки. И у нас кружки. В Америке письма на еропланах возят и у нас, извиняюсь, не на тележках.

— И что же это, граждане, — спрашивает кто-то, — в любую губернию доходят?

— Письма-то? Конечно, в любую.

— А куда суют-то, если письмо?..

Человек в кепке становится в позу добровольного инструктора и объясняет:

— Суют сюда... Отсюда, конечно, вынимают. А это, граждане, аэроплан написан, на кружке — воздушная то есть почта. А синий цвет, чтоб за желтый, значит, не приняли...

— Скажи пожалуйста...

— А в Америке-то тоже синий?

— Конечно...

— Хоть бы посмотреть, какие это люди письма опутают...

— А разные люди опускают, — поясняет «инструктор», — кому надобность, тот и опускает.

— И многие опускают?

— Это, гражданин, не могу вам сказать. Неизвестно.

— Чего неизвестно, — говорит скромного вида старичок, — известно. Мало опускают. Я, гражданин, может с утра стою — пожрать некогда. Гляжу, какие это люди опускают. И нет. Не подходят. Да, действительно, интересуются, трогают руками, но не опускают...

Какой-то парнишка, деловито растолкав людей, подходит к кружке. В руках у него пакет.

— Позвольте, граждане, — говорит подросток, — расступитесь.

Он подходит к кружке и просовывает в отверстие свой пакет... Толпа с нескрываемой завистью глядит на парнишку. Парнишка отходит в сторону и вдруг фыркает в руку.

— Чего ты?

— Кхы... Дерьмо опустил. Кхы... Подметку в газете вместо письма. Кто-то пытается схватить парнишку — он исчезает.

— Сволочь какая! — удивляется человек в кепке.

Подходит милиционер.

— Проходите, граждане! Проходите. Не задерживайте движение трудящихся граждан.

Толпа лениво расходится. Через пять минут у синей кружки снова стоит несколько человек.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Здорово, братишка «Красный ворон»!

Как ты вообще живешь, кого клюешь, кого по носу бьешь и кого за вихры таскаешь?

А мы, спасибо, живем шикарно — чего и тебе желаем. А ты, дружище «Красный ворон», за лето, небось, раз пять с экскурсиями ездил? Но и мы, обрати внимание, не лаптем щи хлебаем. Мы тоже недавно ездили осматривать разные старинные вещи и сокровища.

Очень отличная была поездка. И дешево как! Всего-навсего по полтора рубля с носа взяли. А удовольствия — не перечесть, рубля на два. Одной музыки было не меньше как на полтинник золотом. С утра до ночи гремела музыка. Даже поспать не удалось. После даже один музыкант, из трубочей, хвастался, сколько он из своей трубы слюней нащедил, — оказалось, полбутылки.

И это, обрати внимание, «Красный ворон», за полтора рубля денег.

Обедали и ужинали за ту же цену. Исторические сокровища тоже из той же цены осматривали. И везли нас все из того же расчета. Даже удивительно.

А везли нас не как-нибудь, а в спальном телячьем вагоне.

Конечно, какой-нибудь буржуй нерезаный, может быть, и скажет с усмешкой: на что, дескать, рабочему человеку телячий вагон, если рабочий человек привык всегда ездить на буфере или на крыше? Но на это мы дружно ответим, что и нам тоже теперь охота в вагонах поездить.

Конечно, про мягкий вагон с разными там штучками и занавесочками мы и не мечтаем, но насчет жесткого вагона несколько даже обидно, почему нам не дали.

Хотя мы, конечно, понимаем: где же взять для нас жесткий вагон за наши паршивые полтора рубля? За полтора рубля даже спальный телячий вагон и то чуть не даром выходит.

Другой теленок поедет, так с него и то дорожке возьмут. А тут все-таки человек едет — существо капризное, требовательное. Ему и досочки подавай для спанья, и свечку в фонарь втыкай, и вентиляторы устраивай для свежего воздуха. Хотя надо сказать, что вентиляторы у нас были естественные и без затраты капитала и рабочей энергии. Воздуха было много. Со всех дыр и со всех щелей дул сквознячок всю поездку.

Это даже наглядно было видно. Лежал на нижнем месте — на полу — слесарь наш Иван Савич. Человек он с бородой. Бороденка верером. Так бороденка его чувствительно всю ночь трепалась по ветру.

И это все за полтора рубля, обрати внимание, «Ворон». Даже подумать удивительно.

Очень хорошая, полезная поездка вышла, хотя как для кого. Некоторые неблагодарные люди остались даже недовольны.

Но это, дружище «Красный ворон», тем не понравилась поездка, которые по своей же глупости остались на промежуточных станциях. Они, «Красный ворон», по своей же глупости, не подождав до утра, ходили на остановках «до ветру». А поезд все-таки — один, семерых не ждет, взял себе и пошел потихонечку.

Оставшиеся по своей глупости были очень, конечно, недовольны и побрели пешком.

А которые ехали, те все остались очень довольны, исключая, конечно, заболевших, простудившихся, сломавших ноги, а также и тех, которые запачкали свои костюмчики дегтем, смолой и грязью.

Засим, «Красный ворон», до свиданья. Мы тоже не лаптем щи хлебаем.

Подписи:

Семен Курочкин, Назар Синебрюхов, Вася Пушкин

МАЛОМЫСЛЯЩИЕ

Собрание подходило к концу.

Было душно и жарко. Вспотевшие ораторы один за другим выходили на помост и с воодушевлением говорили речи.

Слушатели кричали «ура», били в ладоши и единодушно выносили резолюции.

Собрание было посвящено кооперации.

— Товарищи! — говорил один из ораторов, вытирая пот со лба. — Товарищи!.. Кооперация!.. Наляжем... Все усилия... В деревню... Крестьянам... Сами торговать...

Оратор долго говорил о значении кооперации, потом, утомившись, уступил место другому.

Ораторы чередовались один за другим. Последний оратор вышел под гром аплодисментов. Он откинул назад свои пышные волосы, простер руку вперед и сказал:

— Кооперация!.. Вы, которые эти...

В эту минуту оратора перебили. Какой-то гражданин встал с места и, слегка заикаясь и робея, сказал, обращаясь к оратору:

— Вот, товарищ... Извиняюсь... Вы, это самое, конечно, говорите тут про ученые предметы... Кооперация там и другие разные слова... А мы тут некоторые присутствуем маломыслящие... Я, как представитель ихний, прошу покорнейше выяснить нам, что есть такое кооперация...

В зале наступила тишина. Некоторые конфузливо переглядывались друг с другом. Представитель оглянулся назад и продолжал:

— Мы, как сознательные маломыслящие... сидящие два часа тут, просим покорнейше... одним словом, объяснить...

— Правильно! — закричали в толпе. — Пушай скажет... Какого лешего...

Оратор с простертой рукой растерянно оглянулся на председателя, хлебнул воздух ртом и сказал:

— Кооперация — это вообще, товарищи... Торговля... Ну, кооператив... Гуталин, пудра, одним словом... Мыло... Я, товарищи, тут... тово, случайно... извиняюсь... Как бы присоединяюсь к общей массе...

Председатель собрания перебил оратора и простым русским языком стал объяснять загадочное слово. Представитель маломыслящих в такт кивал головой и бормотал:

— Вот спасибо-то, вот спасибо-то, вот спасибо-то...

Закончив свое объяснение, председатель предложил присутствующим высказаться по вопросу кооперации, однако желающих не было.

Председатель покачал укоризненно головой и закрыл собрание.

Товарищ читатель! Я ничего не придумал. Все, что я рассказал, за исключением некоторых подробностей, — сущая правда. А произошло это в одном из курортов Черноморского побережья. На собрании, устроенном для домов отдыха.

А нуте-ка, дорогой читатель. Нуте-ка здесь, на месте, не отходя от журнала, ответь-ка себе: что такое кооперация...

Ага... Лавочка, говоришь? Кооператив? Торговлишка?

Вот то-то и оно.

Маломыслящие, готовься к экзамену!

НЕПРИЯТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Чудаки эти нэпманы. То, глядишь, сто рублей на что-нибудь кинут и не поморщатся, то за копейку грызутся и кровь себе портят.

Чудаки эти торговцы. Не сразу ихнюю психологию поймешь.

Я вот сидел раз вечером в кабачке. Кавказский погребок.

Сижу, ем бифштекс. А рядом какая-то компания кутит. Вино им подают, закуски, селедочку с луком. Вообще, кутят.

А по виду не поймешь, кто такие.

Я у официанта полюбопытствовал.

— Кто, спрашиваю, такие?

— А это, говорит, вроде как коммерсанты. Червонцев на двадцать хлопнут.

И действительно. Встает вскоре с ихнего столика полный мужчина с бородой и велит счет принести.

Приносят счет — двадцать червонцев. А он, который с бородой, не поморщился и говорит своим:

— Плачу за всех... Потому как мое угощение.

Ну, дамы тут ихние завязжали от восторга. Мужчины тоже добродушно кошельки свои спрятали. А борода заплатил и пошел к выходу. И даже хоть бы что. Даже про счет не вспоминает.

Я тоже заплатил полтора рубля и вышел. Вышел на улицу. Гляжу, стоит моя борода с дамой своей и с извозчиком препирается.

Извозчик говорит, рубль. А борода дает полтинник. И ругается.

— Да ты, говорит, очумел — рубль брать? Обалдел, говорит? За такой, говорит, конец — рубль! Да, говорит, за рубль многие рабочие спины, говорит, не разгибают целый день... А ты — рубль! Таксы, говорит, на вас, бродяг, нету. Не дам больше полтинника.

А извозчик и так и этак — никак.

— Ну, говорит, ладно, подавитесь. Садитесь с дамой за полтинник. Все равно, говорит, всю ночь даром стою.

Борода еще слегка покобенился и сел с дамой. И дама тоже что-то насчет извозчика щебечет. Сели и поехали. А я стою посреди улицы и головой трясусь.

«Ну, думаю, бродяги. Ну, думаю, прохвосты».

А впрочем, если говорить по совести, положи руку на сердце, то больше полтинника конец этот и не стоит. Я бы, например, больше двугривенного не дал. А все-таки обидно. А отчего обидно, я и сам не знаю.

А впрочем, знаю: неприятна мне ихняя психология.

ЩЕДРЫЕ ЛЮДИ

На пивоваренных заводах рабочим для поддержания здоровья выдают по две бутылки пива.

Ну что ж, пушай выдают. Мы не завидуем. Мы только несколько удивлены постановкой этого дела. Оказывается, на некоторых ленинградских заводах пиво выдается особенное — брак. В этом специальном пиве попадаются: щепки, волоса, мухи, грязь и прочие несъедобные предметы.

Любопытная картиночка нам рисуется.

Рабочий варочного отделения Иван Гусев получил две бутылки пива, сунул их в карман и, весело посвистывая, пошел домой.

«Все-таки не забывают нашего брата, — думал Гусев. — Все-таки про наше рабочее здоровье стараются. Ежели, например, цех у тебя вредный — получай, милый, для поддержки две бутылки бесплатно. Ах ты, щедрые люди какие! Ведь это выходит шесть гривен в день... А ежели в месяц — пятнадцать рублей... Ежели в год — двести целковых набегает».

Сколько набегает в десять лет, Гусев не успел высчитать.

Дома Гусева обступили родные.

— Ну что, принес? — спросила жена.

— Принес, — сказал Гусев. — Очень аккуратно выдают. Стараются про наше рабочее здоровье. Спасибо им. Жаль только, пить его нельзя, а то совсем бы хорошо.

— Может, можно? — спросила жена.

— Да нет, опять чего-нибудь в ем плавает.

— А чего в ем сегодня плавает? — с интересом спросил Петька, сын Гусева.

— Сейчас смотреть будем.

Гусев открыл бутылку и вылил пиво в глиняную чашку. Все домоладцы обступили стол, вглядываясь в пиво.

— Есть, кажися, — сказал Гусев.

— Есть! — вскричал Петька с восторгом. — Муха!

— Верно, — сказал Гусев, — муха. А кроме мухи еще че-вой-то плавает. Сучок, что ли?

— Палка простая, — разочарованно сказала жена.

— Палка и есть, — подтвердил Гусев. — А это что? Не пробка ли?

Жена с возмущением отошла от стола.

— Все ненужные вещи для хозяйства, — сердито сказала она. — Палка, да пробка, да муха. Хотя бы наперсток дешевенький попал или бо пуговица. Мне пуговицы нужны.

— Мне кнопки требуются, — ядовито сказала тетка Марья. — Можете обождать с вашими пуговицами...

— Трубу хочу, — заныл Петька. — Хочу, чтоб труба в бутылке...

Во второй бутылке тоже не было ничего существенного: два небольших гвоздя, таракан и довольно сильно поношенная подметка.

— Ничего хорошего, — сказал Гусев, выливая пиво за окно на улицу.

— Ну, может, завтра будет, — успокоила жена.

— Рояль хочу, — захныкал Петька. — Хочу, чтоб рояль в бутылке.

Гусев погладил сына по голове и сказал:

— Ладно, не плачь. Не от меня это зависит — от администрации. Может, она к завтраму расщедрится насчет рояля.

Гусев спрятал пустые бутылки за печку и грустный присел к столу.

А за окном тихо плакал прохожий, облитый густым баварским пивом.

ГЕРОИ

Торжество в деревне Максимовке началось с раннего утра.

Сначала всем миром ходили по деревне с флагами и пели «Интернационал», потом, собравшись у пожарного сарая, открыли заседание.

Председатель влез на ступеньки сарая и махнул шапкой.

Общество откашлялось, отсморкалось и затихло. Только с тихим треском там и сям бабы жевали семечки.

— Так вот, братцы, — начал председатель, — пушай ответит общество, надо ли зафиксировать вопрос насчет самогону ай нет?

— Безусловно, надо, — сказала общество.

— А ежели так, — сказал председатель, — то выходит такая штука... Пушай вот ответит еще общество, есть ли у Егорки Гусева лошадь ай нет?

— Нету, — сказали в толпе, — нету у него лошади. Корова, да, действительно есть, а лошадь он пропил, сукин кот.

— Так, — сказал председатель, — пропил он лошадь. Заметьте себе... Дальше, скажем, Митюшка Бочков... Спер он сбрую у Козулихи ай нет? Спер. На какой этот самый предмет или цель спер он сбрую? На самогон... Теперича идем дальше. Лобачев Ванька. Чикнул он ножом Серегу ай нет? Чикнул. Пьяный был... А теперича я спрашиваю общество, отчего это все, беда такая, происходит?

— Да разве мы знаем? — сказали в толпе. — От самогонки, что ли?

— Братцы, — закричал председатель, — конечно, от самогонки! Братцы, враги мы себе ай нет? Не враги! А не враги, так должны мы эту самогонку тово, растово, разэтово? Уничтожить, то есть?

Мужики молчали.

Председатель откашлялся и тихим голосом продолжал:

— Вы, братцы, не обижайтесь. Я против общества не иду. Я самогонку не хаю. Есть в ней вкус, не спорю...

— Конечно, есть! — крикнул кто-то. — Она вкус имеет. Она кровь полирует.

— Не спорю, — сказал председатель. — Вкус она имеет. Ежели, для примера, возьмешь горбушечку, сольцей ее присыпешь, а огурчик в это время на полусогнутой держишь, да нальешь ее в это время в стаканчик, да — хлоп-с... А она, бродяга, струей как брызнет по жилам... А тут огурчиком — джик, горбушечку — хрясь... Отдай все, да мало...

В толпе крикнул кто-то. Два мужика, одергивая штаны, пошли от сарая.

— Стой! — закричал председатель. — Не пушу! Зафиксировать надо... Пушай общество постановит, надо варить ее ай нет?

— Что мир скажет, — уклончиво ответило общество.

— Можно, конечно, не варить, — добавил кто-то. — Можно у соседей брать... Ежели избыток у них.

Председатель вытер мокрый лоб рукавом и хрипло сказал:

— И у соседей не брать! И не варить! И аппаратов не чинить. Потому — враз надо кончать. Потому — одним пальцем блохи не поймашь... Ась? Братцы, да что ж это? Враги мы себе ай нет?!

Мужики, кряхтя и сморкаясь и жалобясь на свою судьбу, то начинали хвалить напиток, то признавали за ним самые ужасные качества.

И наконец, после двухчасового спора, постановили: «Самогон не варить, аппаратов не чинить и у соседей добром не пользоваться».

Читатель, если ты будешь в тамошних местах, загляни, милый, чего пьют в этой деревне. Не водочку ли, часом, глотают?

ШЕСТЕРЕНКА

Это, граждане, случилось из-за шестеренки.

Лопнула шестеренка. А, может, она и не лопнула, а сломалась. Черт ее разберет! Я в этих семеренках не разбираюсь. Квалификации у меня такой нет, чтоб в этих восьмеренках разбираться.

Ну, так вот, лопнула. И трепальные машины оттого стали. Не могут они, что ли, без этих шестеренок действовать. Не знаю я про это.

А было это, не люблю сплетничать, в текстильном техникуме.

Враз шестеренку где ж найти? Не найти.

А был в техникуме Александр Иванович Смирнов. Инструктор. Очень напористый мужчина и хороший техник.

— Ни хрена, говорит. Я, говорит, в лепешку разобьюсь, а уж шестеренку достану. Мне, говорит, плевое дело — шестеренку достать.

А была недалеко — как ее? — «Красная фабрика». Фамилья директора этой фабрики, не люблю сплетничать, Куликов. А имя и отчество его не знаю. Квалификации такой у меня нет, чтоб все знать.

Вот инструктор Смирнов и побежал до этого директора.

— Одолжите, говорит, свою шестеренку. Наша, говорит, пятеренка лопнула, будь она проклята.

— Нет, — говорит директор, — не могу одолжить. Зуб я имею против вашего начальника. Он у нас, каналья, лебедку зажилил. А шестеренка — да, действительно, есть свободная.

— Позвольте, — говорит инструктор, — общие же интересы. Общее достояние. Вы советские — мы советские. Ваши шестеренки — наши пятеренки...

— Интересы общие, — говорит директор, — а дать не могу. Несимпатичен мне чтой-то ваш начальник.

— Позвольте, — заплакал инструктор, — производству подрыв... Народные соки-денежки текут... Не велите казнить, велите миловать.

— Нету, — сказал директор. — Катитесь колбаской.

И инструктор покатился.

А директор Куликов, не любим сплетничать, показал шиш уходящему инструктору и, пробормотав «видал миндал», отвернулся к окну.

А за окном тихо плакало декабрьское небо, поплеывая дождем и снегом на стекло, за которым стоял директор.

Трепальные машины стояли в меланхолической неподвижности.

Примечание «Бегемота». Вы думаете, небось, так просто рассказ, для сме-ху? Ничего подобного. Факт во всем антураже. Не кто-нибудь — рабкор пи-сал. С тем и съешьте.

ПОЛЕТЫ В КРЕДИТ

Началось широкое кредитование. Наконец-то — дождалось.

Случилось это так.

В город Астрахань (арбузами славится) прибыл аэроплан.

Ну, натурально, в городе волнение поднялось. Этакий, можно ска-зать, новейший, летающий, несамогонный аппарат, да в этакое, мож-но сказать, городе. В Астрахани то есть.

Очень замечательно.

Ну, начались волнения. А в ГСПС тоже начали волноваться.

А дело было к вечеру, делать было нечего. Вот секретарь ГСПС по фамилии (не любим сплетничать) Будников взволновался и гово-рит:

— Надо лететь. Какая цена полету?

А заведывающий отделом ГСПС — не любим сплетничать — т. Нем-цев отвечает:

— С рыла по шесть рублей. Хотя и дорого, но можно в кредит.

Дело было к вечеру, делать было нечего. Вот заводделом возьми и махни по всем отделам союза бумаженцию:

«ГСПС рекомендует губотделам союзов открыть кредит лицам, изъявившим желание полетать. Плата с членов ОДВФ — 5 р. и с чле-нов союза — 6 р.».

А в отделах растерялись.

— Это, говорят, не колбаса, чтоб в кредит.

А астраханский райкомвод даже обиделся. И махнул бумажку в ЦК водников, дескать, не колбаса это. Как быть?

А ЦК водников (дело было к вечеру) махнул бумажку в ВЦСПС, дескать, не колбаса это. И можно ли такие нереальные воздушные вещи в кредит? Так и написали:

«Просим сообщить, правильно ли означенное постановление ГСПС о полетах в кредит?»

А ВЦСПС махнуть бумажки некуда. Разве что в «Бузотер». Вот он и махнул. Дескать, разрешите вопрос по существу.

А «Бузотеру» и разрешать нечего. Только что факт констатировать может: началось широкое кредитование.

А касаемо шести рублей с носа, то это рабочему дорого хоть бы и в кредит.

Когда будет по рублю — нам скажите. Полетим за наличные, если ветру не будет.

НОВОЕ В ИСКУССТВЕ

Есть такая пьеса «Кто виноват?» Не знаете? Ну, так вот, очень любопытная пьеса. Советую посмотреть.

В одном акте там шайка грабителей купца грабит. Очень натурально выходит. Купец кричит, ногами отбивается. Жуткая пьеса. Обязательно посмотрите!

Эта пьеса шла, между прочим, в Астрахани. Любители-водники ставили в клубе имени Демьяна Бедного.

А один артист, Чесалкин (может, знаете? Он в астраханском техникуме учится. Хороший такой парнишка), — так Чесалкин этот играл роль купца.

Так вот, играет он роль купца — кричит, значит, ногами отбивается и чувствует, будто ктой-то из любителей действительно в боковой карман к нему лезет.

Запахнул Чесалкин пиджачок свой.

«Игра, — думает, — игрой, а зачем же по карманам шарить?»

И сам, конечно, в сторону от артистов, которые грабителей играют. А те наседают. Вынули бумажник с деньгами (18 червонцев) и к часам прутся.

Ну, конечно, Чесалкин закричал тут не своим голосом. Караул, дескать, всерьез грабят.

От этого полный натурализм получился. Публика в совершенном восторге в ладоши жарит. А купцу не до публики.

— Последние, — кричит, — сбережения всерьез сперли. Честью прошу отдать!

Ну, которые спецы — видят — неладно. Не по пьесе слова. Суфлер тут из будки вылезает.

— Кажись, — говорит, — на самом деле бумажник у купца свистнули.

Дали занавес. Отпоили купца водой. Допросили.

— Да, — говорит, — какой-то из любителей по ходу пьесы бумажник вынул.

Немедленно устроили обыск у любителей. Однако денег не нашли. А пустой бумажник кто-то подкинул в кулисы.

Доиграл Чесалкин пьесу совершенно расстроенный и с пустым бумажником ушел домой.

Это истинное происшествие из мира искусства произошло 4-го января 1925 года.

А так, на остальном культурно-просветительном фронте все обстоит благополучно. Дела идут, контора пишет.

Отдайте, черти, бумажник! Не срамите!

СПИЧКА

Выступил у нас с докладом один докладчик. Или он от союза деревообделочников, или он от спичечного треста. Неизвестно это. На лице у него не написано.

Длинную такую, хорошую речь произнес. Много чего сказал теплого и хорошего. И производительность, говорит, улучшается. И производство, говорит, сильно вперед прет. И качество, говорит, товара становится замечательным. Сам бы, говорит, покупал, да деньги нужны.

Бодрые вещи говорил. Раз двадцать его народ перебивал и хлопал ему. Потому всем же приятно, когда производительность повышается. Сами понимаете.

А после докладчик стал цифры приводить. Для наглядности сказанного.

Привел две цифры и чтой-то осип в голосе. Взял стакан воды, глотнул. А после говорит:

— Устал, говорит, я чтой-то, братцы. Сейчас, говорит, закурю и буду опять продолжать цифры.

И стал он закуривать. Чиркнул спичку. А спичечная головка, будь она проклята, как зашипит, как жиганет в глаз докладчику.

А докладчик схватился рукой за глаз, завыл в голос и упал на пол. И спичками колотит по полу. От боли, что ли.

После ему глаз промыли и платком завязали.

И снова его на кафедру вывели.

Вышел он на кафедру и говорит:

— Чего, говорит, цифры зря приводить и себя подвергать опасности. И так все ясно и понятно. Считаю собрание закрытым.

Ну, народ, конечно, похлопал докладчику и по домам пошел, рассуждая между собой — к чему, мол, этими цифрами мозги засорять, когда и так все видно.

САМОДЕЯТЕЛИ

Самодеетельность, граждане, слово модное. Бывают такие, например, театры самодеетельные, кружки бывают, клубы...

В столицах это явление заурядное. Обычное явление. А вот в провинции это только что внедряется.

И веришь ли, читатель, слезы умиления на глазах появляются, когда узнаешь про провинциальную самодеетельность.

Скажем, Баку. Городишко не так уж чересчур большой. А тоже, поглядите, самодеятельность развивается. Газета «Бакинский рабочий» пишет:

Не так давно в Белогородском клубе им. Шаумяна по инициативе кружка друзей клуба проведен был вечер самодеятельности...

Далее газета сконфуженно продолжает:

Большинство членов кружка были пьяны. Между прочим, один из кружковцев до того договорился, что стал рассказывать анекдоты о евреях...

Ей-богу, слезы на глазах появляются. Кулаки сами собой сжимаются. Так бы вот взял этого самодеятельного еврейского анекдотиста, да в темном углу по мордасам, по мордасам.

Заметку свою газета заканчивает с легкой грустью:

На вечере за два часа выпито было 10 ведер пива.

Слезы на глазах появляются. В зубах легкий скрип. Кулаки сами собой сжимаются. Так бы вот взял эти 10 ведер, выпил бы, а после пустым ведром по головам этих самодеятелей.

Ах, ей-право, до чего в провинции эта самая, как ее, черт ее побери, ну, самодеятельность, что ли, внедряется!..

А так все остальное ужасно хорошо и благополучно. И дела идут, контора пишет.

Ключи на комодке.

ДОРВАЛИСЬ

Ух и накрутим же мы сейчас хвост ждановским мужикам!

Дайте, братцы, только отдышаться. Дайте только дух перевести. Очень уж мы, знаете, сердимся на этих ждановцев.

Сейчас объясним все по порядку: что, к чему и почему. Ну держись, ребята!

А есть, знаете, такое село Ждановка. И было в этом селе четыре трактора. Четыре новешеньких коммунальных трактора.

И пушай теперь ждановские мужики ответят, куда они, между прочим, щучьи дети, позадевали эти тракторы? Ась?

Ага, небось молчат. Корежатся от совести. Вот мы им еще пару поддадим. Хватай их за бороденки!

Так вот, между прочим, насчет этих тракторов.

Первый трактор у них, видите ли, сломался.

А отчего он, позвольте узнать, сломался? Не почесавшись, ведь и чирий не вскочит.

Оттого он сломался, что Васьки Великанова корова рогом чтой-то там прободала. Одним словом, какую-то нужную штуковину смяла рогом.

Ах какие, право, несознательные хозяева эти Великановы! Ну разве ж мыслимое дело — допускать несознательную корову до трактору? Да разве ж она понимает науку и технику? Тьфу, захворать можно от таких ненормальностей!

Теперь пойдем дальше.

Второй трактор у них в воду свалился. Отчего он в воду свалился? Оттого он в воду свалился, что ждановский мужик Иван Николаев Косоглотов некультурно управлял этим трактором. И, будучи маленько под мухой, шибко попер на этом тракторе и с обрывчика сверзился.

Пушай этого Косоглотова теперь весь мир знает и его презирает.

У третьего трактора отчаянные ждановские парнишки какую-то немаловажную штуковину оторвали.

И теперь, ежели говорить прямо, по совести и без прикрас, то остался у них, у ждановцев, единственный один трактор.

Оно, конечно, и с одним трактором жить можно. Да только не такие это ждановские мужики. Это очень дико отчаянные мужики. Дорвались они, знаете, и до этого трактора. И трактор этот им теперь вроде автомобиля, только что без гудка. Истинная правда.

Чуть, знаете, они напьются маленько — сейчас велят трактор им предоставить. Ну и катаются на ем, что ответственные.

Председатель, подлая его душа, тоже ежедневно катается. Он до того, знаете, разленился через этот трактор, что идет, например, к куму своему, к Петровичу, через три дома — и то велит трактор себе подавать. И прет на нем стоя.

А касаемо свадеб в Ждановке и говорить не приходится. Молодых обязательно даже на тракторе развозят. Гостей тоже. А ведь гость, ежели он клюкнувши, он обязательно блюет на трактор. Разве ж это мыслимое дело — блевать на трактор?

А когда ребятенка недавно у Власовых октябрили, его тоже на тракторе везли. Ребяенок, знаете, дико орет и вообще истекает, а его прут и прут. Да еще сам папаша Власов сзади на трактор вскочивши и орет: ого-го!

Вот какие ядовитые делишки творятся у ждановцев. Пушай теперь вся республика про них знает и проклиняет.

А так на остальном деревенском фронте все обстоит довольно отлично и симпатично. За исключением, значит, тракторов.

И хотя бы в центре на этот счет небольшой декретик удумали — мол, не катайтесь, черти ситцевые, на тракторах. Это ж вам не моторы. Понимать надо.

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

А вот, граждане, тихая акварельная картинка нашей провинциальной жизни.

Представь, читатель.

Вечер. Снег под ногами похрустывает. Фонарики небольшие этикие светят. И стоит себе, будка этакая, тоже небольшая, корявенькая. Воду она подает жителям.

А у будки — две домашние хозяйки с ведрами. Одна хозяйка нацедила себе два ведра, присобачивает их к коромыслу. Сейчас пойдет.

А другая хозяйка сердито отчитывает сторожа в будке.

— Почему, — говорит, — у тебя с ведра пятак, а в других будках по три? Небось, бродяга, зажиливаешь две народные копейки?

Из окошечка сердито лезет лохматая голова. Голова сморкается, ловко надавив нос одним пальцем, и говорит с хрипом:

— Наживешь с вас, дьяволов! Приказано пятак — только и делов.

— Делов, делов, — возражает хозяйка. — Вода, что ли, у тебя, у бродяги, вкусней?

Хозяйки, еще побранившись слегка, отходят от будки, делясь впечатлениями.

— Я бы, — говорит одна, — нипочем бы не стала деньги растрачивать, потому — жалко. Я бы сама на реку ходила, да только неинтересно, милая, под лед падать. Страсть склизко...

— Да уж, — говорит другая, — под лед, это верно, прохладно падать. Лучше уж я пятак заплачу, а уж чтоб с конфортом...

Хозяйки скрываются в тени.

Поскрипывает снег под ногами. Луна соперничает светом с фонарем. Тихо. Где-то жалко играет гармоника. Вот тихая провинциальная картинка!

— Где ж это такой медвежий уголок? — ядовито спросит читатель.

Как где? А в Ленинграде, милый читатель! На Большой Охте. Неужто не признал?

Водопроводов там нету, а водой торгуют разно: где три копейки берут, а где и пятак. От этого жители сильно обижаются.

А ученые профессора проекты строят: воздушные сады на крышах, фонтаны и радиоприемники.

Эх-ма! Кабы денег тьма...

ХИТЕР ЧЕЛОВЕК

Ну и хитрый же народ нынче пошел! Крыть, братцы, нечем.

Скажем — клуб. Скажем — до зарезу отремонтировать его нужно. А денег, скажем, ни черта нету. Чего, например, делать?

Может, мы с тобой, читатель, и не знаем чего, как люди неискушенные, ну а публика досконально знает. Она собаку на этом съела и кошкой закусила.

Ах, хитер народ, едят их мухи!

Конечно, клубное помещение — дело ненадежное, хрупкое дело. изнашивается быстро. Потому — не железо.

Скажем — один парнишка плюнул на стенку для блезиру. Другой плюнул. Третий плюнул. Десять плюнуло, и, глядишь, — не стена, а болото. Грибки растут. Мокрицы, например, резвятся. Каракатицы ползают. И вообще, значит, износилось помещение, и требуется до разезу его ремонтировать.

С деньгами каждый дурак ремонтировать может. А попробуй без денег!

Хитер народ. Он и без денег может. Потому — лазейка есть. Сейчас про нее скажем. Дайте только развить фантазию насчет хрупкости помещения.

Скажем — теперь окно. Присели ребята на окно. На подоконник. А один парнишка, разговаривая насчет международной революции, размахнулся шибко рукой и выпер по нечаянности одну стекляшку.

Ну, выпер. Сегодня выпер. Завтра выпер. Послезавтра та же картина. И глядишь — через месяц холодно. Сквознячок бороды треплет. И вообще — ремонтировать нужно.

То же и насчет пола.

Одну половицу вынули для блезиру. Другую вынули. Десять вынули — крыть нечем. Сами посудите: где же ходить народу? Не летать же без пропеллера и без бензина по воздуху? А если не летать по воздуху, то, значит, срочно ремонтировать требуется.

А денег, заметьте, нету. И не то чтобы предместком растратил. А вообще нету. Не печатать же своими средствами?

Вот тут-то и выплывает хитроумная затея.

Сейчас про нее скажем. Дайте только передохнуть и папироску выкурить.

Затея — *переехать в другое помещение.*

Так народ и делает. Одно помещение испортили — и подыскивают другое.

Три таких почтенных учреждения нам известны.

Про одно не скажем. Конфузить не желаем. Может, оно исправится.

Про другое намекнем слегка. Оно само догадается. Оно в седьмой раз переезжать хочет. И теперь на прелестный двухэтажный особняк нацелилось.

Быть особнячку пусту!

Третьего учреждения, если говорить правду, не знаем. Сказали на всякий случай. Пушай другим неповадно будет.

А так на всем остальном культурном фронте все обстоит отлично и хорошо. Дела идут, контора пишет. И спектакли ставятся.

ДВА КОЧЕГАРА

Было это в Хабаровске. Или в крайнем случае во Владивостоке. Где-то, одним словом, в тех краях.

Началось все с суших пустяков.

Жили, например, два кочегара. Одного кочегара фамилия, не любим сплетничать, — Рыжиков. Другого — Шеляев.

А был у Рыжикова сын — партийный пионер Костыка. У Шеляева же — беспартийный младенец Васька, пяти лет.

Однажды парнишки подрались между собой. С чего это у них началось — не могу вам сказать. Или, может быть, Васька языком подразнил пионера. Или, может быть, Костя-пионер сказал какие-нибудь стишки, например: «Васька-васенок — свиной поросенок». Но только драка у них произошла форменная.

Победил пионер Костя, — надрал вихры своему противнику.

Беспартийный же Васька с громким ревом подрал жаловаться к своему папаше.

А папаша, кочегар Шеляев, сильно расстроился. Вечером пошел принимать дежурство от Рыжикова и говорит ему:

— Ну, — говорит, — берегися, Рыжиков! Я, — говорит, — твоему щенку голову оторву с корнем, ежели что. Пущай не бьется с моим Васькой в другой раз.

А папаша Рыжиков был гордый папаша.

— Не страшай, — говорит. — Не испужался! Ишь ты, — говорит, — какой нашелся характерный — детские головы с корнем отрывать. А ежели они — нам смена? Да я тебя за такие слова расстрелять, бродягу, могу.

— Ах, так! — удивился Шеляев. — Кочегаров расстреливать? Которые в союзе состоят расстреливать? Да я тебя за это в Соловки могу спрятать, сукинова сына!

Ну, слово за слово. Рассердились они друг на друга. Рыжиков ушел с дежурства, плюнул и думает.

«Я, — думает, — подсижу тебя, бродягу. Я тебе такую пакость состряпаю — не зарадуешься».

Кочегар Шеляев принял дежурство и тоже думает:

«Погоди, — думает. — Я тебя, гадюку, подковырну. Я тебе чего-нибудь в котле испорчу. Или, вот, например, возьму да с одиннадцати атмосфер на восемь спущу... Оправдывайся, бродяга, после... Будешь знать, как кочегаров расстреливать»...

Сказано — сделано.

Снизил Шеляев пар до восьми атмосфер.

На другой день принял дежурство Рыжиков.

«Эге, — думает, — пакости мне строить? Погоди, я тебе на шесть атмосфер спущу. Накось, выкуси!»

Сказано — сделано.

Спустил Рыжиков пар до шести атмосфер.

Падающая энергия, конечно, упала. Народ дивуется, а однако, что к чему и почему — не понимает.

На другой день принял дежурство обратно Шеляев.

«Эге, — думает — шесть атмосфер? Да я тебе, бродяге, четыре устрою. И воду, подлецу, с резервного котла спущу. Пушай все к чертовой матери лопаются».

Сказано — сделано.

Спустил кочегар до четырех атмосфер. И пар из резервного котла выпустил. Ждет, что будет.

На другой день хотел Рыжиков до двух атмосфер спустить и крантик вообще отломить к чертовой бабушке. Но не пришлось.

Специальная комиссия взяла кочегаров в оборот.

Теперь чего будет — неизвестно.

А, впрочем, если раскинуть мозгами, то предвидеть можно.

Сыновья, Вася с Костей, непременно помирятся.

Потому счастливое безоблачное детство.

Кочегары, скорей всего, тоже помирятся. Все-таки в одном союзе состоят и живут на одной улице.

А вот со стороны комиссии предвидим едкие неприятности.

И верно: Хабаровская газета «Рабочий Путь» пишет:

Райком постановил уволить этих двух кочегаров и внести в членские книжки выговор.

Будет, ох, будет теперь время у безработных кочегаров подумать о случившемся!

С

Небось простодушный читатель удивится. Какие, подумает, пошли короткие заглавия из одной буквы. И чего это буква С значит? Может, это каналья автор ругается и выражается. Может, это означает — собака, или сукин сын, или «с Волкова кладбища»? Мало ли на букву С имеется неблагородных слов.

Нету, читатель. Нету, милый. Не такой это человек Гаврила, чтоб с нового года выражаться.

А буква С означает букву С, подписанную под одной жалобой. Вот чего.

Злополучная это была жалоба. Сейчас расскажу. Дайте, черти, папиросу выкурить, а то смех разбирает. А когда смеюсь — чихать хочется. А когда чихаю — перо дрожит и слог не такой гладкий получается.

А дело было ужасно ехидное, в городе Харькове.

В газету «Пролетарий» жалоба поступила. Насчет Наумова. Председателя УИКа откомслужа трансконторы Вукоопспилки (тьфу, черт! последний язык за ваш полтинник сломаешь...).

Ну поступила жалоба. Делов тоже!

А подпись под жалобой одна сплошная буква С.

А в жалобе ничего особенного не было. Так, мелкие неприятности Наумову.

А Наумов ужас как распалился. Расстроился. И побежал мелкой рысью в редакцию.

— Кто, говорит, буквой С жалобу подписывал? Откройте фамилию. Требую.

А в редакции (вот спасибо-то) фамилии не говорят.

«Не говорят — не надо, — подумал Наумчик. — Дерьма тоже, я и так узнаю».

И мелкой рысью побежал назад.

Прибежал, снял калоши и думает: «Сейчас, думает, посмотрю список сотрудников, которые сотрудники на букву С — тем крышка. И уж, думает, плюньте в мои бесстыжие глаза, если я злодея не открою».

А в конторе всего-навсего одна гражданка на букву С начиналась. И та Вдовицына-Сулимовская (фамилия это у ней такая).

Нажал на нее Наумчик. Уволю, говорит. В порошок сотру. Та в слезы. Не сознается. Я, говорит, могу специальный документ достать, что я невиновная.

И написала она в редакцию «Пролетария» письмо:

Настоящим прошу редакцию «Пролетарий» выдать мне справку о том, что ни я, ни мой муж (Сулимовский) никаких заметок в редакцию не давали.

Вдовицына-Сулимовская.

А ей ответ с мальчиком:

— Да, действительно.

А чем дело кончилось, нам так и не известно. Известно только то, что злодея Наумов не нашел. Хотя и предложил в случае неудачи плюнуть ему в глаза.

Плевать мы не станем. Не такой у нас характер, чтоб плеваться с нового года.

А так все остальное обстоит отлично и хорошо. Дела идут, контора пишет.

ПТИЧЬЕ МОЛОКО

Прошли, братцы мои, те тяжелые денечки, когда кооперативы торговали только пудрой да гуталином.

Будет.

Нынче в кооперативах полным-полно. Все есть, чего твоей душе угодно. Разве что птичьего молока не достать.

И то в ином кооперативе заместо птичьего молока такое есть — только диву даешься.

Думаете, сигары или шелковые чулки?

Стара штука — сигары и чулки. Подымай, братцы, выше.

Ну да не будем понапрасну томить читателя. Прямо и начистоту скажем: в некоторых кооперативах торгуют даже собачьими намордниками. Например, кооператив Нижне-Туринского лесничества (Уральской области).

В этом кооперативе имеется целая партия такого товара.

Газета «Труд» пишет:

Выбор намордников большой, на разные цены, разных фасонов, кожаные, металлические.

Конечно, в ином кооперативе так бы и пролежали эти самые намордники до скончания веков или до тех пор, пока сынишка заведывающего (даром что комсомолец) не стибрил бы их из почтительного удивления. Но не таков этот Нижне-Туринский кооператив. И не такова тамошняя администрация.

Дело в том, — пишет «Труд», — что администрация, имеющая право согласно колдоговора 60% жалованья выдавать не деньгами, а ордерами в кооператив, этим правом не только пользуется, но и злоупотребляет. За октябрь 85% зарплаты выдано ордерами.

По ордеру бери чего хочешь. Хочешь, бери намордники, хочешь — гуталину. Потому выбор не ахти какой большой. «Труд» с грустью сообщает:

Нужных рабочему товаров в кооперативе нет. Рабочие берут что есть и продают на рынке за полцены.

— А на намордники спросу на базаре никакого! — жалуются рабочие.

Это странно. Такой, можно сказать, редкий, исключительный товар, вроде птичьего молока, а провинциалы отказываются покупать. Чудаки, едят их мухи!

А на всем остальном кооперативном фронте все отлично и симпатично. Товару вволю. Есть даже птичье молоко. Налетайте, граждане!

ХИМИКИ

Нынче, граждане, химия всем известна. До масс дошла. Все, скажем, химические и физические законы напролет известны.

Какой-нибудь, представьте себе, физический закон — например: от теплоты тело расширяется, — мало известный при царском режиме и при Временном правительстве, теперича ясен, как на ладони.

Однако есть физические законы, известные и раньше, при любом государственном строе. Это, например, ежели тело водой попрыскать, то тело, тово, прибавляется в весе.

Одна текстильная фабрика так и делает: обливает шерсть водой.

Ежедневный газетный орган про это с меланхолией пишет:

Ткачи сдают готовые куски товара на вес и, боясь нехватки в весе, спрыскивают товар водой.

Такой, конечно, химический подход к текстильной промышленности мне, граждане, не нравится.

Конечно, я бы не принял это так близко к сердцу, если б не брюки. А то — брюки.

Суконные брюки я люблю носить долго.

Мне не нравятся такие штаны, в которые сунешь два раза ноги, и они расплзаются¹.

Вот, например, бывшие брюки я носил двенадцать лет. И все они были как новенькие.

И уже революция грянула, Гражданская война, нэп, а я все ношу и ношу. Такая, представьте себе, чудная материя попалась. Даже, откровенно сознаюсь, она еще лучше от носки стала. Блеск такой богатый пошел, мягкость, элегантность — дух вон.

Я бы эти брюки еще двенадцать лет носил, если б в бане не сперли. А то сперли в бане.

Конечно, пришлось купить новые. Потому — прохладно, и милиция косится. Издевательство, говорят, над общественным вкусом. Ежели, то есть, гражданин не при брюках, хотя в длинном пальто.

А какое, помилуйте, издевательство, ежели из предбанника сперли? Жутко, милые...

А новые брюки — плохие удались.

На стул, скажем, сел, за гвоздь слегка тронул — рвутся. За дверную ручку карманом зацепил — опять рвутся. В гости пришел, нагнулся под стол, чтоб тарелку или бутерброд поднять, — обратно рвутся и расплзаются. Жутко, милые.

Жена, на что уж дама прочная и сентиментальная, и то не выдержала.

— Ежедневно, говорит, шью ваши брюки, Григорь Иваныч. Всю, говорит, общественную работу или сходить к управдому — за них забросила. Пушай, говорит, лучше развод, или купите новые.

— Гражданка, говорю, погодите ерепениться. Сейчас схожу в магазин — пушай обменяют.

Хорошо. Поносил я брюки еще два месяца для ровного счета, заявляюсь в магазин.

— Что вы, говорю, граждане, такое дерьмо продаете?

— Да, — говорит заведывающий, — товар порченный. Товар, говорю, для весу водой на фабрике обливают. А он преет и портится.

— Вес, говорю, в брюках мне не касается. Прошу обменять.

Менять заведывающий не стал, но предложил купить новые.

Так я и сделал.

¹ Брюки, а не ноги расплзаются.

А что текстильщики так поступают, то смешно и обидно. Ну случилась нехватка, ну привесь к общему куску какую-нибудь тяжелую ерунду или гирьку. Можно даже неклеящую. А то водой обливать! Жутко, милые.

ВЯТКА

Вятка — город провинциальный. В Вятке волки по улицам бегают. Там даже поговорка сложилась: волков бояться — по центральной улице не ходить.

Столичная пресса отмечает это характерное вятское явление:

На Центральную улицу города забежали два крупных матерых волка...

В другом городе стрелять бы начали в волков. Но не такой это город Вятка, чтоб стрелять. Вятка город тихий. Там даже в революцию выстрелов не было. К чему же теперь, при нэпе, взбудораживать невинные вятские сердца?

Нет! Там в волков не стреляли. Там свистеть начали. «Красная газета» отмечает этот провинциальный способ:

Растерявшиеся милиционеры принялись свистеть...

А что такое, читатель, свист? Свист — это нечто нереальное, умственное, так сказать, звуковая несущественная трель. Сами посудите, много ли свистом поделаешь с матерым волком?

Но не такой это город Вятка. Там и свист вполне пригоден в борьбе с матерыми хищниками. Там, оказывается,

на свистки милиционеров из одного дома выбежал дворник, который бросился на волка и задушил его. Второй волк убежал в лес.

Ну да. Выбежал дворник.

— Что, спрашивает, волки, что ли? Чичас мы их подомнем.

И подмял. Долго ли умеючи?!

Вот, скажем, Ленинград всегда был на первом месте. А в данном случае Ленинграду нипочем не устоять против Вятки.

В Ленинграде вызвали бы против волков пожарную команду. И волков убрали бы довольно скоро.

Но, во всяком случае, с чувством глубокого профессионального восторга мы отдаем Вятке первенство.

По слухам, герой дворник представлен к медали за спасение утопающих.

ВАЛЯЙТЕ, НАМ НЕ ЖАЛКО!

Гляди, читатель, чего на картинке видишь? Небось, думаешь — это последний фотопортрет нашего многоуважаемого Гаврилы?

Нету, читатель. Это не наш Гаврила. Это харьковский Гаврила. Это в Харькове журнал такой будет выходить «Гаврила».

А пушай выходит. Нам не жалко.

Погляди, читатель, еще раз на картинку. Ась?

Гляди: идет человек с вещами. Тут у него и папка с бумагами, и пузырек с чернилами, и ручка с пером. Все, как у богатого. И пиджак слева, гляди, оттопыривается слегка. Это не иначе как бумажник с деньгами пузырится. На три номера, небось, за глаза хватит.

Ладно. Пушай выходят. Нам не жалко.

А только для истории сообщаем: просим не смешивать нашего Гаврилу с этим Гаврилой. Наш Гаврила будет слегка поплотней, и выражение лица у нашего несколько язвительней. И не курит, как этот. Потому — борьба. И кашне не носит. Братишка его двоюродный действительно носит кашне, а он — нет.

Ну, ладно. Пушай их выходят. Надо же и Харьков слегка осчастливить. Нам не жалко. Мы все советские. И наш Гаврила — советский, и этот — советский. Мы его не хаем. Это тоже ужасно способный Гаврила. Вишь, идет как смело. И аппарат в руке. И зачем ему, братцы, аппарат сдался? Фотомонтаж он делать будет, что ли? Ах, едят его мухи!

А только странно, братцы, где ж у него наш журнал «Бузотер»? Чтойто не видно. Эге, да он в папочке спрятан. Глядите — кусок торчит.

Пушай торчит. Разве нам жалко. Пушай их читают и пушай сами выходят.

А полупочтенному нашему тезке — Гавриле — наше вам с кисточкой.

ПОПАЛАСЬ, КОТОРАЯ КУСАЛАСЬ

Это, кажется что, в Тамбове было. В резерве милиции. Лошадь Васька укусила милиционера, гражданина Трелецкого.

Случай вполне прискорбный

А случилось это в Тамбове. Повел Трелецкий на водопой Ваську.

А жеребец Васька играть начал. Схватил для потехи руку и рвать начал.

Ну, крики, одним словом, охи, и кровь течет. А лошадь забавляется. Ей вроде это нравится так бузить.

Собрался резерв милиции, вырвал гражданина и в больницу его в карете «скорой помощи».

А насчет преступной лошади читатель, конечно, может полюбопытствовать, чего, например, с ней сделали. — Думаете — ее в тюрьму посадили? Верно! Откуда вы знаете? Именно в тюрьму. Одним словом, посадили ее в губернский дом заключенных и рапортичкой с отделом труда снесли, дескать, —

Сообщаем, что лошадь, от которой произошел несчастный случай с милиционером, переведена в Губдомзак, где пока ведет себя прилично, причем об укусах Губдомзак предупрежден. В дальнейшем лошадь предназначена к продаже...

Врид. Нач-ка Адм. отдела (подпись)

Одним словом, угробили лошадку. Попалась, которая кусалась. Да и куда попала — в дом заключения с изоляцией.

Иная лошадь лоб себе расшибет, начальника милиции забодает и то такой чести не дождется. Тут уж кому какое счастье, читатель. Не правда ли?

А вот жеребцу Ваське — счастье.

А лошади в Тамбове, говорят, перестали кусаться. Как рукой сняло.

300%

Позвольте, граждане. Когда ж это было? Да это во вторник было, на прошлой неделе. Со вторника Иван Семеныч начал новую и светлую жизнь. Хотел с понедельника, да, говорит, день тяжелый.

А бросил Иван Семеныч дома кормиться. На общественное питание перешел. Стал ежедневно ходить с женой в столовую.

Обедал я с ним в одни часы. А за обедом Иван Семеныч говорил без умолку. И все восторгался, что кухню бросил.

— Это, говорит, такая выгода, такая выгода... А главное, говорит, жену от плиты раскрепостил. Пущай, думаю, и баба поживет малехонько в свободе. Ведь сколько теперь этого свободного времени останется? Уйма. Раньше, бывало, придет супруга с работы — мотается, хватается, плиту разжигает... А тут пришла, и делать ей, дура, нечего. Шей хоть целый день. А кончила шить — постирай. Стирать нечего — чулки вязать можешь. А то еще можно заказы брать на стирку, потому времени свободного хоть отбавляй.

Вообще, Иван Семеныч был ужасно доволен своей переменной. Однажды он даже небольшую речь сказал обедающим гражданам:

— Граждане, сказал, пора ослобонить женщин от плиты! Пора бросить в болото эти кастрюльки и эти мисочки! Кормитесь, граждане, всегда в столовой.

Обедающие, конечно, обижаться стали.

— Позвольте, говорят, что вы расстраиваетесь? Мы, говорят, и так в столовой обедаем...

Целую неделю ходил Иван Семеныч в столовую. И каждый день находил все новые и новые выгоды в своей перемене.

А после ходить перестал.

Я уж подумал, не заболел ли человек сапом. Пошел к нему на квартиру.

Нет. Гляжу — здоровый. Сидит у плиты и руки греет. Жена рядом в лоханке стирает.

— Что ж ты, говорю, друг ситный, ходить-то перестал?

— Да, говорит, так. Выходит очень странно. Я, говорит, и сейчас не пойму, как это выходит.

— А что?

— Да, говорит, начали мы, как вам известно, в столовой кормиться. Время стало гораздо много оставаться. Я говорю супруге: «Я, говорю, вас от плиты раскрепостил, но, говорю, это не значит, что вам душой мотаться. Пошейте, говорю, или постирайте». Начала она стирать... Теперича спрашивается: плита топится ай нет, ежели стирка? Плита элементарно топится. Отчего бы, говорю, кастрюльку не поставить? Пушай кастрюлька кипит. Глупо же без пользы огонь тратить...

А теперича что выходит? Полная выгода. Кастрюльки даром кипят. Жену от плиты раскрепостил. И, между прочим, дома обедаем.

Такая выгода, такая выгода, прямо триста процентов выгоды! Даже и не понять враз, откуда такое счастье?

— Да, где же понять, — сказал я.

И мы попрощались.

ДЕФЕКТИВНЫЕ ЛЮДИ

Удивительно раньше люди жили!

Скажем, сто лет — небольшой срок, а поглядите, какая заметная разница.

Бывало, сто лет назад, развернешь газету, начнешь, к примеру, объявления читать. А объявления такие:

ПРОДАЕТСЯ ДЕВКА. Умеет шить и неприхотливо готовить. Цена той девке 75 рублей серебром.

ОБМЕНЮ мужика на трех девок. Мужик с бородой, дюже сильный. Может быть дворником али чем.

Тряпичникам не являться.

ПРОДАЕТСЯ ДЕВКА, 16 лет, без обману. Умеет жарить, парить и пятки чесать. А цена той девки вне запроса 100 рублей.

Так раньше жили люди. Смешно жили. Глупо жили. Читать противно.

А нынче и времена другие, и песни другие, и... цена другая. Цена, прямо скажем, за «девку» тридцать червонцев. Это по расценке Спасского уезда.

Сейчас объясним.

Недалеко от Владивостока в Спасском уезде жил некий дефективный папаша. Была у него дочка Нюрочка.

Вот папаша и думает:

«Отчего, думает, не продать мне Нюрочку, ежели деньги требуются?»

Так и сделал. Подыскал дефективного человека и продал ему дочку за тридцать червонцев.

Газета «Ленинградская правда» пишет:

В Спасском уезде родители продали в жены за 300 рублей свою 16-летнюю дочь. Девушка была продана без ее ведома.

Очень торговались. Сам папаша в три ручья плакал.

— Ты, говорит, погляди, какая девка-то продается! Свободная, равноправная девка! Не жук нагадил. Прибавь немного.

На трехстах ударили по рукам.

Одним словом, дешево купил жених.

Однако, как говорится, дешево покупают, да домой не носят. Так и тут.

Сельсовет, обсудив этот вопрос совместно с ячейкой комсомола и женщинами-делегатками, взял девушку под свою защиту и аннулировал родительскую «сделку». Над родителями и женихом был устроен показательный суд.

Отдал ли дефективный папаша жениху назад деньги — покрыто мраком неизвестности. Ничего про это газета не говорит.

Да нас это и не интересует. Нас интересует: а какая, к примеру, цена на девку в других губерниях?

Не знаем. Вот насчет Псковской губернии знаем. Там девок не продают, а за них приплачивают. Смотря по достатку.

Сделка называется *приданым*.

А на наш ничтожный взгляд — хрен редьки не слаще.

ЗАСЫПАЛИСЬ

Станция Тимохино. Минуты две стоит поезд на этой станции. Ерундовая вообще станция. Вроде полустанок. А глядите, какие там дела творятся. На ткацкой фабрике.

Стала пропадать там пряжа.

Месяц пропадает. И два пропадает. И год пропадает. И пять лет пропадает... Наконец, на шестой год рабочие взбеленились.

— Что ж это, — говорят, — пряжа пропадает, а мы глазами мигаем и собрание не собираем. Надо бы собрание собрать: выяснить — как, чего и почему.

Собрались. Начали.

Все кроют последними словами воров. И этак их, и так, и перетак.

По очереди каждый гражданин выходит к помосту и кроет. Старший мастер Кадушкин едва не прослезился.

— Братцы! — говорит. — Пора по зубам стукнуть мошенников. До каких пор будем терпеть и страдать?!

После старшего мастера вышел ткач Егоров, Василий Иванович.

— Братцы, — говорит, — не время выносить резолюции. Иначе как экстренными мерами и высшим наказанием не проймешь разбойников. Пора сплотиться и соединиться. Потому — такая чудная пряжа пропадает — жалко же. Была бы дрянь пряжа — разве плакали

бы?! А то такая пряжа, что носки я три года не снимая ношу — и ни дырочки.

Тут с места встает старший мастер Кадушкин.

— Ха! — говорит, — носки. Носок, говорит, вроде как сапогом защищен. Чего ему делается! Я вот, говорит, свитер, с этой пряжи два года ношу, и все он как новенький. А ты, чудак, с носком лезешь.

Тут еще один ткач встает с места.

— Свитер, — говорит, — это тоже не разговор, товарищи. Свитер, говорит, это вроде как костюм. Чего ему делается. Я, говорит, перчатки шесть лет ношу, и хоть бы хны. И еще десять лет носить буду, если их не сопрут. А сопрут, так вор, бродяга наносится... И дети, говорит, все у меня перчатки носят с этой пряжи. И родственники. И не нахвалятся.

Тут начали с места подтверждать, дескать, пряжа, действительно, выдающаяся, к чему спорить. И не лучше ли, за-место спора, перейти к делу и выискать способ переловить мошенников.

Были приняты энергичные меры: дежурства, засады и обыски. Однако воров не нашли.

И только на днях автор прочел в газете, что семь человек с этой фабрики все-таки засыпались. Среди засыпавшихся были все знакомые имена: старший мастер Кадушкин, Василий Иванович Егоров и другие.

А приговорили их... Тьфу, черт! Мне-то что — к чему их приговорили? Недоставало адрес ихний еще сообщить. Тьфу, черт, а ведь сообщил — станция Тимохино.

Ах, читатель, до чего заедает общественное настроение.

ТАРАКАНЫ

Конечно, не такое сейчас время, чтоб про мелкие вещи писать. Тем более про тараканов. Гаврила признает, что про тараканов прямо даже неприлично сейчас писать. Тем не менее придется все-таки слегка коснуться этого мелкого насекомого.

Вниманья долго не задержим, потому много писать нет охоты — башка с непривычки к таким мелким сюжетам пухнет от напряжения.

Начнем прямо с материалов и фактов.

Вот выписка из протокола:

Протокол № 1242

Заседания Пленума Заводского Комитета при заводе «Краен. Профинтерн», 5 января 1925 г.

Слушали: Охрана труда и жилищные условия.

Постановили: 2) Вторично предложить принять меры к уничтожению тараканов в общежитиях рабочих...

Теперь каждому мало-мальски сознательному читателю охота, небось, узнать, какая последовала резолюция управляющего заводами по поводу этого протокола.

Конечно, иной управляющий, идущий нога в ногу с наукой и техникой, вынес бы резолюцию — извести, например, тараканов по последнему слову техники — каким-нибудь мором или ядом или вообще специальным тараканьим средством.

Но не такой это человек наш герой управляющий...

Гаврила предполагает, что в душе этот управляющий — отсталый кустарь, идущий вразрез с научными достижениями. И в самом деле: он предпочитает ручной способ.

И резолюцию он поставил такую:

Резолюция: Предложить живущим перебить тараканов. О чем довести до сведения завкома.

Теперь Гаврила сгорает от любопытства. Охота бы знать: перебили ли живущие всех тараканов, или часть тараканов не поддалась ручному способу и продолжает резвиться в общежитии.

Сообщите, братцы! Помираем от любопытства!

А управляющему кланяйтесь и спросите его, много ли он сам передал тараканов. И чем давил — рукой, ногой или еще чем.

А вообще говоря, тараканий мор продается в любой лавке.

УЖАСЫ ВНУТРЕННЕГО РАСПОРЯДКА

Не хотел бы Гаврила служить в МСНХ. Очень уж там, братцы, внутренний распорядок строгий! Ну его совсем!

Например, так одна гражданка опоздала. И всего-то она опоздала на две минуты за полмесяца. Республика разве от этого разорится? А вот администрация МСНХ разоряется: посылает в письменной форме нахлобучку. А нахлобучка такая:

Товарищу такому-то — имя рек.

Управление делами МСНХ сообщает, что в первой половине месяца вы опоздали на службу на 2 минуты.

Ввиду незначительного времени опоздания Управление Делами МСНХ находит возможным на первый раз ограничиться предупреждением, что в дальнейшем при опоздании на службу к вам будут применены меры административного взыскания согласно существующих правил внутреннего распорядка.

Управделами МСНХ Зав. Секретариатом

Конечно, проступок гражданки важный. Что уж говорить. Благодаря ей две минуты драгоценного рабочего времени навсегда вычеркиваются из жизни. Но если б это было только две минуты! А то боль-

ше, ох, больше! Ох, извольте сами взглянуть, дорогие и многоуважаемые граждане.

1. Письменная нахлобучка составлялась, ну, скажем, 6 минут.
2. Машинистка пропечатывала эту нахлобучку на «Ундервуде» — 4 минуты.
3. Секретарь и управделами подписывали — 2 минуты.
4. Курьер относил нахлобучку опоздавшей гражданке — 7 минут.
5. Опоздавшая гражданка читала — 10 минут.
6. Плакала — 8 минут.
7. Нюхала валерианку — 6 минут.
8. Жаловалась на несчастную свою судьбу соседке — 15 минут.
9. Соседка грустно качала головой — 2 минуты.
10. Беспокоилась за свою судьбу — 3 минуты.
11. Нюхала валерианку — 1 минуту...

Теперь давайте считать. Оказывается, на одну запоздавшую гражданку зря затрачивается 64 минуты драгоценного рабочего времени.

А ежели к этой цифре добавить еще минут 10, непроизводительно затраченных Гаврилой на этот фельетон, то и совсем получается обидно и досадно.

Ох, граждане, не опаздывайте больше! Сами видите, чего получается: ерунда получается.

О ВРЕДЕ ГРАМОТНОСТИ

Председателя Ногинского сельсовета гражданина Захарова мы не хаем. Работник он чудный. Специальный работник. Орел прямо-таки.

И насчет денежных сумм — ни-ни. Не растратит.

Вот разве только бумагу иной раз растрчивает зря. Такой уж у него, знаете ли, характер отчаянный. Чуть что — пишет. И все официальные бумаги пишет. Надо ему, например, стакан чаю принести — пишет. Стол передвинуть — опять пишет.

Газета «Рабочий Край» сообщает:

Ногинский сельсовет очень уж увлекается канцелярией. Даже пишет официальные отношения исполкомовской сторожихе. Сторожиха же, Павлова Клеопатра, живет тут же, через стенку. В один прекрасный момент (*а таких моментов было много!*) она получает пакет.

А в пакете, дорогие граждане, черным по белому сказано:

СССР, Ногинский Гр. Павловой-Клеопатре Ивановне
Сельский Совет,

крест. депутат. Но- Ногинский сельсовет предлагает вам примыться в
гин, в., Серед, у. здании Исполкома в обоих комнатах завтра.

За неисполнение вами настоящего будут приняты меры к удалению из квартиры.

Пред. Захаров

И хорошо, ежели Клеопатра Иванна — грамотная бабочка. Тогда полбеда. Прочтет бумажку, дескать, примыться требуется — пойдет и примоеся.

А каково, если Клеопатра Иванна неграмотная?

Ну, получит бумажку — побежит к родственнику. Да хорошо, ежели родственник не надрался с утра, а сидит трезвый и хомут читит. А ежели надрался? Куда бежать Клеопатре Иванне? К Гавриле не побежишь. К Гавриле пушай председатель бежит. Надо бы посмотреть, какой он с наружности.

Ну да, впрочем, председателя мы не хаем. Дорвался до бумаги, так и пушай пока пишет. Потому мы вполне понимаем, по каким причинам у него такая канцелярская блажь. Вот только нам Клеопатру Иванну ужас как жалко.

Ах, Клеопатра Иванна, Клеопатра Иванна! Трудно, небось, вам живется при вашей малограмотности у столь грамотного председателя.

А так все остальное хорошо и отлично. Дела идут, сельсовет пишет. И бумажный кризис изживается.

БЕЛИБЕРДА

Вот и Пасха православная наступила.

Верующий народ самосильно молится, свечечки ставит и к иконам прикладывается. И не знает, чего, например, в Святогорской церкви, что в Шуйской волости, произошло.

А в Святогорской церкви произошло такое, что хоть святых оттуда вон выноси. И, наверное, вынесут.

Верующие там в панике. Заместо, говорят, святых апостолов наши же мужики обнаружились.

Фу, дайте объяснить по порядку!

Сейчас мы, братцы, весь церковный фронт можем разгромить. Очень уж факт отчаянный. Газета вологодская «Красный Север» тоже про это написала. Только она мало знает, мы больше знаем.

А висела, значит, в Святогорской церкви иконка апостола Павла. Десять лет висела — ничего. На одиннадцатый год все и обнаружилось.

А пришла в церковь старая старуха Крутикова. Из деревни Пустошное. Пришла и говорит:

— Бросьте, говорит, вы, граждане, молиться и креститься вот этой иконе. Это, говорит, мой муж изображен.

Ну, народ к старухе.

— Как это? Почему такое? Говори, не то изувечим.

Вот старуха и начала каяться:

— Это, говорит, граждане, при царском еще режиме. Нарядили, говорит, моего мужа в одежду и на карточку сняли. А после на икону списали. И велели молчать... Я, говорит, десять лет молчала, а тепери-

ча помирать скоро... Охота покаяться... Извините меня, худую... А вот та, другая икона с Петром — это опять же Ваня Каретников нарисован... Извините меня, худую...

Посмотрел народ на иконы. И враз признал.

— Ну, говорят, а ведь верно! Это, говорят, сразу видно — Крутиков. А этот, как на ладони. Ванька Каретников. И нос у его тоже пухлый и бороденка веером.

Ну, смех вокруг поднялся. Хохочет народ, узнает знакомые рожи, лапами трогает. Такая чепуха поднялась — хоть святых вон выноси.

И действительно придется вынести. Нельзя же, граждане, оставлять, раз этакая грубая подделка обнаружилась.

Ах, чего на церковном фронте творится! Белиберда сущая!

БЕДНЫЙ ТЫРКИН

1

Лицо свободной профессии Яков Абрамович Тыркин две недели ходил в расстроенных чувствах. Бедный Тыркин сильно сомневался: подать ли фининспектору верные сведения о своих доходах или прихватить чуточку.

Выходило и так и так плохо.

— Ну, ладно, — говорил себе Тыркин. — Ну, хорошо. Ну, подал верные сведения... Да что мне, помилуйте, спасибо за это скажут? Ручку пожмут? Штаны купят? Ха! Довольно дураками жили. Пора и поумнеть...

Однако умнеть Тыркину было жутковато.

«Ну, ладно, — думал Тыркин. — Ну, приврал. Ну, убавил доходы... А вдруг откроют? Вдруг какая-нибудь комиссия или там какой-нибудь черт в ступе обнаружит?... Ведь это имущество опишут, хвост накрутят, в тюрьму посадят...»

И бедный Тыркин, вытирая холодный пот со лба, мучился в своей нерешительности.

2

Две недели ходил Яков Абрамович Тыркин осоловевший, не зная, чего ему предпринять. Но, наконец, гражданская доблесть одержала верх, и Тыркин решил подать верные сведения.

— Довольно! — говорил Тыркин. — Баста! Все мы заврались. Пора начинать честно жить... А то один приврет, другой соврет, третий надует... Каково это республике?..

И вот двадцать второго числа, в ясный солнечный день, Яков Абрамович Тыркин, восхищенный собой, своей честностью и решимо-

стью, подал декларацию с верным указанием всех доходов о своей свободной профессии.

Больше того: Тыркин имел даже мужество указать о всех своих случайных доходах — выигрыш в преферанс 7 р. 50 к. и найденный двуровненный на передней площадке трамвая.

Итого вся сумма тыркинских доходов за полугодие выразилась в точной цифре 1207 р. 70 к.

Склони голову, читатель, перед честным лицом свободной профессии Яковом Абрамовичем Тыркиным.

3

Фининспектор сорок седьмого района Иван Иванович Гусев просматривал поданные декларации.

— Так, так, — говорил фининспектор, покуривая папироску. — Тыркин Яков... Гм... Это какой же Тыркин?.. Лицо свободной профессии... Так, так... Сколько же этот Тыркин указал?.. Гм... Тысячу двести указал... Жулик народ пошел. Тысячу двести указал — значит, приврал наполовину... Знаем мы эти штучки. Гм, Тыркин... Сейчас мы ему припаем... Считаем ему две тысячи пятьсот. Вернее будем... Так, так...

4

А это время Яков Абрамович Тыркин, утомленный своей гражданской доблестью, спал и видел сон, будто все фининспекторы города Ленинграда и его окрестностей стоят перед ним и в порядке живой очереди жмут ему руки и восхищаются его доблестью. И будто какой-то представитель откомхоза является с золотыми часами и надевает эти часы на грудь Тыркина. А сам будто Тыркин машет руками и упрашивает фининспекторов не напирать...

5

Пожалей, дорогой читатель, честного Тыркина.

№ 1028

Прошу запомнить. Это номер рабкора Овсянникова. Того, значит, самого Овсянникова, который на станции Обдулино живет.

Сейчас мы ему, граждане, хвост накрутим, не стесняясь расстоянием.

Дайте только объяснить по порядку.

Случилось это вечером в городе Белебее. Какой это город Белебей, — не беремся описать. Не знаем этого города. И по совести говоря, в первый раз слышим о нем. Единственно, чего знаем, это что там

стенная газета выходит. Местком белебеевский кант'юстиции ее выпускает.

А какая это газетка — хороша она или дрянь газетка, — опять-таки не знаем. Не читали.

Вот рабкору Овсянникову эта газетка сильно не нравится. Не одобряет ее рабор.

Раз как-то проходил он мимо витрины, остановился, прочитал, сплюнул в сторону.

Эх, думает, плохо пишут. Учить чертей надо...

И карандашиком, знаете ли, почиркал кое-что. И на полях приписал свои туманные заключения. А одну статеечку даже совсем вымарал, к чертовой бабушке. И приписал сбоку: «*Бросьте ерунду писать!*» — рабор № 1028 «Гудок». И исполнив этот свой светлый гражданский долг, рабор пошел от витрины, тихонько и весело посвистывая.

Но не свисти, рабор Овсянников! Обожди свистать-то, милый. Дело есть.

Увидел местком, чего с ихней газетиной сделано, обиделся и распалился. А жалобу подал в белебеевское кантонное отделение. А кантонное отделение — нам: дескать, товарищ Гаврила, будьте любезны.

Вот бумажка за № 828, полученная из города Белебея:

Препровождая при сем копию акта месткома Белебеевской Кант'юстиции, из коего усматривается, что рабор «Гудка» № 1028 т. Овсянников позволил себе выходки, свойственные старорежимному Царскому цензору по отношению к издаваемой месткомом стенной газете, а потому Правление убедительно просит тов. Гаврилу «расписать» раборка Овсянникова так, чтобы в будущем отбить у него аппетит на звание Царского цензора.

Поступок у раборка вредный — не заступаемся. Но только зачем же, товарищи, такие строгие слова выносить — царский цензор? Да ведь, может, это он по глупости делал? Просим ему снисхождения.

В другой раз пушай с нас пример берет. Разве мы чиркаем ерунду? Да вот недалеко ходить. Вот эта самая бумажка за № 828, которую нам из Белебея прислали. Да там слово «царский» дважды с большой буквы написано. Явная ерунда. А мы ничего — печатаем без особых заключений. А ведь ерунда такая, что читать от этого противно.

Так-то, товарищи. Кто из нас без греха...

Ну а касаемо № 1028 — надо бы ему слегка хвост накрутить. Потому, действительно, уж очень поступок вредный. Не защищаем. Хотя и просим снисхождения.

НАСЧЕТ ЭТИКИ

Конечно, некоторым товарищам неизвестно это слово — этика.

Некоторые товарищи, небось, думают, что это какое-нибудь испанское трехэтажное словечко. Но это не так, дорогие товарищи. Это

довольно хорошее, симпатичное слово. Его даже употребляют на некоторых собраниях. Даже говорят: союзная этика...

А означает оно, ну, вроде, что ли, как бы сказать — поведение или правильное отношение. А, впрочем, черт его разберет! Уж очень заковыристое слово. А, главное, понимают его по-разному. В одних местах так, в других — этак. А, например, — Земетчинский сахарный завод и совсем глупо понимает.

Сейчас расскажем про этот завод. Все отпоем.

Держись, братцы! Начинается.

Однажды тяжкое горе постигло этот завод. Любимого, можно сказать, начальника и друга, директора Григория Федоровича Каратаева перевели на другой завод. А именно — к боринцам.

Очень горевали земетчинцы.

— Братцы, — говорят, — надо хотя ознаменовать уход этого дорогого директора. Давайте, товарищи, поднесем ему душевный адрес с указанием, так сказать, всех его драгоценных качеств.

Согласились. И, не заявляя в завком, взяли и написали.

«Глубокоуважаемый... Вы — этот, который... Отдали силы... Тяжелые условия... Мы лишаемся... Желаем... Многие годы...» И прочее тому подобное.

Написали и поднесли.

Григорий Федорович прочел и едва не прослезился. Спрятал адрес в карман, распрощался дружески и отбыл на Боринский завод.

Тут-то все и начинается.

Узнал об этом адресе земетчинский завком и в срочном порядке собрание собрал. И на собрании объявил:

Выдача всяких адресов и аттестатов может происходить только через завком, как через союзную организацию. В данном случае *вы нарушили союзную этику. Надо потребовать адрес обратно.*

Тут начали робко возражать, дескать, какой же это аттестат? Это так, вроде как в альбом на память написано.

Никаких возражений не стал слушать завком и через боринский завком потребовал:

Возвратить случайно выданный адрес.

Тут-то все и началось. Земетчинцы кричат: — Отдайте адрес! Потому — это явное нарушение союзной этики.

Боринцы отвечают:

— Адреса не отдам. Потому адреса назад отдавать — это против союзной этики. И за это оскорбление мы вам еще хвост накрутим.

А сам Григорий Федорович тихонько охает:

— Братцы, — говорит, — да я-то при чем? Я же не против этики. Берите все назад. Ну вас к лешему!

Вот тут, граждане, и разберись. Одно небольшое слово, а как понимают его в разных уездах!

А мы, Ленинградского уезда, совсем от этого с толку сбились.

А москвичи, например, не сбились. И говорят, будто даже ЦК сахарников уволил земетчинского предзавкома за нарушение союзной этики.

Вот оно как!

А чего думают про это слово в Дорогобуже — неизвестно. Скорей всего — ничего. Не дошло, небось, до них это слово. Ну, и к лучшему.

КУЗНЕЦА ОБИДЕЛИ

Лесопильное дело — легкое и веселое производство. Вредности в нем никакой. Опилки хотя и летят, так ведь не в рот летят. И ежели рта не раскрывать во время работы, так и не вредно получается.

Кузнечное дело — это другой коленкор. Тут угли все-таки, огонь, дым. Обжечься опять же можно. Или захворать от дыма. Это — безусловно вредное производство.

Ну, а вот теперь взять, к примеру, кузнеца и поставить его на работу в кузницу на лесопильный завод? Ну-те, чего получится? Вредно или не вредно?

Вопрос этот оказался до того тонкий и ехидный, что вокруг него целая каша заварилась. Каша заварилась, а мы — расхлебывай!

Все произошло на ст. Енисей на лесозаводе.

Поступил туда кузнецом наш задушевный друг и приятель дорогой товарищ Ушкалов. Поработал он год и просит выдать ему денег вместо отпуска за вредность. И подает он заявление в РКК.

РКК думает: «Раз это кузнец, то хотя он и на лесозаводе работает, дело и вредность от того не меняются. И пушай кузнец за эту вредность огребает деньги лопатой».

Одним словом, разрешили. Только послали свое постановление начальнику района Сибтранслеса, чтоб утвердил.

Начальник района на эту бумажку отвечает заносчиво: пушай, дескать,

РКК укажет пункт законодательства о вредности лесопильного производства.

Прочел эту резолюцию начальник завода товарищ Филимонов и не растерялся. Написал даже завкому:

Препровождаю бумагу для конкретного указания законодательства о вредности работ на лесозаводе.

Одним словом, плакали Кузнецовы денежки. Отказали ему начальники. И хотя этих начальников слегка и обложили в газете «Красноярский рабочий», но будет ли с того какой толк — не знаем. Не ручаемся. Уж очень вопрос сложный.

На этот вопрос массу мозгов растратить нужно. А мозги-то нынче в большой цене. Издалека видно.

Эх, не видать, кажись, кузнецу денег, как своих ушей!

Сочувствуем, братишечка.

ДОМАШНЕЕ СРЕДСТВО

Неохотно нынче народ на собрания ходит! Чего с ним сделалось — непонятно.

Писалось про это множество раз. Сколько перьев испортили! Один даже общественный работник от этого чесоткой захворал. Истинная правда. Конечно, может, он и от знакомого пуделя заразился, — не в этом дело.

Теперь он поправился. А дело насчет собраний не улучшилось. Выходит, что зря болел, бедняга.

Вот тоже, например, в Ростове. Фабрика там такая есть.

Трудно так выговаривается — Донгостабфабрика. Фабком уж и так и сяк уговаривал рабочих ходить на собрания — не слушают. Тогда фабком плакатик вывесил, — дескать, *музыка будет играть на собраниях*. Духовой оркестр.

Не знаем, подействовало это или нет. А то, если не подействовало, пушай фабком не горюет. Много есть еще домашних средств привлекать на собрания. Танцы, например, буфет с прохладительными напитками или, скажем, выдавать всем пришедшим на собрания какие-нибудь недорогие вещички или бутерброды с колбасой. А то можно еще за ногу веревкой привязать человека и тащить его.

Масса средств имеется в природе. А какие употреблять — зависит от общего развития граждан. Например, про себя Гаврила скажет — развития среднего, за ногу тащить не надо, достаточно, чтоб с музыкой.

Так-то, братцы! Ходи веселей!

ВРЕДНЫЕ МЫСЛИ

Вот, граждане, иную газетку прочтешь, и настроение станет паскудное.

Давеча попалась нам под руку ростовская газета. Взяли мы эту ростовскую газету и пошли на травке поваляться. После обеда это очень даже симпатично выходит... Лежишь, а тут знаете ли, кругом природа, птички и букашки порхают, червячки чирикают...

Так пришли мы с этой газеткой. И надо бы эту газетку не читать, а от мух, например, ею прикрываться. А мы сдуру читать начали. А в газетине такие вещи напечатаны, что не только себе, а и дорогим сво-

им читателям сейчас настроеньице попортим. Уж извините. Не можем иначе.

А дело все в работниках просвещения шахтинского совпрофа. Захотели эти отчаянные просвещенцы, представьте себе, собственный клуб иметь. Ну, и натурально шахтинскому окрсовпрофу сообщили об этом своим безумном желании. Дескать, разрешите. А совпрофу это оказалось — нож вострый. Нету, говорят, не разрешим. Атанде!

В письменной форме этот отказ звучит примерно так:

Межсоюзная организация никогда не допустит, чтобы работники просвещения имели свой клуб, потому что это — *стремление к кастовой замкнутости*.

Извольте работать в межсоюзном клубе...

Ну, и не допустили.

И действительно: наглость этих работников просвещения не поддается описанию. Ишь, черти, чего захотели: собственный клуб иметь!

Да это если так пойдет, то и металлисты тоже того же захотят. А там, глядишь, и деревообделочники туда же сунутся.

И чего, собственно, смотрит шахтинский окрсовпроф? Под самым евонным носом находятся такие, можно сказать, вредные «кастовые» организации, как разные там союзы — просвещенцы и прочие, а совпроф их не распускает. Распустить надо этих отчаянных крамольников. За глаза хватит одного совпрофа. А то от этих союзов одни только вредные мысли идут насчет клубов и всякие неприятности этому шахтинскому окрсовпрофу.

А неприятностей ему теперь действительно не обобратся.

Мы, при всей нашей доброте сердечной, и то, с удовольствием пихнем. На те!

КОМИКИ

Я, граждане, не особенно долюбиваю концерты и всякие там балы. Мне на них всегда скучновато бывает. Даже, признаться, ко сну клонит, ежели тихое, например, пение или музыка без барабанов.

А вот один концерт-бал мне действительно понравился. В Петергофе было. Военно-железнодорожники устроили. Это действительно был вечер.

Конечно, весь концерт-бал был не ахти какой. Как говорится: бал — кот с печки упал. Но вот один номер был выдающийся. Главное, уж очень смешно было. Многих слабосильных дамочек даже заживо выносили в истерике, до того они хохотали.

И нельзя было не смеяться. Потому выстроили железнодорожники все свои батальоны и объявляют: сейчас, дескать, произойдет комический номер. Каждому железнодорожнику выдадут по фунтовой булке

ПОВЕСТИ

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ ПОВЕСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В силу прошлых недоразумений, писатель уведомляет критику, что лицо, от которого ведутся эти повести, есть, так сказать, воображаемое лицо. Это есть тот средний интеллигентский тип, которому случилось жить на переломе двух эпох.

Неврастения, идеологическое шатание, крупные противоречия и меланхолия — вот чем пришлось наделить нам своего «выдвиженца» — И. В. Коленкова. Сам же автор — писатель М. М. Зощенко, сын и брат таких нездоровых людей, — давно перешагнул все это. И в настоящее время он никаких противоречий не имеет. У него на душе полная ясность и розы распускаются. А если в другой раз эти розы вянут и нету настоящего сердечного спокойствия, то совершенно по другим причинам, о которых автор расскажет как-нибудь после.

В данном же случае это есть литературный прием.

И автор умоляет почтеннейшую критику вспомнить об этом замысловатом обстоятельстве, прежде чем замахнуться на беззащитного писателя.

*Апрель 1929 г.
Мих. Зощенко
Ленинград*

АПОЛЛОН И ТАМАРА

1

Жил в одном городе на Большой Проломной улице свободный художник — тапер Аполлон Семенович, по фамилии Перепенчук.

Фамилия эта — Перепенчук — встречается в России не часто, так что читатели могут даже подумать, что речь сейчас идет о Федоре Перепенчуке, о фельдшере из городского приемного покоя, тем более, что оба они жили в одно время и на одной и той же улице, и по характеру не то чтобы были схожи, но в некотором скептическом отношении к жизни и в образе своих мыслей ихние характеры как-то перекалились.

Но только фельдшер Федор Перепенчук помер значительно пораньше, да и, вернее, не сам помер, не своей то есть смертью, а он удавился. И случилось это незадолго до IV конгресса.

Об этом газеты своевременно трубили: покончил, дескать, с собой, при исполнении служебного долга, фельдшер из городского приемного покоя, Федор Перепенчук, причина — разочарование в жизни...

Этакую, правда, нелепость могут досужие репортеришки написать. Разочарование в жизни... Федор Перепенчук и разочарование в жизни... Ах, какие это пустяки. Какая несусветная околесица!

Это правда: поверхностно размышляя, точно, жил, жил человек, задумываясь о бессмысленном человеческом существовании и руки на себя наложил. Точно, на первый взгляд — разочарование. Но тот, кто поближе знал Федора Перепенчука, не сказал бы таких пустяков.

Это к Аполлону Перепенчуку, таперу и музыканту, могло бы подойти это слово — разочарование. Жил потому что человек, бездумно наслаждался прелестью своего бытия, а после, от причин исключительно материальных и физических, и от всяких катастроф и коллизий, — ослаб и к жизни, так сказать, потерял вкус. Но не будем забегать вперед, о нем, об Аполлоне Перепенчуке и будет наше повествование.

А вот Федор Перепенчук... Вся сила его личности была в том, что не от бедности, не от катастроф и коллизий он пришел к своим мыс-

лям, нет, мысли его родились путем зрелого, логического размышления значительного человека. О нем не только что рассказ написать, о нем целые тома сочинений написать можно было бы. Но только не каждый писатель взялся бы исполнить труд этот. Не каждый бы мог быть биографом и, так сказать, жизнеописателем дел и мыслей этого выдающегося человека. Тут потребовался бы сочинитель величайшего ума и огромной эрудиции, а также и знание мельчайших вещей и вещей — и о происхождении человека, и о зарождении вселенной, и всякие философские воззрения, теория относительности и другие там разные теории, и где какая звезда расположена, и даже хронология исторических событий — все это потребовалось бы для изучения личности Федора Перепенчука.

И в этом отношении Аполлону Перепенчуку ни в какой мере с ним не сравняться.

Аполлон Перепенчук был, прямо-таки, перед ним пустяковый человек, дрянцо даже... Не в обиду будет сказано его родственникам. А, впрочем, родственников по прямой линии у него и не осталось, разве что тетка его по отцу, Аделаида Перепенчук. Ну, да и та в изыщной словесности, пожалуй, что ничего не понимает. Пушай обижается.

Приятелей у него тоже не осталось. Да у таких людей, как Федор и Аполлон Перепенчуки, и не могло быть приятелей. У Федора никогда не было, а Аполлон растерял их, как впал в нищету.

И какой это мог быть приятель у Федора Перепенчука, ежели людей он не любил, презирал, вернее, образ своей жизни вел замкнутый, строгий даже, и с людьми, если и разговаривал, то для того, чтобы механически высказать накопившиеся воззрения, а не затем, чтобы услышать возгласы одобрения и критику.

Да и кто, какой человек величайшего ума смог бы ответить на его гордые мысли:

— Для чего существует человек? Есть ли в жизни у него назначение, и если нет, то не является ли жизнь, вообще говоря, отчасти бессмысленной?

Конечно, какой-нибудь приват-доцент или профессор на государственном золотом обеспечении сказал бы с неприятной легкостью, что человек существует для дальнейшей культуры и для счастья вселенной. Но все это туманно и неясно, и для простого человека даже омерзительно. И тогда и всплывают разные удивительные вещи: для чего, скажем, существует жук или кукушка, которые явно никому никакой пользы не приносят, а тем более, для дальнейшей культуры, и в какой мере жизнь человека важнее жизни кукушки, птицы, которая могла бы и не жить, и мир от этого бы не изменился.

Но тут нужно гениальное перо и огромные знания, чтобы хоть отчасти отразить величественные замыслы Федора Перепенчука.

И, может, и не следовало бы тревожить тень замечательного человека, если б в свое время отчасти не дошел бы до этих мыслей ученик

по духу и дальний его родственник — Аполлон Семенович Перепенчук, тапер, музыкант и свободный художник, проживавший на Большой Проломной улице.

Он проживал на этой улице за несколько лет до войны и революции.

2

Слово это — тапер — ничуть для человека не унизительно. Правда, некоторые люди и, в том числе, сам Аполлон Семенович Перепенчук до некоторой степени стеснялись произносить это слово на людях, а в особенности в дамском обществе, превратно полагая, что дамы от этого конфузятся. И если Аполлон Семенович и называл себя тапером, то непременно с прибавлением — артист, свободный художник, или еще как-нибудь по-иному.

Но это несправедливо.

Тапер — это значит музыкант, пианист, но пианист, стесненный в материальных обстоятельствах, и вынужденный оттого искусством своим забавлять веселящихся людей.

Профессия эта не столь ценна, как, скажем, театр или живопись, однако и это есть подлинное искусство.

Конечно, существует в этой профессии множество слепых старичков и глухонемых старушек, которые снижают искусство это до обыкновенного ремесла, бессмысленно ударяя по клавишам пальцами, наигрывая разные там польки, полечки и мажоры.

Но под этот разряд ни в какой мере нельзя было отнести Аполлона Семеновича Перепенчука. Истинное призвание, темперамент артиста, лиризм и вдохновение его — все шло вразрез с обычным пониманием ремесла тапера.

Был при этом Аполлон Семенович Перепенчук в достаточной мере красив и даже изыскан. От лица его веяло вдохновением и необыкновенным благородством. И всегда гордо закушенная нижняя губа и надменный профиль артиста — делали фигуру его похожей на изваяние.

Даже кадык, простой, обыкновенный кадык или, как он еще иначе называется — адамово яблоко, то, что у других людей было омерзительно и вызывало насмешки, у него, у Аполлона Перепенчука, при постоянно гордо закинутой голове — выглядело благородно и даже напоминало что-то греческое.

А ниспадающие волосы! А бархатная блуза! А темно-зеленый до пояса галстук! Собственно говоря, необыкновеннейшей красотой наделен был человек.

А те моменты, когда он появлялся на балу своей стремительной походкой и статуей замирал в дверях, как бы окидывая все общество надменным взглядом... Да, неотразимейший был человек. Не одна женщина лила по нем обильные слезы. А как сердито сторонились его

мужчины! Как прятали от него жен под предлогом, что неловко, дескать, жене государственного, скажем, чиновника трепаться с каким-то таперишкой.

А то незабываемое событие, когда старший делопроизводитель Казенной палаты получил анонимное письмо с объяснением, что жена его состоит в нежных отношениях и в предосудительной связи с Аполлоном Перепенчуком!.. Та уморительная сцена, когда делопроизводитель этот два часа караулил на улице Аполлона Семеновича, чтобы помять ему бока, и по ошибке, введенный в заблуждение длинными волосами, избил секретаря городской управы...

Ах, смешные были дела! И что всего смешнее, что все скандалы, записочки и дамские слезы не имели под собой никакой почвы. Имея счастливую внешность ловеласа, романтика и разорителя чужих семей, Аполлон Семенович Перепенчук был, напротив того, необыкновенно робкий и тихий человек.

Он даже чуждался женщин, сторонился их, считая, что настоящий, истинный артист не должен связывать ничем своей жизни...

Правда, женщины писали ему записки и письма, где назначали ему тайные свидания и называли его ласкательными и уменьшительными именами, но он был непоколебим.

Записочки и письма он бережно хранил в шкатулке, в свободное время разбирая их, нумеруя и связывая по пачкам. Но жил уединенно и даже замкнуто. И всем знакомым своим при случае любил сказать:

— Искусство — это выше всего.

А в искусстве он был не последним. Конечно, существуют такие виртуозы, которые на одних лишь черных клавишах могут исполнить разные мотивы, до этого Аполлону Перепенчуку было далеко, однако он имел-таки собственную композицию-вальс «Нахлынувшие на меня мечты»...

Вальс этот он весьма успешно исполнял, при огромном стечении публики, в стенах Купеческого собрания.

Это было в тот год, о котором пойдет речь, год наибольшей его славы и известности. К этому счастливому времени относится и другое его сочинение, неоконченная «Фантази реаль», написанная в мажорных тонах, что не исключало в ней очаровательной лирики. Эта «Фантази реаль» посвящалась некоей Тамаре Омельченко, той самой девице, что сыграла такую решающую и роковую роль в жизни Аполлона Семеновича Перепенчука.

Но тут автор должен объясниться с читателями. Автор уверяет дорогих читателей, что он ни в какой мере не будет извращать событий. Напротив, он будет их восстанавливать именно так, как они и происходили, сохраняя при этом самые мельчайшие подробности, как на-

пример: внешность героев, образ их мыслей, или даже сентиментальные мотивы, которые так не по душе самому автору.

Автор заверяет дорогих читателей, что с необыкновенным прискорбием и даже с болезненным напряжением он вспоминает кое-какие сентиментальные сцены, о которых он должен рассказать, те сцены, когда, например, героиня плачет над портретом, или когда та же героиня зашивает порванную гимнастерку Аполлону Перепенчуку, или когда, наконец, тетушка Аделаида Перепенчук объявляет о распродаже гардероба Аполлона Семеновича.

Эти описания пойдут, так сказать, вразрез со вкусом автора, но все это будет сделано ради истины. Ради истины автор сохраняет даже подлинные имена героев. Пусть читатель не думает, что автор из эстетических соображений назвал своих героев столь редкими, исключительными именами — Тамара и Аполлон. Нет, именно так они и прозывались. И это, впрочем, ничуть не удивительно. Автору доподлинно известно, что все девицы в семнадцать и в восемнадцать лет на Большой Проломной улице прозывались именно Тамарами или Иринами.

А произошло такое исключительное событие по причинам достаточно уважительным. Семнадцать лет назад стоял здесь полк каких-то гусар. И такой это был замечательный полк, такие красавицы все были эти гусары, и так они воздействовали на горожан с эстетической стороны, что все младенцы женского пола, родившиеся в то время, названы были, с легкой руки супруги начальника губернии, Тамарами или Иринами.

Так вот, в тот счастливый, полный головокружительного успеха год, Аполлон Семенович Перепенчук встретил впервые и нежно полюбил девицу Тамару Омельченко.

Было ей тогда неполных восемнадцать лет. Была она не то чтобы красавица, а была она лучше красавицы — такая у ней была во всем благородная закругленность форм, такая плывущая поступь и такое очарование нежной юности. Все мужчины, проходящие мимо, будь то на улице, или даже в обществе, называли ее — булочкой, пончиком или пампушечкой. И при этом глядели на нее с большим вниманием и удовольствием.

В тот год она тоже полюбила Аполлона Семеновича Перепенчука.

Они встретились на балу в стенах клуба Купеческого собрания. Это было в начале европейской всемирной войны. Ее поразил вид его, необыкновенно благородный, с гордо закушенной нижней губой. Он был восхищен ее нетронутой свежестью.

В тот вечер он был в особенном ударе. Он бил по роялю со всей силой своего вдохновения так, что дежурный старшина пришел попросить его играть потише, оправдываясь тем, что действительные члены клуба обижаются.

В этот момент Аполлон Перепенчук понял, какой он, в сущности, незначительный еще и мизерный человек. Он, в силу своей профессии прикрепленный к музыкальному инструменту, не сможет даже

подойти к любимой девушке. И, раздумывая так, он выражал звуками всю свою тоску и отчаяние несвободного человека.

Она кружилась в вальсах и мазурках со многими представительными мужчинами, но глаза ее все время останавливались на вдохновенном лице Аполлона Перепенчука.

И в конце вечера, преодолевая девичий стыд, она сама подошла к нему, попросив сыграть что-нибудь из его любимых мотивов. Он сыграл вальс «Нахлынувшие на меня мечты».

Этот вальс решил дело. Она, охваченная трепетом первого чувства, взяла его руку и прижала к своим губам.

Злобная молва о новом марьяже Аполлона Перепенчука тотчас охватила все здание Купеческого клуба. Никто не старался скрыть своего любопытства. Мимо них фланировали люди, подсмеиваясь и хихикая. Даже те, кто одевался уже внизу, сбросили свои шубы и снова поднялись наверх, чтобы самим воочию убедиться в правильности пикантных слухов.

Так началась эта любовь.

Аполлон Перепенчук и Тамара стали встречаться по праздникам на углу Проломной и Кирпичного и, гуляя до вечера, говорили о своей любви и о том замечательном, незабываемом вечере, когда они встретились впервые, вспоминая при этом каждую мелочь, прикрашивая все и восторгаясь друг другом.

Это длилось до осени.

А в тот день, когда Аполлон Семенович Перепенчук, одетый в жакет, с букетом олеандров и с коробкой постного сахара, пришел просить руки Тамары, она, с рассудочностью зрелой женщины, знающей себе цену, отказала ему, невзирая на просьбы своей матери и домочадцев.

— Мамаша, — сказала она, — да, я люблю Аполлона со всей страстью девичьего чувства, но замуж за него сейчас я не пойду. Когда он будет знаменитым музыкантом, когда слава будет у его ног, я сама приду к нему. И я верю, что это будет скоро. Я верю, что он будет известным, знаменитым человеком, умеющим обеспечить свою жену.

Во время ее реплики Аполлон Перепенчук стоял тут же, впервые нizio опустив свою голову.

Весь вечер он плакал у ее ног и с невыразимой страстью и тоской целовал ее колени. Но она была настойчива. Она не хотела рисковать, она боялась бедности и необеспеченной жизни, той жизни, которую влачат почти все люди.

Аполлон Перепенчук бросился к себе. Он жил несколько дней в каком-то тумане, в остервенении каком-то, стараясь придумать способ стать знаменитым, прославленным музыкантом. Но то, что раньше казалось ему легким и простым, теперь представлялось необыкновенной трудностью, даже невозможным.

В его уме мелькали разные планы: уехать в другой город, бросить музыку, бросить искусство и искать счастья и славы в другой профес-

сии, на другом поприще, стать, например, отважным авиатором, делающим мертвые петли над родным городом, над кровлей любимой девушки, или, наконец, стать изобретателем, путешественником, хирургом... Но это были все только планы. Аполлон Перепенчук тут же разрушал их, смеясь над своей фантазией.

Он послал в Петербург сочинение свое — вальс «Нахлынувшие на меня мечты», но неизвестно, что стало с рукописью: затерялась ли она на почте, или какой-нибудь человек присвоил ее себе, впоследствии выдавая ее за свою композицию — неизвестно. В свет она так и не вышла.

Нынче даже мотив ее позабыт. Разве что тетушка Аделаида Перепенчук сохранила его в своей памяти. Ах, она так любила напевать этот вальс!

К этому времени относится и другое сочинение Аполлона Перепенчука — неоконченная «Фантази реаль», неоконченная не в силу творческой беспомощности. Она была не кончена, ибо новый удар сразил нашего бедного героя.

Аполлон Семенович был призван в ряды армии как ратник второго разряда, могущий нести службу в тылу действующих войск.

То, что в фантазиях своих он думал: уехать, искать счастья на стороне, теперь исполнилось.

В декабре шестнадцатого года Аполлон Перепенчук пришел проститься с любимой девушкой.

Даже самые циничные люди, самые зачерствелые сердца плакали, глядя на их нежное расставание.

Прощаясь, Аполлон Перепенчук торжественно сказал, что он или совсем не вернется, или вернется прославленным, знаменитым человеком. Он сказал, что ни война, ни что другое не остановит его стремления к этому.

И девушка, благодарно смеясь, сквозь слезы сказала, что она вполне ему верит и что она непременно будет его женой, когда он вернется таким, как она это хочет, ради их взаимного счастья.

4

И вот прошло несколько лет. Четыре с лишком года прошло с тех пор, как Аполлон Семенович Перепенчук уехал в действующую армию.

Огромные изменения произошли за это время. Социальные идеи в значительной мере покачнулись и ниспровергли прежний быт. Много прекрасных людей отошло к праотцам в вечность. Так, например, скончался от сыпняка Кузьма Львович Горюшкин, бывший попечитель учебного округа, добродушнейший и культурный человек. Помер Семен Семенович Петухов, отличнейший тоже человек и не дурак выпить. Смерть фельдшера Федора Перепенчука относится к тому же времени.

Жизнь в городе чрезвычайно изменилась. Наступившая революция стала создавать новый быт. Но жить было нелегко. И люди боролись за право свое прожить.

И никто за это время не вспомнил Аполлона Семеновича Перепенчука. Разве что Тамара Омельченко да еще тетушка его, Аделаида Перепенчук. Конечно, может быть, и еще какая-нибудь девица подумала о нем, но подумала как о романтическом герое, а не как о тапере и музыканте. Как о тапере о нем никто не вспоминал и не пожалел. В городе таперов не было, да они были и не нужны. С условиями нового быта многие профессии стали ненужными, среди них профессия тапера была вымирающей.

На всех вечерах подвизался теперь маэстро Соломон Беленький с двумя первыми скрипками, контрабасом и виолончелью. На всех вечерах, благотворительных балах, на свадьбах и на крестинах работал с успехом, несомненно, головокружительным, этот неизвестно откуда появившийся человек. Его все полюбили. И верно: никто так, как он, не смог бы вертеть скрипку в руках, переворачивая ее и в паузе ударяя по деке смычком. Мало того, он играл попури из любимейших мотивов, мог исполнять разнообразнейшие танцы и заатлантические танцы, как-то «тремутар» или «медведь». При этом не сходящая с его лица улыбка и даже некоторое добродушно подмигиванье танцующим окончательно сделали его любимцем веселящейся публики. Он был, так сказать, артист современности. И он вытеснил из памяти горожан и в прах растоптал Аполлона Семеновича Перепенчука.

А в тот год, когда Аполлона Перепенчука стала забывать Тамара, и даже тетушка Аделаида Перепенчук, считая племянника своего без вести погибшим, вывесила на воротах записку, объявляющую гражданам о распродаже гардероба Аполлона Перепенчука, как-то: двух пар мало ношенных брюк, бархатной тужурки с темно-зеленым галстуком, пикейного жилета и еще кое-каких вещей, — в тот год он вернулся в родной город.

Он ехал в теплушке с солдатами и, подложив под голову мешок, лежал на нарах всю дорогу. Он казался больным. Он страшно переменялся. Солдатская шинель, рваная, прожженная на спине, армейские ботинки, штаны широкие, цвета защитной материи, хриплый голос — делали его неузнаваемым. Казалось, что это был другой человек.

Даже губа, его гордо закушенная губа, была вытянута в ленточку от постоянного общения с кларнетом.

Никто никогда не узнал, какая катастрофа разразилась над ним. И была ли катастрофа? Вернее всего, что ее не было, а была жизнь, простая и обыкновенная, от которой только два человека из тысячи становятся на ноги, остальные живут, чтобы прожить.

Никогда никому он не рассказывал, как жил эти пять лет и что делал, чтобы вернуться в славе и с почестями.

Единственная вещь — кларнет, который он привез, дала повод людям заподозрить его в том, что славы он искал по-прежнему в искусст-

ве. По-видимому, он был музыкантом в каком-нибудь полковом оркестре. Но ничего неизвестно доподлинно. Он писем никому не писал, не желая, вероятно, сообщать о незначительных фактах своей жизни.

В общем неизвестно.

Известно только, что вернулся он не только не знаменитым, — вернулся он больным, голодным даже — иным человеком — с морщинами на лбу, с удлиненным носом, с побелевшими глазами и низко опущенной головой.

Он, как вор, вернулся в дом своей тетушки, как вор, бежал по улицам от вокзала, стараясь, чтоб никто его не увидел. Но его если и видели, то не узнавали. Ничего не оставалось в нем старого. Был это другой Аполлон Перепенчук.

Самое возвращение его было ужасно. Новый удар, едва перешагнув он порог, обрушился на его голову. Вещи, его прекрасные вещи: бархатная тужурка, штаны, жилет — погибли безвозвратно. Тетушка, Аделаида Перепенчук, все распродала, вплоть до безопасной бритвы.

С некоторым даже равнодушием и безразличностью выслушал Аполлон Семенович тетушкины рыдания и, не упрекнув ее, только переспросив еще раз о бархатной тужурке, бросился к Тамаре.

Он бежал к ней, задыхаясь и ни о чем не думая, по Большой Проломной. Все псы выбегали ему навстречу и лаяли, пытаясь схватить его за ободранные штаны.

Наконец, еще усилие — ее дом, Тамарин дом... И Аполлон Перепенчук стучит кулаком в дверь.

Она, Тамара, встретила его испуганно, стараясь тотчас, сию минуту, понять, что с ним случилось. И, глядя на его рваную блузу, на изможденное лицо — поняла.

Он смотрел пристально, пронзительно в ее глаза, пытаясь проникнуть в ее думы, понять. Но ничего не понял.

Так они долго стояли друг перед другом, не проронив слова. Потом он стал перед ней на колени и, не зная, о чем сказать, тихо заплакал. Она тоже плакала над ним, по-детски всхлипывая и часто сморкаясь.

Наконец она села в кресло, а Аполлон, опустившись перед ней, бессмысленно лепетал какие-то пустяки. Тамара смотрела на него, но ничего не понимала и ничего не видела, она видела лишь загрязненное его лицо, свалывшиеся волосы и рваную гимнастерку. Ее сердечко, сердечко благоразумной женщины, сжималось. Она принесла нитки и ножницы и, попросив его, не сосчитав за труд, вдеть нитку в иглу, принялась зашивать ему гимнастерку, время от времени укоризненно покачивая головой.

Но тут автор должен сказать, что он не мальчик продолжать описание этой сентиментальной сцены. И, хотя осталось немного, автор переходит к психологии героя, нарочно опустив две-три сентиментальных и интимных подробности, как, например: она расчесывает своим гребнем свалывшиеся его волосы, она обтирает его изможденное лицо

полотенцем и прыскает на него «Персидской сиренью»... Автор заявляет, что ему нет дела до этих подробностей, его интересует психология.

Так вот, благодаря этому нежному вниманию со стороны Тамары, Аполлон Перепенчук подумал, что все идет по-прежнему, что по-прежнему она его любит, и с криком восторга он бросился к ней, пытаясь заключить ее в свои объятия.

Но она сказала, нахмурившись:

— Любезный Аполлон Семенович, я, кажется, когда-то наговорила вам много лишнего... Надеюсь, вы не приняли мой невинный девичий лепет за чистую монету.

Он не поднимался с колен, с трудом понимая ее слова. Она встала, прошла по комнате и с сердцем промолвила:

— Может быть, я и виновата перед вами, но вашей женой я не буду.

Аполлон Перепенчук вернулся домой и дома вдруг понял, что ничто теперь не в состоянии вернуть ему прежней жизни и что прежняя жизнь смешна и наивна. И смешно и наивно было его желание стать великим музыкантом и знаменитым прославленным человеком. И еще понял: всю свою жизнь он жил не так, как нужно, не то делал и не то говорил... Но как было нужно, он и теперь не знал.

И, ложась спать, он усмехнулся с горечью, как некогда усмехался фельдшер Федор Перепенчук, стараясь, наконец, понять, проникнуть в сущность явлений.

5

В короткое время Аполлон Семенович Перепенчук страшно обеднел. Больше того: это была бедность, даже нищета, человека, потерявшего всякие надежды на улучшение. Правда, он и приехал без ничего, однако первое время он не хотел и не смел признаться в своей ужасающей бедности.

Теперь он с недоброй усмешкой говорил об этом тетушке своей Аделаиде Перепенчук:

— Я, тетушка, беден, как испанский нищий.

Тетушка, чувствуя свою вину перед ним, старалась его успокоить, утешить, ободрить, говоря, что еще не все окончательно потеряно, что его жизнь еще вся впереди, что вместо проданного темно-зеленого галстука она сделает ему очаровательный лиловый из корсажа вечернего своего туалета, и что, наконец, бархатную тужурку за недорогого взялся бы сделать знакомый ей дамский портной Рипкин.

Но Аполлон Перепенчук только усмехался.

Он не сделал ни одного шага, ни одной попытки как-нибудь изменить, поставить на прежний лад свою городскую жизнь. Это, впрочем, произошло с тех пор, как он узнал, что в городе на всех вечерах подвизается теперь маэстро Соломон Беленький. До этого какие-то

неясные мечты, ускользающие планы теснились в его возбужденном мозгу.

Маэстро Соломон Беленький и исчезновение бархатной куртки сделали Аполлона Перепенчука безвольным созерцателем.

Он целыми днями лежал теперь в постели, выходя на улицу для того, чтобы найти оброненный окурочок папиросы или попросить у прохожего на одну завертку щепоточку махорки. Тетушка Аделаида его кормила.

Иногда он вставал с постели, вынимал из матерчатого футляра завязанный им кларнет и играл на нем. Но в его музыке нельзя было проследить ни мотива, ни даже отдельных музыкальных нот — это был какой-то ужасающий, бесовский рев животного.

И всякий раз, когда он начинал играть, тетушка Аделаида Перепенчук менялась в лице, вынимала из шкафика различные банки и баночки со всякими препаратами и нюхательными солями и ложилась в постель, глухо стоная.

Аполлон Семенович бросал кларнет и снова искал успокоения в кровати.

Он лежал и пронизательно думал, и мысли приходили к нему те же, что некогда тревожили Федора Перепенчука. Иные мысли, по силе и глубине, ничуть не уступали мыслям его значительного однофамильца. Он думал о человеческом существовании, о том, что человек так же нелепо и ненужно существует, как жук или кукушка, и о том, что человечество, весь мир, должны изменить свою жизнь для того, чтоб найти покой и счастье, и для того, чтоб не подвергаться таким страданиям, как произошло с ним. Ему однажды показалось, что, наконец-то, он узнал и понял, как надо жить человеку. Какая-то мысль коснулась его мозга и снова исчезла неоформленная.

Это началось с малого. Аполлон Перепенчук как-то спросил тетушку Аделаиду:

— Как вы полагаете, тетушка, есть ли у человека душа?

— Есть, — сказала тетушка, — непременно есть.

— Ну, а вот обезьяна, скажем... Обезьяна человекоподобна... Она ничуть не хуже человека. Есть ли, тетушка, у обезьяны душа, как вы полагаете?

— Я думаю, — сказала тетушка, — что у обезьяны тоже есть, раз она похожа на человека.

Аполлон Перепенчук вдруг взволновался. Какая-то смелая мысль поразила его.

— Позвольте, тетушка, — сказал он. — Ежели есть душа у обезьяны, то и у собаки, несомненно, есть. Собака ничем не хуже обезьяны. А ежели у собаки есть душа, то и у кошки есть, и у крысы, и у мухи, и у червяка даже...

— Перестань, — сказала тетушка. — Не богохульствуй.

— Я не богохульствую, — сказал Аполлон Семенович. — Я, тетушка, ничуть даже не богохульствую. Я только факты констатирую... Зна-

чит, у червяка тоже есть душа... А что вы теперь скажете? Возьму-ка я, тетушка, и разрежу червяка надвое, напополам... И каждая половина, представьте себе, тетушка, живет в отдельности. Так? Это что же? Это, по-вашему, тетушка, душа раздвоилась? Это что же за такая душа?

— Отстань, — сказала тетушка и испуганно посмотрела на Аполлона Семеновича.

— Позвольте, — закричал Перепенчук. — Нету, значит, никакой души. И у человека нету. Человек — это кости и мясо... Он и помирает, как последняя тварь, и рождается, как тварь. Только что живет по-выдуманному. А ему нужно по-другому жить...

Но как нужно было жить, Аполлон Семенович не мог объяснить своей тетушке — он не знал. Тем не менее мыслями своими Аполлон Семенович был потрясен. Ему казалось, что он начал понимать что-то. Но потом в голове его снова все мешалось и путалось. И он признавался себе, что он не знает, как, в сущности, надо было бы жить, чтоб не испытывать того, что он сейчас чувствует. А он чувствует, что его игра проиграна и что жизнь спокойно продолжается без него.

Он несколько дней кряду ходил по комнате в страшном волнении. А в тот день, когда волнение достигло наивысшего напряжения, тетушка Аделаида принесла письмо на имя Аполлона Семеновича Перепенчука. Это письмо было от Тамары.

Она, с жеманностью кокетливой женщины, писала в грустном лирическом тоне о том, что нынче она выходит замуж за некоего иностранного коммерсанта Глоба и что, делая этот шаг, она не хочет оставить о себе дурных воспоминаний в памяти Аполлона Перепенчука. Она, дескать, просит его всепокорнейше извинить за все то, что она с ним сделала, она прощенья просит, ибо знает, какой смертельный удар ему нанесла.

Тихо смеялся Аполлон Перепенчук, читая это письмо. Однако ее непоколебимая уверенность в том, что он, Аполлон Перепенчук, погибает из-за нее, ошеломила его. И, думая об этом, он вдруг отчетливо понял, что ему ничего не нужно, даже не нужна та, из-за которой он погибает. И еще ясно, окончательно понял, что он погибает, в сущности, не из-за нее, а погибает оттого, что он не так жил, как нужно. И тут снова все в голове его мешалось и путалось.

И он хотел тотчас пойти к ней и сказать, что не она виновата, а он сам виноват, что он сам совершил ошибку в своей жизни.

Но не пошел, потому что он не знал, в чем заключалась его ошибка.

6

Аполлон Семенович Перепенчук пошел к Тамаре спустя неделю. Это произошло неожиданно. Однажды вечером он тихо оделся и, сказав тетушке Аделаиде, что у него болит голова и что он хочет поэтому пройтись по городу, вышел. Он долго и бесцельно бродил по улицам, не думая о том, что пойдет к Тамаре. Необыкновенные думы о бес-

смысленном существовании не давали ему покоя. Он, сняв фуражку, бродил по улицам, останавливаясь у темных деревянных домов, заглядывая в освещенные окна, стараясь, наконец, понять, проникнуть, узнать, как живут люди и в чем их существование. В освещенных окнах он видел за столом мужчин в подтяжках, женщин за самоваром, детей... Иные мужчины играли в карты, иные сидели, не двигаясь, бессмысленно смотря на огонь, женщины мыли чашки или шили и почти все — ели, широко и беззвучно открывая рты. И, за двумя рядами стекол, Аполлону Перепенчуку казалось, что он слышит их чавканье.

От дома к дому переходил Аполлон Семенович и вдруг очутился у дома Тамары.

Аполлон Перепенчук прильнул к окну ее комнаты. Тамара лежала на диване и казалась спящей. Вдруг Аполлон Семенович, неожиданно для самого себя, постучал по стеклу пальцами.

Тамара вздрогнула, вскочила, прислушиваясь. Потом подошла к окну, стараясь в темноте узнать, кто стучал. Но не узнала и крикнула: «Кто?»

Аполлон Семенович молчал.

Она выбежала на улицу и, узнав его, повела в комнаты. Она стала сердито говорить, что не для чего ему приходиться к ней, что все, наконец, кончено, что неужели ему недостаточно ее письменных извинений...

Аполлон Перепенчук смотрел на ее красивое лицо и думал, что незачем ей говорить о том, что не она виновата, а он виноват, что он не так жил, как нужно, — она не поймет и не захочет понять, оттого что в этом у ней была какая-то радость и, может быть, гордость.

И он хотел уж уходить, но вдруг что-то остановило его. Он долго стоял посреди комнаты, напряженно думая, странное успокоение пришло к нему. И он, оглядев комнату Тамары, бессмысленно улыбаясь, вышел.

Он вышел на улицу, прошел два квартала, надел фуражку. Остановился.

— Что такое?

В тот момент, когда он стоял в ее комнате, какая-то счастливая мысль мелькнула в его уме. Он забыл ее... Какая-то мысль, исход какой-то, от которого на мгновение стало ясно и спокойно.

Аполлон Перепенчук стал вспоминать каждую мелочь, каждое слово. Не уехать ли? Нет... Не поступить ли в письмоводители? Нет... Он забыл.

Тогда он бросился опять к ее дому. Да, конечно, он должен сейчас, сию минуту, проникнуть в ее дом, в комнату ее и там, придя на старое место, вспомнить эту проклятую мысль.

Он подошел к двери. Хотел постучать. Но вдруг заметил — дверь открыта. За ним не заперли. Он тихо прошел по коридору, никем не замеченный, и остановился на пороге Тамариной комнаты.

Тамара плакала, ничком уткнувшись в подушки. В руке она держала его фотографию, его — Аполлона Перепенчука.

Пусть на этом месте читатель плачет, сколько ему угодно — автору все равно, ему ни холодно, ни жарко. Автор бесстрастно переходит к дальнейшим событиям.

Аполлон Перепенчук посмотрел на Тамару, на карточку в ее руке, на окно. На цветок, на вазочку с пучком сухой травы, и вдруг вспомнил.

— Да!

Тамара вскрикнула, увидав его. Он бросился прочь, стуча сапогами. За ним бежал кто-то из кухни.

Аполлон Семенович выбежал на улицу. Пошел быстро по Проломной. Потом побежал. Провалился в рыхлый снег. Упал. Встал. Опять побежал.

— Вспомнил!

Он бежал долго, задыхаясь. Уронил фуражку и, не стараясь ее найти, бросился дальше. В городе было тихо. Ночь. Перепенчук бежал.

И вот уже окраина города. Слобода. Заборы. Семафор. Будки. Капанава. Полотно.

Аполлон Перепенчук упал. Пополз. И, уткнувшись в рельсы, лег.

— Вот эта мысль.

Он лежал в рыхлом снегу. Сердце его переставало биться. Ему казалось, что он умирает.

Кто-то с фонарем прошел два раза мимо него и, снова вернувшись, пихнул его ногой в бок.

— Ты чего? — сказал мужик с фонарем. — Чего лег?

Перепенчук молчал.

— Чего лег? — с испугом повторил мужик. Фонарь в его руке дрожал.

Аполлон Семенович поднял голову. Сел.

— Люди добрые... Люди добрые... — сказал он.

— Какие люди? — тихо сказал мужик. — Да ты чего задумал-то? Пойдем-кось в будку. Я здешний... Стрелочник...

Мужик взял его под руку и повел в сторожку.

— Люди добрые... Люди добрые... — бормотал Перепенчук.

Вошли в сторожку. Душно. Стол. Лампа. Самовар. За столом сидел мужик в расстегнутой поддевке. Баба щипцами крошила сахар.

Перепенчук сел на лавку. Зубы его стучали.

— Ты чего лег-то? — спросил опять стрелочник, подмигивая мужику в поддевке. — Не смерти ли захотел? Или рельсину, может, открыть хотел? А?

— А чего он? — спросил мужик в поддевке. — Лег, что ли, на рельсы?

— Лег, — сказал стрелочник. — Я иду с фонарем, а он, курва, лежит, как маленький, уткнувшись харей в самую то есть рельсину.

— Гм, — сказал мужик в поддевке, — сволочь какая.

— Подожди, — сказала баба, — не ори на него. Видишь, трясется человек. Не из радости трясется. На-кось чайку, попей.

Аполлон Перепенчук, стуча по стакану зубами, выпил.

— Люди добрые...

— Обожди, — сказал стрелочник, снова подмигивая и для чего-то толкая под бок мужика в поддевке. — Дай-кось, я его спрошу по порядку.

Аполлон Семенович сидел неподвижно.

— Отвечай по порядку, как на анкету, — строго сказал стрелочник. — Фамилия.

— Перепенчук, — сказал Аполлон Семенович.

— Так, — сказал мужик. — Не слышал.

— Лет от роду?

— Тридцать два.

— Зрелый возраст, — сказал мужик, чему-то радуясь. — А мне пятьдесят первый, значит... Возраст все-таки... Безработный?

— Безработный...

Стрелочник усмехнулся и снова подмигнул.

— Эта худа, — сказал он. — Ну, а ремесло какое понимаешь? Знаешь ли какое ремесло?

— Нет...

— Эта худа, — сказал стрелочник, покачав головой. — Как же это, брат, без рукомесла-то жить? Это, я тебе скажу, немислимо худа. Человеку нужно непременно понимать рукомесло. Скажем, я — сторож, стрелочник. А теперь, скажем, поперли меня, сокращенье там или что иное... Я от этого, братишка, не пропаду. Я сапоги знаю работать. Буду я работать сапоги — рука сломалась — мне и горюшка никакого. Будучка я зубами веревки вить. Вот она какое дело. Как же это можно без рукомесла. Нипочем не можно... Как же существуешь-то?

— Из дворян, — усмехнулся мужик в поддевке. — Кровь у них никакая... Жить не могут. В рельсы ткаются.

Аполлон Перепенчук встал и хотел уйти из будки. Сторож не пустил, сказал:

— Сядь. Я тебя сейчас великолепно устрою.

Он подмигнул мужику в поддевке и сказал:

— Вася, ты бы его присобачил по своему делу. Дело у тебя тихое, каждый понимать может. Что ж безработному человеку гибнуть?

— Пушай, — сказал мужик, застегивая поддевку, — это можно: приходи-ка ты, гражданин, на Благовещенское кладбище. Спроси заведующего. Меня то есть.

— Да пушай он с тобой пойдет, Вася, — сказала баба. — Мало ли, что случится.

— А пушай! — сказал мужик, вставая и надевая шапку. — Идем, что ли. Прощайте.

Мужик вышел из будки вместе с Аполлоном Перепенчуком.

Аполлон Семенович Перепенчук вышел в третий и последний период своей жизни — он вступил в должность нештатного могильщика. Почти год Аполлон Семенович проработал на Благовещенском кладбище. Он снова чрезвычайно переменялся.

Он ходил теперь в желтых обмотках, в полупальто, с медной бляхой на груди — № 3. От спокойного, бездумного лица его веяло тихим блаженством. Все морщины, пятна, угри и веснушки исчезли с его лица. Нос принял прежнюю форму. И только глаза порою пристально и не мигая останавливались на одном предмете, на одной точке этого предмета, ничего больше не видя и не замечая.

В такие минуты Аполлон думал, вернее, вспоминал свою жизнь, свой пройденный путь, и тогда спокойное лицо его мрачнело. Но воспоминанья эти шли помимо его воли — он не хотел думать и гнал от себя все мысли. Он сознавал, что ему не понять, как надо было жить и какую ошибку он совершил в своей жизни. Да и была ли эта ошибка? Может быть, никакой ошибки и не было, а была жизнь простая, суровая и обыкновенная, которая только двум или трем человекам из тысячи позволяет улыбаться и радоваться.

Однако все огорчения были теперь позади. И счастливое спокойствие не покидало больше Аполлона Семеновича. Теперь он всякое утро аккуратно приходил на работу с лопатой в руках и, копая землю, выравнивая стенки могил, проникался восторгом от тишины и прелести новой своей жизни.

В летние дни он, проработав часа два подряд, а то и больше, ложился в траву или на теплую еще, только что вырытую землю, и лежал не двигаясь, смотря то на перистые облака, то на полет какой-нибудь пташки, то просто прислушивался к шуму благовещенских сосен. И, вспоминая свое прошлое, Аполлон Перепенчук думал, что никогда за всю свою жизнь он не испытывал такого умиротворения, что никогда он не лежал в траве и не знал и не думал, что только что вырытая земля — тепла, а запах ее слаще французской пудры и гостиной. Он улыбнулся тихой, полной улыбкой, радуясь, что он живет и хочет жить.

Но однажды Аполлон Семенович Перепенчук встретил Тамару под руку с каким-то, довольно важного вида, иностранцем. Они шли по тропинке Ксении Блаженной и о чем-то беспечно болтали.

Аполлон Перепенчук крался за ними, прячась, как зверь, за могилами и крестами. Парочка долго гуляла по кладбищу, затем, найдя полуразрушенную скамейку, они сели, сжав друг другу руки.

Аполлон Перепенчук бросился прочь.

Но это было только раз. Дальше жизнь опять пошла спокойная и тихая. Дни шли за днями, и ничто не омрачало их тишины. Аполлон Семенович работал, ел, лежал в траве, спал... Иногда он ходил по кладбищу, читал трогательные и аляповатые подписи, присаживался

на ту или другую забытую могилу и сидел, не двигаясь и ни о чем не думая.

Девятнадцатого сентября по новому стилю Аполлон Семенович Перепенчук помер от разрыва сердца, работая над одной из могил.

А семнадцатого сентября, т. е. за два дня до его смерти, от родов скончалась Тамара Глоба, урожденная Омельченко.

Аполлон Семенович Перепенчук об этом так и не узнал.

ЛЮДИ

1

Странные вещи творятся в литературе! Нынче, если автор напишет повесть о современных событиях, то такому автору со всех сторон уважение. И критики ему рукоплещут, и читатели ему сочувствуют.

Такому автору и слава, и популярность, и всякое уважение. И портреты такого автора печатают во всех еженедельных органах. И издатели расплачиваются с ним в золоте, не менее, как по сто рублей за лист.

А на наш ничтожный взгляд, по сто рублей за лист — это уж явная и совершенная несправедливость.

В самом деле: для того чтобы написать повесть о современных событиях, необходима соответствующая география местности, то есть пребывание автора в крупных центрах или столицах республики, в которых-то, главным образом, и проистекают исторические события.

Но не у каждого автора есть такая география, и не каждый автор имеет материальную возможность существовать с семьей в крупных городах и в столицах.

Вот тут-то и есть камень преткновения и причина несправедливости.

Один автор проживает в Москве и, так сказать, воочию видит весь круговорот событий с его героями и вождями, другой же автор, в силу семейных обстоятельств, влачит жалкое существование в каком-нибудь уездном городишке, где ничего такого особенно героического не происходило и не происходит.

Так вот, где же взять такому автору крупных мировых событий, современных идей и значительных героев?

Или прикажете ему врать? Или прикажете питаться вздорными слухами приезжающих из столицы товарищей?

Нет, нет и нет! Автор слишком любит и уважает художественную литературу, чтобы основывать ее на всевозможных бабьих глупостях и непроверенных слухах.

Конечно, какой-нибудь просвещенный критик, лепечущий на шести иностранных языках, укажет, может быть, что автор отнюдь не должен гнушаться мелкими героями и небольшими провинциальными сценками, которые происходят вокруг него. И что даже еще и луч-

ше зарисовывать небольшие красочные этюды с маленькими провинциальными человечками.

Эх, уважаемый критик! Оставьте делать ваши нелепые замечания! Все и без вас давно продумано, все, может, улицы исхожены и несколько пар сапог истрепано. Все, может, фамилии, более или менее достойные внимания, вынесены на отдельную бумажку с разными примечаниями и нотабенами. И нет! Не только нету сколько-нибудь замечательного героя, но нету даже посредственного человека, о котором интересно и поучительно говорить. Все мелочь, мелюзга, мелкота, о которых в изящной литературе, в современном героическом плане и говорить не приходится.

Но, конечно, автор все-таки предпочтет совершенно мелкий фон, совершенно мелкого и ничтожного героя с его пустяковыми страстями и переживаниями, нежели он пустится во все тяжкие и начнет заливать пулю насчет какого-нибудь совершенно несуществующего человека. Для этого у автора нет ни нахальства, ни особой фантазии.

Автор, кроме того, причисляет себя к той единственной честной школе натуралистов, за которыми все будущее русской изящной литературы. Но даже если бы автор и не причислял себя к этой школе, все равно, говорить о незнакомом человеке — затруднительно. То перехватишь через край и заврешься в психологическом анализе, то, наоборот, недоскажешь какой-нибудь мелочишки, и читатель станет в тупик, удивляясь легкомысленному суждению современных писателей.

Так вот, в силу вышесказанных причин, а также вследствие некоторых стеснительных материальных обстоятельств, автор приступает к написанию современной повести, предупреждая, однако, что герой повести пустяковый и неважный, недостойный, может быть, внимания современной избалованной публики. Здесь речь идет, как наверное догадывается читатель, об Иване Ивановиче Белокопытове.

Автор ни за что не стал бы затрачивать на него свое симпатичное дарование, если б не потребность в современной повести. Потребность эта заставляет автора, скрепя сердце, взяться за перо и начать повесть о Белокопытове.

Это будет несколько грустная повесть о крушении всевозможных философских систем, о гибели человека, о том, какая, в сущности, пустяковая вся человеческая культура, и о том, как нетрудно ее потерять. Это будет повесть о крушении идеалистической философии.

В этой плоскости Иван Иванович Белокопытов был даже любопытен и значителен. В остальном автор советует читателю не придавать большого значения и, тем паче, не переживать с героем его низменных, звериных чувств и животных инстинктов.

Итак, автор берется за перо и приступает к современной повести.

Действующих лиц в повести будет не так-то уж много: Иван Иванович Белокопытов, худошавый, тридцати семи лет, беспартийный. Его жена, Нина Осиповна Арбузова, смугловатая, цыганского типа дамочка, из балетных. Егор Константинович Яркин, тридцати двух

лет, беспартийный, заведующий первой городской хлебопекарней. И, наконец, уважаемый всеми начальник станции, товарищ Петр Павлович Ситников.

Есть и еще в повести несколько эпизодических лиц, как, например: Катерина Васильевна Коленкорова, тетка Пепелюха и стационарный сторож и герой труда Еремеич — лица, о которых заранее говорить нету смысла ввиду незначительности их роли.

Кроме человеческих персонажей, в повести выведена еще небольшая собачка, о которой говорить, конечно, не приходится.

2

Фамилия Белокопытовых — старая, дворянская и помещичья фамилия. В те годы, о которых идет речь, фамилия эта сходилась на нет, и Белокопытовых было всего двое: отец Иван Петрович и отпрыск его Иван Иванович.

Отец, Иван Петрович, очень богатый и представительный мужчина, был несколько странный и чудаковатый господин. Слегка народник, но увлекающийся западными идеями, он то громил мужиков, называя их сволочами и человеческими отребьями, то замыкался в своей библиотеке и жадно читал таких авторов, как Жан Жак Руссо, Вольтер или Бодуэн-де-Куртенэ, восхищаясь их свободомыслием и независимостью взглядов

И, несмотря на это, отец Иван Петрович Белокопытов нежно любил сельскую жизнь, спокойную и ровную, любил парное молоко, которое поглощал в каком-то изумительном количестве, и увлекался верховой ездой. Он ежедневно выезжал верхом на прогулку, любуясь красотами природы или журчащим говором какого-нибудь лесного ручейка.

Умер отец Белокопытов еще молодым, в полном расцвете своих сил. Его задавила собственная лошадь.

В один из ясных летних дней, собравшись на обычную свою верховую прогулку, он стоял, совершенно одетый, у окна столовой комнаты, нетерпеливо дожидаясь, когда подадут ему лошадь. Молодцеватый и красивый, в серебряных шпорах, он стоял у окна, раздраженно помахивая стеклом с золотым набалдашником. Тут же и сынишка, молодой Ваня Белокопытов, резвился вокруг своего отца, беспечно приплясывая и играя колесиками его шпор.

Впрочем, резвился молодой Белокопытов значительно раньше. В год смерти отца ему было за двадцать лет, и он был уже возмужалым юношей с первым пушком на верхней губе.

В тот год он, конечно, не мог резвиться. Он стоял возле отца и убеждал его отказаться от поездки.

— Не поезжайте, папаша, — говорил молодой Белокопытов, предчувствуя недоброе.

Но молодеватый папаша, подкрутив усы и махнув рукой, дескать, пропадать так пропадать, пошел вниз, чтобы дать вздрючку замешкавшемуся конюху.

Он вышел на двор, сердито вскочил на поданную ему лошадь и, в крайнем раздражении и гневе, дал шпоры.

Видимо, это и было его гибелью. Разъяренное животное понесло и верст за пять от имения сбросило Белокопытова, разможив ему череп о камни.

Молодой Белокопытов стойко выдержал известие о гибели своего отца. Приказав сначала продать эту лошадь, он оттянул это решение и, лично войдя в конюшню, пристрелил животное, вложив револьвер в ухо. Затем он заперся в доме, горько оплакивая гибель своего отца. И только через несколько месяцев приступил снова к прежним своим занятиям. Он изучал испанский язык, и под руководством опытного педагога делал переводы с испанских авторов. Но, кроме испанского языка, он занимался еще и латынью, роясь в старинных книгах и рукописях.

Другой бы на месте Ивана Ивановича, оставшись единственным наследником богатейшего состояния, плюнул бы на всю эту испанскую музыку, погнал бы учителей в три шеи, завил бы горе веревочкой, запил бы, закрутил, заравзвратничал, но, к сожалению, не таков был молодой Белокопытов. Он повел жизнь такую же, как и раньше.

Всегда богатый и обеспеченный, не знающий, что такое материальное стеснение, он равнодушно и презрительно относился к деньгам. А тут еще, начитавшись либеральных книг с пометками своего отца, он и вовсе стал пренебрежительно относиться к своему огромному состоянию.

Разные тетушки, узнав о смерти отца Белокопытова, понаехали в имение со всех концов света, рассчитывая — не перепадет ли и им кусочка. Они льстили Ивану Ивановичу, прикладывались к его ручке и восторгались его мудрыми распоряжениями.

Но однажды, собрав всех своих родственников в столовую, Иван Иванович заявил им, что он считает себя не вправе владеть полученным состоянием. Он считает, что наследство — вздор и ерунда и что каждый человек самостоятельно должен делать свою жизнь. И он, Иван Иванович Белокопытов, находясь в здравом уме и твердой памяти, отныне отказывается от всего имущества, с тем, что он сам распределит его различным учреждениям и неимущим частным лицам.

Родственнички в один голос ахали и охали и, восторгаясь необыкновенным великодушием Ивана Ивановича, говорили, что, в сущности, они и есть эти самые неимущие частные лица и учреждения. И Иван Иванович, выделив им почти половину своего состояния, распрощался с ними и принялся ликвидировать свою недвижимость.

Он быстро и за бесценок распродал свои земли, разбазарил и частью раздал мужикам домашнюю утварь и скотину и, все еще с круп-

ным состоянием, переселился в город, наняв у простых, незнакомых ему людей две небольшие комнатухи.

Кой-какие далекие родственники, проживавшие в ту пору в городе, сочли себя оскорбленными и прекратили с ним всякие отношения, находя подобное поведение вредным и опасным для дворянской жизни.

Но, поселившись в городе, Иван Иванович никак не изменил своей жизни и привычек. Он по-прежнему продолжал изучение испанского языка, в свободное время широко занимаясь благотворительностью.

Огромные толпы нищих осаждали квартиру Ивана Ивановича. Разные прошельги, жулики и авантюристы, в порядке живой очереди, входили теперь к нему с просьбой о вспоможении.

Почти никому не отказывая и жертвуя, кроме того, большие суммы различным учреждениям, Иван Иванович в короткое время разбазарил половину оставшегося у него имущества. Он сошелся, кроме того, с какой-то революционной группой людей, всячески их поддерживая и помогая. Был слушок даже, что он передал группе почти все оставшиеся свои деньги, но насколько это правда, автор не берется утверждать. Во всяком случае, Белокопытов был замешан в одно революционное дело.

Автор был тогда занят своими поэтическими и семейными делами и сквозь пальцы смотрел на общественные события, так что кое-какие подробности от него ускользнули. Автор издавал в тот год первую книжонку своих стихов под названием «Букет резеды». В настоящее время автор, конечно, не назвал бы свои поэтические опыты таким мизерным и сентиментальным заглавием. В настоящее время автор попытался бы эти стишки объединить какой-нибудь отвлеченной философской идеей и назвать книжку соответствующим заглавием, как, например, названа и объединена эта повесть огромным и значительным словом — «Люди». Но, к сожалению, автор тогда был молод и неопытен. Впрочем, книжка все-таки была неплохая. Отпечатанная на лучшей меловой бумаге в количестве трехсот экземпляров, она за четыре с небольшим года разошлась окончательно, до последнего экземпляра, подарив автору некоторую известность среди граждан.

Неплохая была книжонка.

А что касается до Ивана Ивановича, то он, действительно, несколько запутался в обстоятельствах. Какой-то курсистке, приговоренной к ссылке на поселение, он, в припадке великодушия, подарил ильковую шубу.

Эта шуба наделала хлопот Ивану Ивановичу. Он был взят под подозрение, и за ним был установлен негласный надзор. Его подозревали в сношениях с революционерами.

Иван Иванович, человек нервный и впечатлительный, ужасно взволновался тем, что за ним следят. Он буквально хватался за голову, говоря, что он не может жить больше в России, в этой стране полуди-

ких варваров, где за человеком следят, как за зверем. И Иван Иванович давал себе слово, что он непременно в ближайшее время все распродаст и уедет за границу как политический эмигрант и что ноги его больше не будет в этом стоячем болоте.

И, приняв такое решение, он немедленно принялся ликвидировать свои дела, торопясь и беспокоясь, что его схватят, арестуют или не разрешат выезда. И, быстро закончив свои дела и оставив себе незначительные деньги на житье, Иван Иванович Белокопытов в один из осенних, пасмурных дней выехал за границу, проклиная свою судьбу и себя за великодушие.

Этот отъезд состоялся в сентябре 1910 года.

3

Как жил и что делал Иван Иванович за границей, никому неизвестно.

Сам Иван Иванович об этом никогда не упоминал, автор же не рискует сочинять небылицы о тамошней иностранной жизни.

Конечно, какой-нибудь опытный сочинитель, дорвавшись до заграницы, непременно бы тут пустил пыль в глаза читателям, нарисовав им две или три европейские картинки с ночными барами, с шансонетками и с американскими миллиардерами.

Увы! Автор никогда не ездил по заграницам, и жизнь Европы для него темна и неясна.

Автор поэтому с некоторым сожалением и грустью и с некоторой даже виной перед читателями должен пропустить, по крайней мере, десять или одиннадцать лет заграничной жизни Ивана Ивановича Белокопытова, чтоб окончательно не завраться в мелких деталях незнакомой жизни.

Но пусть читатель успокоится. Ничего замечательного за эти десять лет в жизни нашего героя не было. Ну — жил человек за границей, ну — женился там на русской балетной танцовщице... Что же еще? Ну — поистратился, конечно, вконец. А в начале русской революции вернулся в Россию. Вот и все.

Конечно, все это можно было бы раздраконить в лучшем, в более заманчивом виде, но опять-таки, по причинам вышеуказанным, автор оставляет все как есть. Пускай другие писатели пользуются красотой своего слога — автор человек не тщеславный — как написал, так и ладно. Лавры других знаменитых писателей автору не мешают жить.

Так вот, уважаемый читатель, вот все, что случилось с Белокопытовым за десять лет. Впрочем, не все.

За границей в первые годы Иван Иванович принялся писать книгу. Он уже приступил к этой книге, назвав ее «О революционных возможностях в России и на Кавказе». Однако сначала мировая война, затем революция сделали эту книгу ненужным, вздорным хламом.

Но Иван Иванович не очень горевал об этом и на третий или на четвертый год революции вернулся в Россию, в свой город. Автор с этого момента и приступает к повести. Тут-то уж автор чувствует себя молодцом и именинником. Тут-то уж автор крепок и непоколебим. И не заврется. Это вам не Европа. Все здесь шло на глазах автора. Всякая мелочь, всякое происшествие автору доподлинно известно, или рассказано и получено из первых и уважаемых рук.

Итак, автор начинает свою повесть во всех подробностях только со дня приезда Ивана Ивановича в наш многоуважаемый город.

Это была прелестная весна. Снег уже почти весь стаял. Птицы носились по воздуху, приветствуя своими криками долгожданную весну. Однако без галош еще нельзя было ходить — местами грязь достигала колена и выше.

В один из таких прелестных весенних дней вернулся в свои родные места Иван Иванович Белокопытов.

Это было днем.

Несколько пассажиров моталось по платформе из стороны в сторону, с нетерпением ожидая поезда. Тут же стоял и уважаемый всеми начальник станции, товарищ Ситников.

А когда подошел поезд — из переднего мягкого вагона вышел худощавый человек в мягкой шляпе и в узконосых ботинках без галош.

Это и был Иван Иванович Белокопытов.

Одетый по-европейски, в отличном широком пальто, он небрежной походкой сошел на платформу, выкинув предварительно с площадки вагона два прекрасных желтоватой кожи чемодана с никелированными замками. Затем, обернувшись назад и подав руку смугловатой, цыганского типа дамочке, он помог ей сойти.

Они стояли теперь возле своих чемоданов. Она, с некоторым испугом озираясь по сторонам, он же, мягко улыбаясь и дыша полной грудью, глядел на отходящий поезд.

Поезд давно уже отошел — они стояли, не двигаясь. Куча ошалелых мальчишек, свистя и шлепая босыми ногами, набросилась на чемоданы, теребя их грязными лапами и предлагая тащить их хоть на край света.

Подошедший носильщик, старый герой труда Еремеич, отогнав мальчишек, укоризненно стал рассматривать захватанную руками светло-желтую кожу чемоданов. Затем, взвалив их на плечи, Еремеич двинулся к выходу, предлагая этим следовать приезжим за ним и не стоять по-пустому.

Белокопытов пошел за ним, но у выхода, на крыльце позади станции, приказал Еремеичу остановиться. И, остановившись сам, он снял шляпу и приветствовал свой родной город, свое отечество и свое возвращение.

И стоя на ступеньках вокзала, он с мягкой улыбкой глядел на вдаль уходящую улицу, на канавы с мосточками, на маленькие деревянные

дома, на сероватый дымок из труб... Какая-то тихая радость, какой-то восторг приветствия был на его лице.

Он долго стоял с непокрытой головой. Мягкий весенний ветер трепал его немножко седеющие волосы. И, думая о своих скитаниях, о новой жизни, которая ему предстоит, Белокопытов стоял неподвижно, вдыхая всей грудью свежий воздух.

И ему хотелось вот сейчас, тотчас, куда-то идти, что-то делать, что-то создавать, какое-то важное и всем нужное. И он чувствовал в себе необыкновенный прилив юношеской свежести и крепости и какой-то восторг. И тогда ему хотелось низко поклониться родной земле, родному городу и всем людям.

Между тем его супруга, Нина Осиповна Арбузова, стоя позади его и язвительно глядя на его фигуру, нетерпеливо постукивала о камни концом зонтика. Тут же, несколько поодаль, стоял Еремеич, согнувшись под двумя чемоданами, не зная, поставить ли их на землю и тем самым загадить грязью их ослепительную поверхность, или же держать их на спине и ждать, когда прикажут ему нести. Но Иван Иванович, обернувшись, любезно попросил не утруждать себя тяжестью и поставить ношу хотя бы в самую грязь. Иван Иванович даже сам подошел к Еремеичу и, помогая ему поставить чемоданы на землю, спросил:

— Ну, как вообще? Как жизнь?

Несколько грубоватый и лишенный всякой фантазии Еремеич, не привыкший к тому же к таким отвлеченным вопросам и переносивший на своей спине до пятнадцати тысяч чемоданов, корзин и узлов, отвечал простодушно и грубо:

— Живем, хлеб жуем...

Тогда Белокопытов принялся расспрашивать Еремеича о более реальных вещах и событиях, интересуясь, где то или иное лицо и какие изменения произошли в городе. Но Еремеич, проживший безвыездно пятьдесят шесть лет в своем городе, казалось, впервые слышал от Белокопытова фамилии, имени и даже названия улиц.

Сморкаясь и обтирая рукавом вспотевшее лицо, Еремеич то принимался брать чемоданы, желая этим показать, что пора двигаться, то вновь ставил их на место, беспокоясь, что опоздает к следующему поезду.

Нина Осиповна нарушила их мирную беседу, язвительно спросив, намерен ли Иван Иванович тут остаться и тут жить на лоне природы, или же у него есть еще кое-какие планы.

Говоря так, Нина Осиповна сердито стучала туфлей о ступеньки и скорбно сжимала губы.

Иван Иванович принялся что-то отвечать, но тут на шум вышел из помещения уважаемый всеми товарищ Петр Павлович Ситников. За ним следовал дежурный агент уголовного розыска. Но увидя, что все обстоит благополучно и что общественная тишина и спокойствие ничем не нарушается и ничего, в сущности, не случилось, кроме как се-

мейных споров с постукиванием дамской туфли о ступеньки, Петр Павлович Ситников повернулся было назад, но Иван Иванович догнал его и, спросив, помнит ли он его, стал трясти ему руки, крепко пожимая и радуясь.

Не теряя своего достоинства, Ситников сказал, что он, действительно, что-то припоминает, что физиономия Белокопытова как будто ему знакома, но, насколько это верно, доподлинно не знает и не помнит.

И, отговариваясь служебными делами и пожимая Белокопытову руку, удалился, рукой приветствуя незнакомую смуглую даму.

За ним ушел и дежурный агент, спросив Белокопытова о международной политике и о событиях в Германии. Агент молча выслушал речь Белокопытова и, кивнув головой, отошел, приказав Еремеичу возможно далее отнести от входа чемоданы, для того чтобы проходящие пассажиры не поломали бы себе ноги.

Еремеич с сердцем и окончательно взвалил на себя чемоданы и пошел вперед, спрашивая, куда нести.

— В самом деле, — спросила жена Белокопытова, — куда ж ты намерен идти?

С некоторым недоумением и беспокойством Иван Иванович стал обдумывать, куда ему идти, но не знал и спросил Еремеича, нет ли тут поблизости, хотя бы временно, какой-нибудь комнаты.

Снова поставив чемоданы, Еремеич стал тоже обдумывать и припоминать и, решив наконец, что, кроме как к Катерине Васильевне Коленкоровой идти некуда, пошел вперед. Но Иван Иванович, обогнав его, сказал, что он помнит добрейшую женщину Катерину Васильевну, помнит и знает, где она живет, и что он сам пойдет вперед, указывая дорогу.

И он пошел вперед, размахивая руками и хлопая своими изящными заграничными ботинками по грязи.

Позади шел, совершенно запарившийся, Еремеич. За ним шла Нина Осиповна Арбузова, высоко подобрвав юбки и открыв свои тонковатые ноги в светлых серых чулках.

4

Белокопытовы поселились у Катерины Васильевны Коленкоровой.

Это была простодушная, добровая бабенция, по странной причине интересующаяся чем угодно, кроме политических событий.

Эта Катерина Васильевна радушно приняла Белокопытовых в свой дом, говоря, что отведет им самую отличную комнату рядом с товарищем Яркиным, заведующим первой государственной хлебопекарней.

И Катерина Васильевна несколько даже торжественно повела их в комнаты.

С каким-то трепетом, вдыхая в себя старый знакомый запах провинциального жилья, Иван Иванович вошел в сенцы, простые и деревянные, с многими дырками в стенах, с глиняным рукомойником в углу на веревке и кучей мусора на полу.

Иван Иванович восторженно прошел через сени, с любопытством рассматривая забытый им глиняный рукомойник, и пошел в комнаты. Ему все сразу понравилось тут — и скрип половиц, и тонкие переборки комнат, и маленькие грязноватые окна, и низенькие потолки. Ему понравилась и комната, хотя, в сущности, комната была неважная и, по мнению автора, даже отвратительная. Но почему-то и сама Нина Осиповна отозвалась о комнате благосклонно, добавив, что для временного жилья это вполне прилично.

Автор приписывает это исключительно усталости приезжих. Автору впоследствии не раз приходилось бывать в этой комнате — более безвкусной обстановки ему не приходилось видеть, хотя автор и сам живет в совершенно плохих условиях, в частном доме, у небогатых людей. Автор при всем своем уважении к приезжим совершенно удивляется их вкусу. Ничего привлекательного в комнате не было. Желтые обои отставали и коробились. Простой кухонный стол, прикрытый клеенкой, несколько стульев, диван и кровать составляли все небогатое имущество комнаты. Единственным, пожалуй, украшением были олени рога, высоко повешенные на стене. Но на одних рогах, к сожалению, далеко не уедешь.

Итак, Белокопытовы временно поселились у Катерины Васильевны Коленкоровой.

Они сразу же повели жизнь тихую и размеренную. Первые дни, нигде не выходя из дому из-за грязи и бездорожья, они сидели в своей комнате, прибирая ее или восхищаясь оленьими рогами, или делясь своими впечатлениями.

Иван Иванович был весел и шутлив. Он то подбегал к окну, восторгаясь какой-нибудь телкой или глупой курицей, зашедшей поклевать уличную дрянь, то бросался в сени и, как ребенок смеясь, плескался под рукомойником, поливая свои руки то с одного носика, то с другого.

Нина Осиповна, щепетильная, кокетливая особа, не разделяла восторгов по поводу глиняного рукомойника. Она с брезгливой улыбкой говорила, что, во всяком случае, она предпочитает настоящий рукомойник, этакий, знаете ли, с ножкой или с педалью — нажмешь и льется. Впрочем, особой обиды насчет рукомойника Нина Осиповна не высказывала. Напротив, она не раз говорила:

— Если это временно, то я согласна и не сержусь. И за неимением гербовой пишут и на простой.

И, умывшись утром, розовая и свежая, и помолодевшая лет на десять, Нина Осиповна с довольным видом спешила в комнаты и там, надев балетный костюм — этакие, знаете ли, трусики с газовой юб-

чонкой — танцевала и упражнялась перед зеркалом, грациозно приседая то на одну, то на другую ногу, то на обе враз.

Иван Иванович ласково поглядывал на нее и на ее пустяковые заеи, находя, впрочем, что провинциальный воздух ей положительно благоприятен и что она уже несколько поправилась и пополнела и ноги у ней не такие уж чересчур тонковатые, как были в Берлине.

Утомившись от своих приседаний, Нина Осиповна присаживалась в какое-нибудь кресло, а Иван Иванович, ласково поглаживая ее руку, рассказывал о своей здешней жизни, о том, как одиннадцать лет тому назад он бежал, преследуемый царскими жандармами, и о том, как он провел первые свои годы изгнания. Нина Осиповна расспрашивала мужа, живо интересуясь, сколько он имел денег и какие у него были земли. Ахая и ужасаясь, как это он так быстро и сразу растратил свое состояние, она сердито и резко выговаривала ему за глупую беспечность и чужачество.

— Ну, как можно! Как можно так швыряться деньгами! — говорила она, сдерживая свое негодование.

Иван Иванович пожимал плечами и старался переменить разговор.

Иногда их беседы прерывала Катерина Васильевна. Она входила в комнату и, остановившись у дверей, покачиваясь из стороны в сторону, рассказывала Белокопытовым о всяких городских переменах и сплетнях.

Иван Иванович с жаром расспрашивал ее о своих дальних родственниках и немногочисленных знакомых и, узнав, что большинство из них умерло за эти годы, а иные, как политические эмигранты, уехали, — качал головой и беспокожно ходил вдоль комнаты, пока Нина Осиповна не брала его за руку и не усаживала на стул, говоря, что своим мельканием перед глазами он действует ей на нервы.

Так проходили первые дни без всяких волнений, тревог и происшествий. И только раз, под вечер, постучав в двери, вошел к ним их сосед, Егор Константинович Яркин, и, познакомившись, долго расспрашивал о заграничной жизни, спросив под конец, не продажный ли у них чемодан, стоявший в углу.

И, узнав, что чемодан не продается, а стоит так себе, Егор Константинович, несколько оскорбившись, ушел из комнаты, молча поклонившись присутствующим.

Нина Осиповна брезгливо смотрела ему вслед, на его широкую фигуру с бычачьей шеей, и печально думала, что вряд ли здесь, в этом провинциальном болоте, можно найти настоящего изысканного мужчину.

Итак, жизнь шла своим чередом.

Грязь уже несколько пообсохла, и по улицам взад и вперед стали снова проходить, спеша по своим делам или прогуливаясь, луца семечки, хохоча и заглядывая в чужие окна.

Иногда на улицу выходили домашние животные и, пощипывая траву или роя ногами землю, степенно проходили мимо дома, нагуливая весенний жирок.

Высокообразованный, знающий отлично испанский язык и отчасти латынь, Иван Иванович ничуть не беспокоился о своей судьбе, надеясь в ближайшие же дни найти себе соответствующую должность и тогда перебраться на новую, более приличную квартиру. И, говоря об этом со своей женой, Иван Иванович спокойным тоном объяснял ей, что хотя сейчас у него материальные дела несколько и стесненные, но что в ближайшее время это изменится к лучшему. Нина Осиповна настойчиво просила его возможно поскорей приняться за дело и определить свое положение, и Иван Иванович обещал ей, сказав, что завтра же он это сделает.

Однако первые его шаги не увенчались успехом. Немного обескураженный, он и на другой день пошел в какое-то учреждение, но вернулся грустный и слегка взволнованный. И, пожимая плечами, он оправдывался перед женой, объясняя ей, что это не так-то просто и не так-то сразу дается приличная должность человеку, знающему латинский и испанский языки.

Он каждое утро теперь выходил на поиски службы, но ему отказывали, то ссылаясь на отсутствие соответствующей должности, то на неимение у него служебного стажа.

Впрочем, принимали Ивана Ивановича всюду очень приветливо и внимательно, очень интересовались и расспрашивали о загранице и о возможностях новых мировых потрясений, но, когда он переходил на дело, качали головами, разводили руками, говоря, что они ничего не могут поделать и что испанский язык — язык очень забавный и редкий, но, к сожалению, потребности в нем не ощущается.

Белокопытов уже перестал говорить о своем испанском языке. Он больше напирал теперь на латынь, зная о ее практическом применении, но и латынь Ивана Ивановича не вывозила. Его выслушивали, интересовались даже, прося для слуха изобразить по-латински стихок или фразу, но практического применения никакого не видели.

Иван Иванович перестал напирать на латынь. Он просил теперь письменной работы, но его расспрашивали, что он умеет и какой у него профессиональный стаж. И, узнав, что Иван Иванович ничего не умеет и нет у него никакого профессионального стажа, обижались, говоря, что им совершенно непонятно, к чему и на что его приспособить.

Кое-где, впрочем, Белокопытову предлагали понаведаться через месяц, не обещая пока ничего существенного.

Иван Иванович Белокопытов приходил теперь домой в мрачном и угнетенном состоянии. Наскоро съев жидковатый обед, он заваливался в брюках на постель и, отвернувшись лицом к стене, избегал разговоров и сцен со своей женой.

А она, в своих трусиках и в розовом газе, прыгала, что дура, около зеркала, топоча ногами и закидывая кверху тонковатые свои руки с острыми локтями.

Иногда она пыталась делать сцены, наговаривая кучу всевозможных неприличностей Ивану Ивановичу и возмущаясь тем, что он вывез ее из-за границы на такую бессодержательную жизнь, но Иван Иванович, чувствуя и зная свою вину, отмалчивался. И только однажды сказал, что он ничего не понимает, что он и сам введен в заблуждение насчет испанского языка и насчет всей своей жизни. Он рассчитывал устроиться на приличную должность, но этого не выходит, оттого что он, оказывается, ничего не умеет и ничего не может, и что об этом он еще никогда не задумывался. Он, оказывается, получил глупое и бестолковое воспитание, рассчитанное на богатую, обеспеченную жизнь помещика и домовладельца. И вот теперь, когда у него ничего нету — он пожинает плоды.

Нина Осиповна заплакала, говоря, что это так не может продолжаться, что должен быть какой-то конец, что, в конце концов, они задолжали кругом и даже добрейшей своей хозяйке Катерине Васильевне. Тогда, попросив ее не плакать, он предложил ей продать чемодан, хотя бы соседу Егору Константиновичу Яркину.

Она так и сделала. Она лично пошла с чемоданом в комнату Яркина и долго просидела там, вернувшись несколько оживленной с деньгами в руках.

В дальнейшем таких сцен не повторялось. Вернее, Иван Иванович, предчувствуя сцену, надевал шляпу и выходил на улицу. И всякий раз, когда выходил на улицу и проходил через сени, слышал, как его сосед Егор Константинович переговаривается через стенку с женой, предлагая ей кусок хлеба или бутерброд с сыром.

Иван Иванович выходил за ворота, на канаву и стоял там, уныло поглядывая на длинную улицу. Иногда он присаживался на скамейку возле палисадничка и, обняв руками свои колени, сидел неподвижно, с беспокойством поглядывая на прохожих.

Мимо него проходили люди, спеша по своим делам. Какая-нибудь баба с корзинкой или с мешком с любопытством осматривала Ивана Ивановича и шла дальше, оборачиваясь назад раз десять или пятнадцать. Какие-нибудь мальчонки пробегали мимо него и, высовывая языки или хлопнув сидящего по коленке, стремительно убегали прочь.

Иван Иванович на все это смотрел с печальной усмешкой, в сотый раз думая все об одном и том же — о своей жизни и о жизни других людей, стараясь найти какую-то разницу или какую-то ужасную причину его несчастья.

Иной раз мимо Белокопытова проходили рабочие текстильной фабрики с гармоникой, шутками и песнями. И тогда Белокопытов несколько оживлялся и долго смотрел на них, слушая их веселые, громкие песни, крики и возгласы.

И в такие дни, в дни сидения на канаве, Ивану Ивановичу казалось, что он, пожалуй что, напрасно приехал сюда, в этот город, на эту улицу. Но куда нужно было приехать — он не знал. И еще более обеспокоенный и согнувшийся, он уходил домой, волоча по земле свои ноги.

6

Иван Иванович совершенно упал духом. Его восторженное состояние после приезда сменилось молчаливой тоской и апатией.

Он чувствовал какой-то испуг перед неведомой ему, оказывается, жизнью. Ему казалось теперь, что жизнь — это какая-то смертельная борьба за право существовать на земле. И тогда, в смертельной тоске, чувствуя, что речь идет попросту о продлении его жизни, он выдумывал и выискивал свои способности, свои знания и способы их применения. И, перебирая все, что он знает, он приходил к грустному заключению, что он ничего не знает. Он знает испанский язык, он умеет играть на арфе, он немного знаком с электричеством и умеет, например, провести электрический звонок, но все это здесь, в этом городе, казалось ненужным и для горожан несколько смешным и забавным. Ему не смеялись в лицо, но он видел на лицах улыбки сожаления и хитрые, насмешливые взгляды, и тогда он, съездившись, уходил прочь, стараясь подольше не встречаться с людьми.

По заведенной привычке, он все еще ежедневно и аккуратно выходил на поиски работы. Не торопясь и стараясь идти как можно медленней, он без всякого трепета, как раньше, почти механически высказывал свои просьбы. Ему предлагали зайти через месяц, иногда же просто и коротко отказывали.

Иной раз, приведенный в тупое отчаяние, Иван Иванович с сердцем упрекал людей, требуя немедленно работу и немедленную помощь, выставя свои заслуги перед государством и рассказывая историю относительно ильковой шубы, подаренной им ссыльной курсистке.

Целыми днями он таскался теперь по городу и вечером, полуголодный, с гримасой на лице, бродил бесцельно из улицы в улицу, от дома к дому, стараясь оттянуть, отдалить свой приход домой.

Иной раз он проходил через весь город и, не заходя никуда и не останавливаясь, шел все прямо. И, минуя Слободку, выходил в открытое поле, пересекал Собачью рощицу и шел к лесу. Там побродив до сумерек, возвращался домой.

И он входил в свою комнату, закрывая глаза, зная, что налево, у зеркала, в углу сидит неподвижная Нина Осиповна и язвительно или в слезах осматривает его.

Он избегал разговоров, он избегал даже встреч, стараясь пробыть в доме недолго и только ночью.

Но однажды он сам заговорил с женой. Он сказал, что все гибнет, что он отдает себя в руки судьбы, а она, Нина Осиповна, может, если найдет нужным, как угодно распоряжаться его имуществом. Он намекал в данном случае на оставшийся чемодан и на кой-какие вещи из его заграничных костюмов.

Услышав через тонкую перегородку об этом, в комнату вошел Егор Константинович Яркин и сказал, что он с удовольствием идет навстречу их желаниям, но только от чемодана отказывается категорически.

— Все чемоданы да чемоданы, — сказал Егор Константинович, хмурясь. — Нет ли чего другого продажного?

И, узнав, что есть, он стал рассматривать какие-то вещи и какие-то штаны, поднося их к самым глазам. И, рассматривая на свет, хаял, понижая их достоинство.

Нина Осиповна, оживленная и неизвестно чем взволнованная, шутила с Егор Константиновичем, то хлопая его легонько по руке, то усаживаясь грациозно на ручке кресла и покачивая тонковатой ногой.

Наконец, Егор Константинович, оставив деньги и любезно попрощавшись, ушел, захватив с собой вещи.

Несколько дней после этого прошли спокойно и тихо. Но в конце недели Иван Иванович, выйдя из дому утром, вернулся в полдень совершенно потрясенный и сияющий. Он нашел себе службу. Он все время искал себе какую-то глупую, интеллигентскую письменную работу, но ведь, оказывается, есть кое-что и другое!

В общем, он встретил на улице своего старинного приятеля, который, участливо расспросив и узнав о сумасшедшем положении Ивана Ивановича, схватился за голову, обдумывая, как бы немедленно и сразу помочь своему другу. Он, несколько конфузясь, сказал, что он может, хотя бы временно, устроить его в один из потребительских кооперативов.

Но что это временно, что такому образованному человеку, как Иван Иванович, необходима соответствующая должность.

Иван Иванович с дикой радостью схватился за предложение, говоря, что он заранее согласен в кооператив, что ему положительно по душе эта работа и что он вовсе не захочет каких-то там проблематических перемен. И, условившись обо всем, Иван Иванович опрометью бросился домой. И дома, теребя за руки то Катерину Васильевну, то свою жену, захлебываясь, говорил о своем месте.

Он тотчас и немедленно развил им целую философскую систему о необходимости приспособляться, о прямой и примитивной жизни и о том, что каждый человек, имеющий право жить, непременно обязан, как и всякое живое существо и как всякий зверь, менять свою шкуру, смотря по времени. Зачем ему какой-то дурацкий интеллигентский труд! Вот чудная профессия, которая даст ему новую радость жизни. Кому надо какой-то испанский язык, какие-то утонченные мозги и так далее.

И, говоря об этом запутанным, ломаным языком, недоговаривая слова и перескакивая с мысли на мысль, он пытался доказать свою теорию. Нина Осиповна слушала его, хлопая ушами, нервно покуривая папиросу за папиросой.

Автор догадывается, что Иван Иванович Белокопытов, слегка запарившись от волнения, говорил о той великой научной теории, о симпатической окраске, о так называемой мимикрии, когда ползущий по стеблю жучок имеет цвет этого стебля для того, чтоб птица не склевала бы его, приняв за хлебную крошку.

Автору все это было ясно и понятно. И автор ничуть не удивляется тому, что Нина Осиповна хлопала ушами, не понимая, о чем идет речь. Автор не слишком-то большого мнения о балетных танцовщицах.

7

Иван Иванович Белокопытов поступил в кооператив «Народное благо».

Иван Иванович вставал теперь чуть свет, надевал свой уже потрепанный костюм и, стараясь не разбудить своей жены, на цыпочках выходил из дому и бежал на службу. Он приходил туда почти всегда первым и стоял у двери по часу и больше, дожидаясь, когда, наконец, придет заведующий и откроет лавку. И, выходя из лавки последним, вместе с самим заведующим, он, торопливо шагая и прыгая через канавы, шел домой, неся в руках какую-нибудь выданную снесь.

Дома, захлебываясь и перебивая самого себя, он говорил жене о том, что эта работа ему совершенно по душе, что лучшего он и не хочет в своей жизни и что быть хотя бы и приказчиком — это не так-то позорно и унижительно и что, наконец, эта работа очень приятная и не так уж трудная.

Нина Осиповна довольно симпатично относилась к этой перемене в жизни Иван Ивановича, говоря, что если это временно, то это совсем не так плохо, как кажется на первый взгляд, и что в дальнейшем они, может быть, даже смогут открыть свой небольшой кооперативчик. И, развивая эту мысль, Нина Осиповна приходила в совершенный восторг, рисуя себе картину, как они будут торговать сами — он за прилавком, сильный, с засученными рукавами и с топором для рубки мяса, а она, грациозная и слегка напудренная, за кассой. Да, она непременно будет стоять за кассой и, весело улыбаясь покупателям, будет пересчитывать деньги, связывая их в аккуратные пачечки. Она любит пересчитывать деньги. Даже самые грязные деньги все же чище кухонного передника и посуды.

И, думая так, Нина Осиповна хлопала в ладоши, наскоро надевала розовое трико и газ и снова начинала свои дурацкие прыжки и экивоки. А Иван Иванович, утомленный дневной работой, заваливался спать, с нетерпением ожидая утра.

И, вернувшись к вечеру, Иван Иванович снова и опять делился с женой своими впечатлениями за день или смеясь рассказывал ей о том, как он вешал сегодня масло. И что легкий, едва уловимый нажим одного пальца на весы чрезвычайно меняет вес предмета, оставляя кое-что в пользу прикащика.

Нина Осиповна оживлялась в этих местах. Она удивлялась, почему Иван Иванович нажимает одним только пальцем, а не двумя, говоря, что двумя, — это еще больше уменьшит вес масла. При этом страшно жалела, что нельзя вместо масла подсовывать покупателям какую-нибудь светловатую дрянь, вроде глины.

Тогда Иван Иванович поднимал свою жену на смех, упрасывая ее не очень-то вмешиваться в его дела, чтоб не переборщить через край и тем самым не потерять службу. Но Нина Осиповна сердито советовала ему не слишком-то церемониться и не очень-то миндальничать с обстоятельствами.

Иван Иванович соглашался. Он с некоторым даже пафосом говорил, что цинизм — это вещь, совершенно необходимая и в жизни нормальная, что без цинизма и жестокости ни один даже зверь не обходится и что, может быть, цинизм и жестокость и есть самые правильные вещи, которые дают право на жизнь. Иван Иванович говорил еще, что он был раньше глупым, сентиментальным щенком, но теперь он возмужал и знает, сколько стоит жизнь, и даже знает, что все, что он раньше считал своим идеалом: жалость, великодушие, нравственность, — все это не стоит ломаного гроша и выеденного куриного яйца. Все это жалкие побрякушки, достойные сентиментальной фальшивой эпохи.

Нина Осиповна не любила его таких отвлеченных философских идей. Она с досадой махала рукой, говоря, что вполне предпочитает не слова, а реальные, видимые факты и деньги.

Так шли дни.

Иван Иванович Белокопытов сделал уже несколько покупок и приобретений. Так, например, он купил несколько глубоких тарелок с синими ободками, две или три кастрюльки и, наконец, примус.

Это было целое торжество, когда Иван Иванович купил примус. Иван Иванович сам распаковал его и сам стал показывать Нине Осиповне, как с ним обращаться и как готовить на нем обед или подогреть мясо.

Иван Иванович стал хозяином и расчетливым человеком. Он чрезвычайно жалел, что за бесценок продал соседу свои заграничные костюмы. Но тут же утешал себя, говоря, что это дело наживное и что в ближайшее время он непременно купит себе хороший, но простой и немаркого цвета, костюм.

Однако костюма Иван Ивановичу купить не удалось.

Однажды, выйдя перед закрытием из лавки и сунув в портфель два фунта стеариновых свечей и кусок мыла, Иван Иванович пошел через двор к выходу.

В воротах его окликнул охранник, приказав ему остановиться и показать содержимое портфеля.

Весь как-то сразу осунувшись, Иван Иванович стоял молча и глядел на охранника, не двигаясь с места. А охранник, сказав, что получен строжайший приказ не выпускать со двора без обыска, повторил свое требование.

Иван Иванович стоял совершенно ошеломленный, с трудом понимая, что происходит. Он позволил открыть свой портфель, откуда, при радостных криках собравшихся, были извлечены злополучные свечи и мыло.

Белокопытова пригласили в охрану, отобрали свечи, сняли с него допрос и, составив убийственный для него протокол, отпустили его, смеясь над его забавным видом, над его фигурой с прижатым к груди пустым и расстегнутым портфелем.

Все произошло настолько быстро и неожиданно, что Иван Иванович, не представляя ясно своего положения, вышел пошатываясь на улицу. Он пошел сначала по направлению к дому, затем, не дойдя улицы Сен-Жюста, повернул налево и пошел как-то странно, не шевеля руками и не ворочая головой.

Он обошел несколько кварталов, посидел на какой-то лавчонке и поздно ночью вернулся домой.

Он вошел в дом, как слепой шаря перед собой руками, и, войдя в комнату, лег на постель, и, отвернувшись к стене, принялся водить пальцами по узорам обоев.

Он ни слова не проронил своей жене. И та ничего не спрашивала, узнав заранее обо всем. Эту новость сообщил ей Егор Константинович, придя домой после службы.

И теперь, несмотря на присутствие Белокопытова, Егор Константинович, постучав слегка в стену, спросил Нину Осиповну, не нужно ли ей чего и не хочет ли она выкушать стакан чаю с бутербродом.

Нина Осиповна, не глядя на мужа, грудным, мелодичным тоном отвечала, что она сыта по горло и сейчас ложится спать. Егор Константинович еще что-то спросил, предупредительно и вежливо, но она, раздеваясь и зевая, сказала, что спит.

И она действительно легла на диван и, закрыв лицо руками, лежала так неподвижно и странно. Иван Иванович приподнялся, чтобы потушить свет, но, взглянув на диван, сел и долго смотрел на жену. И ему показалось, что у нее отчаянное состояние, что она близка к гибели. И он хотел подойти к жене, стать на колени и что-то говорить бодрым и спокойным тоном. Но не смел.

Он лежал, вытянувшись вдоль кровати, стараясь не двигаться и ни о чем не думать. Но думал, и не о случившемся сегодня, а о своей жене, о печальной ее жизни и о том, что не все люди имеют право существовать.

С этими мыслями он стал засыпать. Какая-то страшная усталость сковала его ноги, и какая-то тяжесть легла на все его тело.

И, закрыв глаза, он замер. Дыхание его стало ровное и спокойное.

Но вдруг осторожное шарканье ног и скрип двери заставил его вздрогнуть и проснуться.

Он проснулся, вздрогнув всем телом. Присел на кровать и беспокойно оглядел комнату. Небольшая керосиновая лампа еле горела, скудно отбрасывая длинные тени. Иван Иванович оглянулся на диван — жены не было.

Тогда, беспокоясь и волнуясь за нее, он вскочил на ноги и прошел по комнате, осторожно ступая на носки.

Потом подбежал к двери, открыл ее и в испуге, в предутренней дрожи стуча зубами, бросился в коридор. Он выбежал в кухню, заглянул в сени — все было тихо и спокойно. Только курица в сенях, вспугнутая Иваном Ивановичем, шарахнулась в сторону, страшно закричав.

Белокопытов вернулся в кухню. Сонная Катерина Васильевна сидела теперь на кровати, зевая и мелко крестя свой рот. Она вместе с тем прислушивалась к необычайному шуму. И, увидя перед собой Ивана Ивановича, спокойно улеглась, думая, что он идет за нуждой.

Но Иван Иванович, подойдя к хозяйке, стал теребить ее за руку, умоляя ответить, не проходила ли через кухню его жена.

Крестясь и разводя руками, Катерина Васильевна отговаривалась незнанием. Потом она стала надевать на себя юбку, говоря, что если Нина Осиповна и ушла, то, небось, вернется.

Но потом, одевшись и подойдя к запертой двери жильца Яркина, Катерина Васильевна сказала, что жена Ивана Ивановича дома. И если нету ее в комнате, то, небось, сидит у соседа.

И, поманив Белокопытова пальцем, повела его в коридор и, подойдя к дверям Яркина, припала к замочной скважине.

Иван Иванович тоже хотел подойти к двери, но в эту минуту пол под ним скрипнул, и в комнате соседа завозились. И сам Егор Константинович, шлепая босыми ногами, подойдя к двери, спросил хрипло:

— Кто? Чего надо?

Иван Иванович хотел промолчать, но сказал:

— Это я... Не у вас ли Нина Осиповна Арбузова?

— У меня, — грубо сказал Яркин. — Чего надо?

И, не получив ответа, взялся за ручку двери.

В комнате послышался прерывистый шепот. Нина Осиповна настойчиво умоляла отдать ей какой-то револьвер, говоря, что все обойдется благополучно. Потом сама, подойдя ближе к двери и взявшись за ручку, спросила негромко:

— Ваня... ты?

Иван Иванович съезжился и, пробормотав неясное, удалился в свою комнату. И там присел на кровать.

Автор предполагает, что особенного отчаяния у Ивана Ивановича не было. А если Иван Иванович и присел на кровать с видимым отчаянием, то, может, это только в первую минуту. Потом-то, раздумав, он наверное даже обрадовался.

Автору кажется, что Иван Иванович и не мог не обрадоваться. Страшная обуза сошла с его плеч. Все-таки приходилось беспокоиться о жизни Нины Осиповны, всякие для нее удовольствия, театры и лучший кусок хлеба он должен был предоставлять ей. А теперь, когда жизнь Ивана Ивановича сильно ухудшилась, то и прокормить такую дамочку вопрос был немаловажный. Тем более, что, напрыгавшись за день перед зеркалом, она и за двоих съедала.

Так вот, посидев на кровати и придя к заключению, что нет ничего ужасного, Иван Иванович снова лег и пролежал до утра, не смыкая глаз. Он ни о чем не думал, но его голова гудела и наливалась свинцом.

И, когда он встал, — это был несколько иной Иван Иванович. Впалые глаза, желтая, сморщенная кожа и трепанные волосы чрезвычайно его изменили. И даже, когда он вымылся холодной водой, эта перемена не исчезла.

Утром, одевшись и по привычке причесав волосы, Иван Иванович вышел из дому. Он медленным шагом дошел до кооператива, но, вдруг повернув круто в сторону и вздрогнув, зашагал прочь.

Он долго шел унылым механическим шагом и, выйдя за город, направился на свое любимое место к лесу, за Собачью рощицу.

Он прошел рощу, ступая на желтые осенние листья, и вышел на полянку.

Вся полянка была изрыта старыми, оставшимися от войны окопчиками, землянками и блиндажами. Ржавая колючая проволока висела клочками на небольших кольях.

Иван Иванович любил это место. Он не раз бродил здесь по окопчикам, лежал у опушки леса и, глядя на все эти военные затеи, хитро улыбался своим мыслям. Но теперь он несколько равнодушно, и как бы не замечая ничего, прошел мимо и, дойдя до леса, присел на полузаваленную землянку, вырытую лет, может, семь назад.

Он долго сидел так, ни о чем не думая, потом пошел дальше, потом снова вернулся и лег на траву. И лежал долго, уткнувшись ничком, теребя руками траву. Потом снова встал и пошел в город.

Была ранняя осень. Желтые листья лежали на земле. И земля была теплая и сухая.

Иван Иванович стал жить один.

Возвращаясь после скитаний домой и с грустью оглядывая свое опустевшее жилье, Иван Иванович присаживался на кровать, обдумывая, какие вещи исчезли из комнаты вместе с Ниной Осиповной.

Таких вещей оказалось порядочно: не было примуса, купленного в счастливые дни, не было скатерти на столе, даже было снято и унесено зеркало и небольшой коврик перед кроватью.

Иван Иванович не очень-то огорчился о потере этих вещей. «Черт с ними!» — думал добрый Иван Иванович, прислушиваясь, что говорит за стенкой.

Но за стенкой говорили постоянно шепотом, и слов нельзя было разобрать. Только время от времени были слышны басовые нотки Егора Константиновича. Это Егор Константинович, видимо, утешал Нину Осиповну, боявшуюся за свое новое благополучие и за те вещи, которые она взяла, не спросив мужа.

Но Ивану Ивановичу теперь было не до вещей. Он каждое утро направлялся за город, шел через рощицу и, миновав полянку, выходил к лесу.

Там, присаживаясь на свою землянку или бродя по лесу, он обдумывал свое новое положение. Он старался одной какой-то мыслью определить то, что случилось, что произошло и отчего произошло.

Ушла жена. И она не могла не уйти. Он — человек из прошлого мира. Он оказался неприспособленным к борьбе. А женщины идут за победителем. Ну, что же, теперь все это ясно, теперь уже ничто не спасет его от неминуемой гибели.

Гибель была предрешена — это он знал, но в силу какой-то воли он старался найти выход и хотя бы теоретически придумать возможность выхода, возможность продлить свое существование. Он не хотел смерти. Напротив, задумываясь об этом, он с досадой отгонял эту мысль, считая ее вздорной и ему ненужной. И старался в такие моменты думать о другом.

И, бродя по лесу, Иван Иванович думал, что отчего бы ему не остаться здесь жить. Ему уже рисовались картины, как он живет в полузаваленной землянке, среди грязи и нечистот, и как ползком, как животное, на четвереньках вылезает из своей норы и отыскивает пищу.

Но потом смеялся.

Он теперь не всякий вечер уходил домой. Он оставался иногда в лесу. И, полуголодный, поедая сырые грибы, корни и ягоды, засыпал под каким-нибудь деревом, положив под голову свои руки.

А во время дождя он вползал в землянку. И сидел в землянке, скорчившись и обняв худые свои ноги, слушая, как капли дождя колотят о деревья.

Была осень. Шли непрерывные дожди. Снова невозможно было выходить без галош. И снова грязь доходила до колен.

Нина Осиповна жила с Егором Константиновичем Ярким бесшумно и тихо. Ей пришлось отложить свои упражнения в танцах. Она была беременна, и Егор Константинович, узнав об этом, боясь за по-

томство, категорически запретил ей наряжаться в розовую дрянь, грозя, в противном случае, сжечь в печке эти тряпки. И Нина Осиповна, покапризничав и слегка поплавав, смирилась и сидела теперь подле окна, безучастно глядя на грязную улицу. Но иной раз она спрашивала у Яркина, не знает ли он чего об ее муже. Егор Константинович усмехался и махал рукой, прося ради будущего ребенка не думать о муже.

И Нина Осиповна умолкала, думая все же, отчего это все реже и реже она слышит шаги в соседней комнате.

И, действительно, Иван Иванович все реже стал ходить домой, и когда ходил, то избегал встреч с людьми, а встречая, очень конфузился и перебегал улицу, стараясь скрыть свой промокший, побуревший костюм.

Иван Иванович не входил даже теперь в свою комнату. И, приходя домой, останавливался в сенях и молча здоровался с Катериной Васильевной, всякий раз боясь, что она заорет, затопает ногами и погонит его прочь. Но Катерина Васильевна, не скрывая своего удивления и жалости и почему-то не зовя его хотя бы в кухню, выносила ему в сени хлеб, суп или все, что осталось от обеда. И, не сдерживая своих слез, плакала, смотря, как Иван Иванович худыми, серыми пальцами разрывал еду и проглатывал, чмокая и скрипя зубами.

И, съев все, что ему приносилось, и схватив с собой кусок хлеба, Иван Иванович трогал за рукав Катерину Васильевну и убегал снова.

Он снова возвращался в свою землянку. И снова садился в обычную свою позу, кашля и сплевывая на свой костюм.

Но он не был сумасшедший, этот Иван Иванович Белокопытов. Автору доподлинно известна его встреча с одним из старых друзей. Иван Иванович вполне разумно и несколько даже иронически говорил о своей жизни. И, потрясая лохмотьями своего заграничного костюма, громко смеялся, говоря, что все это вздор, что все слезает с человека, как осенью шкура животного.

И, попрощавшись с приятелем, крепко пожав ему руку, пошел к своей землянке.

Странно и непонятно жил теперь Иван Иванович. Стараясь ни о чем не думать, а жить так, как-нибудь, чтобы прожить, он все же, видимо, не мог не думать и все время носился со своими планами о жизни, приходя к заключению, что жить в землянке не так-то уж плохо, но что из всех животных он самое плохое животное, у которого хронический бронхит и насморк. И, думая так, Иван Иванович печально покачивал головой.

Ему теперь все чаще и чаще приходила мысль о неминуемой гибели, но он по-прежнему с раздражением отвергал мысль о самоубийстве. Ему казалось, что нет у него на это ни воли, ни охоты, и что ни одно животное никогда еще не погибало от самого себя.

Была ли в этом слабая воля Ивана Ивановича, или была какая-то неопределенная надежда — неизвестно. Во всяком случае однажды и

неожиданно Иван Иванович придумал план, по которому он должен погибнуть, не прибегая к насилию над собой.

Это было утром. Осеннее солнце еще было ниже деревьев, когда Иван Иванович, вздрогнув, проснулся в своей землянке. Страшная сырость, дрожь и озноб охватили все его тело. Он проснулся, открыл глаза и вдруг совершенно отчетливо подумал о своей гибели. Ему показалось, что сегодня он должен погибнуть. Как и отчего — он еще не знал. И стал думать. И вдруг решил, что должен погибнуть, как зверь, в какой-то отчаянной схватке.

В его воображении стали рисоваться картины этой схватки. Он борется с человеком, хотя бы с Егором Константиновичем, к которому ушла жена. Они грызутся зубами, валяются по земле, подминают под себя друг друга, рвут волосы...

Иван Иванович окончательно проснулся и, дрожа всем телом, сел на землю. И осторожно, мысль за мыслью стал обдумывать, стараясь не пропустить ни одной мелочи.

Вот он приходит в комнату. Отворяет дверь. Яркин, непременно, сидит за столом направо. У окна будет сидеть Нина Осиповна, сложив на животе руки. Иван Иванович подойдет к Яркину и пихнет его двумя руками в плечо и грудь. Тот откинется назад, стукнется головой о стену, потом вскочит и, вынув револьвер, застрелит его — Ивана Ивановича Белокопытова.

И, придумав такой план, Иван Иванович вскочил на ноги, но, ударившись головой о потолок, сел и пополз из землянки.

И спокойным, ровным шагом пошел в город, обдумывая мелочи. Потом, желая закончить все скорей и разом, бросился опрометью бежать, вскидывая ногами и разбрасывая вокруг себя грязь, листья и брызги.

Он долго бежал. Почти до самого дома. И, только увидев дом, замедлил шаг и пошел совсем тихо.

Какая-то белая собачонка равнодушно залаяла на него.

Нагнувшись и подняв с земли камень, Иван Иванович метко бросил в нее.

Собака с визгом отбежала за ворота и, высунув морду в калитку, отчаянно залаяла, скаля зубы.

Схватив кусок грязи, Иван Иванович бросил в собаку опять. Потом бросил еще раз. Потом подошел к воротам и принялся дразнить животное ногой, подпрыгивая и стараясь попасть по зубам.

Какое-то бешенство, испуг овладели собакою. Она в смертельном страхе скулила уже, поднимая верхнюю губу и стараясь ухватить человека за ногу. Но Иван Иванович ловко и вовремя отдергивал ногу и бил собаку рукой и грязью.

Бабка Пепелюха, как ошпаренная кипятком, выскочила из дому, подбирая самые ужасные и яростные выражения для гнусных мальчишек, дразнивших ее пса. Но, увидев большого, лохматого человека,

разинула рот, сказав сначала, что довольно стыдно сознательным гражданам дразнить собак. Но снова смолкла и, разинув рот, остановилась неподвижная, глядя на удивительную сцену.

Иван Иванович, стоя теперь на коленях, боролся с собакой, пытаясь руками разорвать ей пасть. Собака судорожно хрипела, раскидывая и царапая землю ногами.

Тетка Пепелюха, страшно и тонко закричав, бросилась к Ивану Ивановичу и, еле вырвав у него собаку, убежала в дом.

А Иван Иванович, обтерев искусанные свои руки, медленным и тяжелым шагом пошел дальше.

Автору несколько странно и чудно говорить об этом происшествии. Автор даже слегка огорчен поступком Ивана Ивановича. Конечно, автор ничуть не жалеет пепелюхиной собаки, пес с ней, с собакой, автор только огорчается той неясностью и нелепостью поступка и положительно не знает — в тот момент зашел ли у Ивана Ивановича ум за разум, или ум за разум не заходил, а была просто игра, случайность, крайнее раздражение нервов. Впрочем, все это крайне неясно и психологически непонятно.

И такая неясность, уважаемые читатели, к знакомому лицу и к известному характеру! А хорош был бы автор, спутавшись с неизвестным героем! Заврался бы вконец! Тем более, что очень уж разноречивые были на этот счет слухи.

Тетка Пепелюха, например, крестилась и божилась, что Иван Иванович был совершенно тронувшись, что у него висел язык и изо рта слюни текли. Катерина Васильевна, не менее набожная дамочка, тоже была близка к той же мысли. Однако станционный сторож и герой труда Еремеич утверждал обратное. Он говорил, что Иван Иванович Белокопытов здоров, как бык, и что больных и свихнувшихся обыкновенно сажают в специальные дома. Егор Константинович Яркин тоже был уверен в полном уме и твердой памяти Белокопытова. Что же касается уважаемого товарища Ситникова, то Ситников не брался что-либо утверждать, говоря, что он может, в случае крайней надобности, списаться с одним московским психиатром. Но это длинно и неверно. Пока товарищ Ситников напишет, да пока московский психиатр раскачается с ответом, да, небось, ответит еще выпивший и, даром что московский психиатр, а такую галиматью понесет, что вставишь ее в печать, а после, поди доказывай, что ты не при чем тут. Лучше уж, оставив все это на совести самих читателей, автор перейдет к дальнейшему.

Иван Иванович отер свои руки о костюм и пошел к дому. Кровь медленно стекала с обкусанных собакой пальцев, но Иван Иванович, ничего не замечая и не чувствуя боли, подходил к дому.

Он остановился на мгновение у калитки и, оглянувшись назад, шмыгнул во двор. Потом вбежал по ступенькам и, приоткрыв двери, тихо вошел в сени.

Странный трепет прошел по его телу. Сердце стучало, и дыхание было прерывистым.

Он постоял в сенях и, никем не замеченный, вошел в коридор. И там, на скрипучих досках, подойдя к двери Яркина, остановился, прислушиваясь.

Было, как и всегда, тихо.

Иван Иванович вдруг толкнул от себя дверь и, открыв ее настежь, вошел за порог.

Все было, как и думал Иван Иванович. Направо у стола сидел Яркин. Налево, у окна, в кресле, сложив на животе руки, сидела Нина Осиповна. На столе стояли стаканы. Лежал хлеб. И на шипящем примусе кипел чайник.

Каким-то одним взглядом Иван Иванович впитал в себя все это и, продолжая неподвижно стоять, взглянул на свою жену.

Она тихо ахнула, увидев его, и приподнялась в кресле. А Егор Константинович замахал на нее руками, упрасывая не беспокоиться ради ребенка. Потом, приподнявшись, чтобы пойти навстречу гостю, остановился и снова сел, рукой приглашая войти в комнату и прикрыть дверь, не остужая зря помещения.

И Иван Иванович вошел. Слегка потупив голову и приподняв плечи, он подошел к сидящему Егору Константиновичу и остановился в двух шагах от него. Смертельная бледность вдруг покрыла лицо Егор Константиновича. Он сидел на стуле, несколько откинувшись назад, и, шевеля губами, не двигался с места.

Иван Иванович несколько секунд стоял молча. Потом, быстро взглянув на Яркина, на то место, куда он должен был ударить, вдруг усмехнулся и, отойдя несколько в сторону, присел на стул.

Егор Константинович выпрямился на своем месте и глядел теперь на Белокопытова сердитым, злым взглядом. А Иван Иванович сидел, опустив руки плетью, и невидимым взором глядел в одну точку. И думал, что у него нету ни злобы, ни ненависти к этому человеку. Он не мог и не хотел к нему подойти и ударить. И сидел на стуле и чувствовал себя усталым и нездоровым. И ему ничего не хотелось. Ему хотелось выпить горячего чаю.

И, думая так, он взглянул на примус, на чайник на примусе, на хлеб, нарезанный ломтиками. Крышка на чайнике приподнималась, пар валил клубом, и вода с шипением обливала примус.

Егор Константинович встал и загасил огонь.

И тогда в комнате наступила совершенная тишина.

Нина Осиповна, увидев, что Иван Иванович пристальным взором смотрит на примус, снова приподнялась в своем кресле и жалобным

тоном, скорбно сжав губы, стала уверять, что она вовсе не хотела зажить этот несчастный примус, что она взяла его временно, зная, что Иван Иванович в нем не нуждается.

Но Егор Константинович, замахав на нее руками и прося не волноваться, ровным, спокойным голосом стал говорить, что он ни за что не возьмет даром этой штуки, что завтра же он заплатит Ивану Ивановичу полностью все деньги по рыночной стоимости.

— Я заплатил бы вам и сегодня, — сказал Егор Константинович, — но я должен разменять деньги. Завтра вы обязательно зайдете утром же.

— Хорошо, — коротко сказал Иван Иванович. — Я зайду.

И вдруг, забеспокоившись и заерзав на стуле, Иван Иванович обернулся к своей жене и сказал, что он просит его извинить, что он очень устал и потому сидит на стуле такой грязный.

Она закивала головой, волнуясь и скорбно сжимая губы. И, снова приподнявшись на стуле, сказала:

— Ты, Ваня, не сердись...

— Я не сержусь, — просто ответил Иван Иванович.

И встал. Шагнул к жене, потом поклонился и молча вышел из комнаты, тихо притворив за собой дверь.

Он вышел в коридор. Постоял с минуту. И пошел к выходу.

В кухне его ожидала Катерина Васильевна. Почему-то знаками и боясь проронить слово, она манила его, приглашая жестами присесть и покушать супу. И Иван Иванович, почему-то тоже не проронив слова, молча покачал головой и, улыбнувшись и погладив хозяйке руку, вышел.

С криком выбежала Катерина Васильевна за ним, но Иван Иванович, обернувшись и махнув рукой, прося этим не идти за ним, скрылся за воротами.

12

На другой день Иван Иванович за деньгами не зашел. Он исчез из города.

Егор Константинович Яркин лично, с деньгами в руках, обегал все улицы, все учреждения, отыскивая Ивана Ивановича. Егор Константинович говорил, что он совершенно тут ни при чем, что деньги за примус — вот они, деньги, — что он вовсе не желает пользоваться чужим добром, и что если он не найдет Ивана Ивановича, то пожертвует эти деньги на детский дом.

Егор Константинович бегал даже на полянку, за Собачью рощицу, но Ивана Ивановича не нашел.

Как зверь, которому неловко после смерти оставить на виду свое тело, Иван Иванович бесследно исчез из города.

ВОЗВРАЩЕННАЯ МОЛОДОСТЬ

1. АВТОР ПРИНОСИТ СВОИ ИЗВИНЕНИЯ

Это есть повесть о том, как один советский человек, обремененный годами, болезнями и меланхолией, захотел вернуть свою утраченную молодость.

И что же? Он вернул ее простым, но все же удивительным способом.

Человек вернул свою потерянную молодость! Факт, достойный оглашения в печати. Тем не менее не без робости автор приступает к этому сочинению. Обиды и огорчения принесет, вероятно, нам эта книга.

Ах, мы тревожимся в особенности за одну категорию людей, за группу лиц, так сказать, причастных к медицине.

Эти лица, ну там, скажем, врачи, фельдшера, лекарские помощники, работники «скорой помощи», а также, ну, скажем, заведующие аптеками с ихними женами, родственниками, знакомыми и соседями, лица эти, увидав книгу, содержание которой поначалу несколько напомнит им ихнюю профессию, лица эти, несомненно, отрицательно, а может быть, даже и враждебно отнесутся к нашему сочинению.

Этих лиц автор покорнейше просит поспасительней отнестись к нашему труду. Автор, в свою очередь, тоже обещает им быть снисходительным, если ему случится читать повести или там, скажем, рассказы, написанные врачом, или родственником этого врача, или даже его соседом.

Автор просит у этих лиц извинения за то, что он, работая в своем деле, мимоходом и, так сказать, как свинья, забрел в чужой огород, на следил, быть может, натоптал и, чего доброго, сожрал чужую брюкву.

2. НЕКОТОРАЯ НЕОБЫЧАЙНОСТЬ НАШЕГО СОЧИНЕНИЯ

Наша повесть на этот раз мало похожа на обычные литературные вещицы. Она мало также похожа и на наши прежние художественные вещички, написанные наивной, грубоватой рукой в спехе нашей молодости и легкомыслия.

Нет, с одной стороны, это сочинение тоже можно будет назвать художественным. Тут будет и художественное описание картин нашей северной природы, описание бережков, ручейков и опушек леса. Тут будет интересный и даже занимательный сюжет. Тут будут разные сложные и сердечные переживания героев, а также рассуждения и добровольные высказывания этих героев о пользе текущей политики, о мировоззрении, о перестройке характеров и о славных грядущих днях.

Здесь будет все, чего ждет читатель от книги, которую он взял почитать вечером, чтобы рассеять свои дневные заботы и чтоб окунуться в чужую жизнь, в чужие переживания и в чужие помыслы.

Но это только с одной стороны. А с другой стороны, наша книга — нечто совершенно иное. Это такое, что ли, научное сочинение, научный труд, изложенный, правда, простым, отчасти бестолковым бытовым языком, доступным в силу знакомых сочетаний самым разнообразным слоям населения, не имеющим ни научной подготовки, ни смелости или желания узнать, что творится за всей поверхностью жизни.

В этой книге будут затронуты вопросы сложные и даже отчасти чересчур сложные, отдаленные от литературы и непривычные для рук писателя.

Такие вопросы, как, например, поиски потерянной молодости, возвращение здоровья, свежести чувств, и так далее, и тому подобное, и прочее. А также будут затронуты вопросы о переустройстве всей нашей жизни и о возможностях этого переустройства, о капитализме и о социализме и о выработке мировоззрения. А кроме того, мы коснемся и других, не менее важных вопросов, взятых в самом их наивысшем значении и в свете текущих дней.

3. НА ЧТО ПОХОЖЕ НАШЕ СОЧИНЕНИЕ

Ну, если это и не научный труд, если, скажем, Академия наук или там, скажем, секция научных работников, согласовавшись с горкомом и Союзом писателей, не найдет здесь признаков научного сочинения или найдет эти признаки, но не сосчитает автора в достаточной степени овладевшим марксистско-ленинским мировоззрением, то в таком случае эту книгу можно будет обозначить более средним, более, так сказать, безобидным названием, не раздражающим зрения и слуха отдельных граждан и организаций.

Пусть эта книга называется, ну, скажем, культурфильм. Пусть это будет такой, что ли, культурфильм, вроде как у нас бывали на экране: «Аборт», или там «Отчего идет дождь», или «Каким образом делают шелковые чулки», или, наконец, «Чем отличается человек от бобра». Такие бывают фильмы на крупные современные научные и производственные темы, достойные изучения.

Так же, как и в этих фильмах, сначала у нас будет идти научное рассуждение с разными сносками, справками о том о сем, с разными комментариями и, может быть, даже диаграммами и статьями, окончательно разъясняющими суть дела.

И уже только потом читатель, слегка утомленный и пришибленный чужими мыслями, получит порцию занимательного чтения, которое и явится вроде как бы наглядной иллюстрацией к вышеизложенным мыслям и рассуждениям.

Конечно, умы нетерпеливые, не привыкшие идти на поводу, а также умы, ну, скажем, негибкие, грубоватые или, что ли, низменные, не имеющие особого интереса к различным явлениям природы, кроме выдачи продуктов питания, — эти умы могут, конечно, отбросить начало и комментарии, с тем чтобы сразу приступить к инцидентам и происшествиям и сразу, так сказать, получить порцию занимательного чтения.

В таком случае они без ущерба для себя прочтут, начиная с 17-й главы, правдивую повесть об удивительной жизни одного человека, который в наши реальные дни, в дни, так сказать, торжества материализма и физиологических основ, возвратил свою молодость и тем самым имел смелость и счастье соперничать в умении с самой природой или, как до революции говорили, с самим Господом Богом.

4. ЛЮБОВЬ АВТОРА К МЕДИЦИНЕ

Конечно, автор принужден сказать, что он человек, ну, что ли, невежественный в вопросах медицины. Не то чтобы невежественный, ну, не совсем, что ли, на все ноги подкованный, не совсем, что ли, разбирающийся в отдельных мелких, разнообразных и часто ужасно запутанных деталях этой науки. Тем не менее, по ходу повести, автор принужден будет затрагивать кой-какие передовые медицинские вопросы о том о сем, ну, там о неврастении, о нарушенной равновесии, об упадке сил и о причинах этих явлений.

Не то чтобы автор решительно ничего не смыслил в этом деле. Нет, он кое-что представляет себе. Но, конечно, это представление не такое уж окончательно твердое. Не такое, что вот разбуди человека ночью, и он тебе сразу все объяснит и все спросонок расскажет — где чего бывает, и зачем бывает, и как то или иное по-гречески называется, и что такое рак, и в каком боку у населения почки, и для какой цели природа пристроила человеку селезенку, и почему, в сущности, этот запутанный и даже отчасти мизерный орган называется этим довольно-таки легкомысленным названием, заметно снижающим человеческую природу в ее обычном величии.

Нет, автор, конечно, не врач, и знания его в этой сфере ограничены. Тем не менее с детских лет автор имел глубокий и даже исключительный интерес к медицине и даже одно время пробовал было лечить

своих менее ценных родственников разными домашними химическими средствами — йодом, дегтем, глицерином, травой, которую жрут собаки при заболевании, и психическими воздействиями. Какое лечение, надо сказать, иной раз сходило довольно успешно и не всегда заканчивалось смертельным исходом того или другого зазевавшегося родственника.

Но не только к своим родственникам, но и ко всем людям автор присматривался с нескрываемым любопытством, следил, так сказать, за ежедневной игрой ихних организмов и за тем, кто сколько прожил, чем захворал и от чего именно помер. И что такое грипп. И что такое старость. И почему наступает увядание. И что надо делать, чтобы задержать быстрое течение дорогой нашей жизни.

И, надо сказать, неутешительные картины открывались постепенно перед изумленным взором автора.

5. НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ КАРТИНЫ

Ну, еще лет до тридцати пяти, сколько мог заметить автор, люди живут сносно, трудятся на своем поприще, веселятся, тратят безрассудно то, что им отпущено природой, а после этого по большей части начинается у них бурное увядание и приближение к старости¹.

У них пропадает вкус ко многим хорошим вещам. Морда у них тускнеет. Ихние глаза с грустью взирают на многие приличные и недавно любимые вещи. Их захватывают разные удивительные и даже непонятные болезни, от которых врачи впадают в мудрое созерцательное состояние и приходят в беспокойство за беспомощность своей профессии.

Этих больных захватывают также болезни более понятные и, так сказать, общедоступные, описанные в учебниках, как, например: меланхолия, водянка, параличи, сахарная болезнь, туберкулез, и так далее, и тому подобное, и прочее.

Захворавшие выезжают тогда поскорей со своими болезнями и чемоданами на разные курорты и побережья в поисках своей утраченной молодости. Они купаются в море, ныряют и плавают, валяются часами на самом ужасном солнцепеке, шляются по горам и пьют специальные и слабительные воды. Еще более от этого хворают и с почтением взирают на врачей, ожидая от них чудес, возвращения потерянных сил и восстановления утраченных соков.

¹ Автор имеет в виду так называемую интеллигентскую прослойку, причем прослойку, имеющую прежние мелкобуржуазные привычки и традиции. Автор не касается в данном случае, так сказать, восходящего класса, по той простой причине, что тут нервное здоровье в достаточной степени благополучно. Однако кое-что будет сказано и о пролетарском здоровье, о здоровье тех людей, кои сейчас, по роду своих обязанностей, прикоснулись к систематическому умственному труду и нажили на этом деле неврастению.

Врачи делают больным спринцевания и прижигания, купают их в ваннах, ставят им с научной целью разные клизмы и клизмочки из соленых и минеральных вод. Или ведут с больными беседы о чисто нервных явлениях со стороны организма, убеждая при этом больного отказаться от губительных мыслей и поверить в то, что он здоров как бык и что болезненные явления у него суть нечто воображаемое, вроде как бы даже фантазия, не имеющая под собой никакой реальной почвы. Это последнее совершенно запутывает простодушного больного и примиряет его с мыслью о близкой кончине. К тому же неумолимые силы природы и нарушенное привычное равновесие по большей части мало поддаются дальнейшим ухищрениям науки и живительным свойствам водолечения. И захворавший нередко заканчивает свое земное шествие, так и не узнав окончательно, что, собственно, с ним случилось и какую роковую ошибку он совершил в своей жизни.

6. ЕЩЕ БОЛЕЕ НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ КАРТИНЫ

Тогда, думая, что эти наблюдения, как бы сказать, чисто случайные, что эти наблюдения производились над людьми, здоровье и нервные силы которых подорваны многими и различными потрясениями — войной, революцией и всем, так сказать, своеобразием нашего быта, — автор тогда, не доверяя виденному, обернулся назад и нарочно прочел биографии и описания жизней всех сколько-нибудь известных и знаменитых людей прежних эпох и столетий¹.

И нет. Еще более неутешительные картины раскрылись перед автором.

Еще более бурное увядание, еще более сложные и непостижимые болезни, еще более ужасную меланхолию, хандру, разочарование, презрение к людям (I)², ипохондрию и еще более раннюю смерть можно было видеть на этом, так сказать, великом интеллигентском фронте.

Большой черный список можно составить из этих рано погибших великих людей (II).

Одни умирали, едва достигнув зрелого возраста, другие едва дотягивали до сорока лет, третьи, перешагнув сорокалетний возраст, влачили тем не менее жалкое существование и все равно как бы погибали для общества.

¹ Автор предпочел бы прочесть биографии обыкновенных, не великих людей, но история, к сожалению, не имеет другого материала. Впрочем, в этом смысле наша параллель и сравнение до некоторой степени будут правильны. Люди нашей революционной эпохи иной раз тратят нервную силу не в меньшей степени, чем тратили ее так называемые великие люди.

² Римские цифры здесь и в дальнейшем указывают на то, что к данному тексту имеются комментарии в конце книги. Однако для удобства чтения автор советует читать повесть, не обращаясь к комментариям. При чтении же комментариев следует посмотреть, к какому именно тексту они относятся.

Они бросали свою славную работу (III), они целые дни валялись на оттоманках в рваных войлочных туфлях, курили трубки, грустили, бранились с женами, плакали и ныли, писали, скуки ради и чтоб забыть, свои мемуары о своей прекрасной героической молодости или сочиняли богословские и религиозные трактаты, поскольку для этой мелкой цели не требуется вдохновения (IV) и полного бурного творческого здоровья, подъема и того физического благополучия, которое было в молодости (V).

7. ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ

Но что наиболее всего удивило автора — это одна черта из жизни этих знаменитых людей, живших в прошлых веках. Это такое, что ли, примирение и покорность судьбе и даже какое-то нежелание бороться со своими болезнями.

Свои болезни они нередко считали проявлением Божьей воли, или особым коварством судьбы, или своей склонностью к неудачам и после небольшого курса, главным образом водолечения, безропотно сносили то, что с ними случалось, не делая даже попыток заглянуть в глубь вещей, чтоб найти причину и понять физическое происхождение своих недугований.

Но можно сказать, к великому счастью, не все в этом смысле были одинаковы.

Одна категория людей отличалась особою крепостью здоровья и имела, не в пример прочим, продолжительную жизнь — это люди, склонные к раздумью и, так сказать, не идеалистическому пониманию жизни. Это главным образом всякого рода философы, ученые-натуралисты, химики, естествоиспытатели и вообще всякого рода профессора и мудрецы, кои по роду своей профессии чего-то такое соображали, чего-то такое думали о разных свойствах природы.

Одним словом, это были люди, которые не только сочиняли оды или там, скажем, сюиты и симфонии, не только рисовали красками разные «Закаты», и «Восходы», и «Опушки леса», но и добросовестно задумывались о своей жизни и о своем на редкость сложном организме, и об управлении им, и о своем отношении к окружающему.

Эти по-настоящему великие люди — чаще всего безбожники и материалисты — все почти доживали до глубокой старости и спокойно, без лишних ахов, криков и причитаний, отходили, как говорилось раньше, «в царство теней и неизвестности».

Они мало чем хворали и даже, напротив того, приближаясь к старости, отличались все большим и большим здоровьем.

Они мало суетились, не делали бестолковых вещей и мужественно шли к своей цели, не дорожа, в сущности, даже своей продолжительной жизнью.

Не без сердечного трепета автор прочел биографию Вольтера, который, несмотря на превратности судьбы и гонения со всех сторон, изволил прожить до восьмидесяти четырех лет.

Знаменитый греческий врач Гиппократ, «отец медицины», как его называли, то есть, значит, человек, целиком понимающий всю физическую суть дела, прожил до девяноста девяти лет.

А некто Демокрит, по-видимому, самый мудрый человек из всех живущих, греческий философ и родоначальник материализма¹, отхватил сто два года и помер с улыбкой, говоря, что он мог бы прожить и дольше, если б к тому стремился (VI).

8. ТАК СКАЗАТЬ, «СЕКРЕТ ВЕЧНОЙ МОЛОДОСТИ»

Нет, зря на свете ничего не бывает.

Автор полагает и даже уверен, что эти профессора и ученые люди чего-то такое узнавали, отыскивали какой-то, может быть, секрет или, скажем, не секрет, а какую-нибудь там подходящую, единственно нужную линию поведения и, пользуясь этим, беспечно жили², регулируя свою жизнь и свой организм, как, скажем, рабочий или там мастер регулирует свой токарный станок.

Но этот секрет личного своего благополучия и долголетия профессора, как на грех, уносили в могилу.

Конечно, кое-что отвлеченное было сказано по этому поводу. Одни говорили на тему о равновесии тела и души. Другие туманно рассуждали о необходимости быть ближе к природе или, во всяком случае, не мешать ей и вообще ходить босиком.

Третьи советовали ничему не удивляться и не отрываться от масс, говоря, что мудрость всегда спокойна.

Некоторые, спускаясь с заоблачных высот и не говоря пышных слов о душе, велели получше следить за мелкими естественными свойствами своего тела, советуя при этом кушать простоквашу, всецело рассчитывая, что это вегетарианское блюдо дает особо продолжительную жизнь, не позволяя микробам без толку скопиться в наших внутренностях и в пошлых закоулках организма, имеющих от природы низменное и второстепенное значение.

Однако автор в бытность свою учеником знал одного преподавателя, который много лет подряд кушал эту молочную диету и, захворав неожиданно легким гриппом, как говорится, «дал дуба», оплакиваемый своими родственниками и учениками. Причем родственники и ученики в один голос утверждали, что вот именно пристрастие к кис-

¹ Существенные черты его учения о материализме остались почти неизменными у материалистов нашего времени.

² Бывая нередко даже в разладе со своей эпохой.

лему молоку и подкосило больного, подорвав его силы настолько, что ослабленный организм не смог сопротивляться такой, в сущности, пустячной болезни.

9. ОТЧЕГО НЕ ПОГОВОРИТЬ ОБ ИНТЕРЕСНЫХ ВЕЩАХ

Не желая даже намеком унижать или в чем-либо упрекать великих людей, автор все же хочет отметить, что ничего особенно путного и положительного, а главное, доступного и понятного всем людям не было сказано в этой области¹.

И мудрые старцы, знавшие что-то такое про себя, отходили в иной мир, так и не осчастливив своих ближних.

Нет, конечно, автор не имеет намерения сейчас сказать: вот, мол, старцы померли со своим секретом, а вот автор, молодец и сукин сын, открыл этот секрет и сию минуту осчастливит человечество своим нестерпимым открытием.

Нет. Все обстоит гораздо проще и, может быть, даже обидней. Все, что будет говорить автор, по всей вероятности и даже несомненно, известно отделу здравоохранения и медицине.

И если автор имеет намерение говорить о таких вещах своим слабым, заплетающимся языком, то отчего не поговорить в доступной форме об интересных вещах, о вещах, которые всем любопытны и всем занимательны.

Люди в свободное от занятий время изучают литературу, говорят о музыке, собирают марки, сушат бабочек, букашек и разных там, я извиняюсь, навозных жучков, но автор подозревает, что единственная настоящая тема после политики (что, в сущности, будет в конечном счете почти одно и то же, ибо социальное переустройство общества ведет к новым, здоровым формам жизни, а стало быть, и к новому здоровью), — так единственная тема, которая у всех почти на уме, которая всем почти близка, и понятна, и необходима, как вода, как еда и как солнце, — это наша жизнь, наша молодость, наша свежесть и наше умение распоряжаться этими драгоценными дарами.

10. ПОТЕРЯННОЕ ЗДОРОВЬЕ

Сколько мог заметить автор, здоровье, главным образом среди вышеуказанной интеллигентской прослойки, несколько ухудшилось и покачнулась.

Автор имеет подозрение, что здоровье, во всяком случае нервное здоровье, всех людей, всех категорий, всех стран и всех классов и состояний значительно снизилось за последние столетия.

¹ Мы в данном случае не говорим о науке, величайшие открытия которой позволяють надеяться на благополучный исход борьбы человека за молодость и долголетие.

В самом деле, иной раз просто с удивлением и тревогой читаешь старинные книги, где описываются похождения героев самых разнообразных классов и профессий.

Вот это были на редкость молодцы и здоровяки.

Вот это были сильные и даже могучие характеры.

Вот это были обжоры и пьяницы, какие нам и во сне не снились.

То и дело читаешь: «Он почувствовал жажду, освежился, выкушав две бутылки розового анжуйского вина, и, вскочив на лошадь, понесся галопом за своим оскорбителем...»

Ну-те, скажем, поднесите две бутылки анжуйского вина нашему человеку, нашему обитателю, проживающему в 1933 году. Он, пожалуй, после этого не только на лошадь не сядет, он, по всей вероятности, «мама» сказать не сможет. А приляжет подле своей лошадки, проспится, поскрипит и поохает и потом только, приняв телегу, поплется по своим делам, махнув рукой на своего оскорбителя, который, в свою очередь, увидя за собой погоню, небось уже драпанул за тридцать земель (VII).

11. БЕСПЛОДНЫЕ ПОПЫТКИ

Не будучи профессором, или там, скажем, академиком, или, например, даже аспирантом, автор, по некоторой своей наивности и некоторой доле нахальства, пытался все же разобраться, в чем состоит секрет, отысканный старцами.

И нельзя ли, поняв этот секрет, слегка приподнять завесу над неувядаемой молодостью и долголетием?

Но, естественно, ничего путного из этого не вышло.

Конечно, автор приблизительно понимал, что вся штука в каком-то плавном ходе нашей машины, нашего организма, в соответствии с плавным ходом общественной жизни, окружением и средой.

Но, с одной стороны, автор видел людей, плавно живущих и вскоре умирающих от пустяковой простуды, с другой стороны, приходилось видеть черт знает какую бурную и неравномерную жизнь в бурной и даже потрясающей эпохе, и тем не менее хозяин этой жизни жил долго, превосходно и отличался примерным здоровьем и благополучием.

Тогда автор, не сдаваясь еще, стал присматриваться к работе, так сказать, отдельных частей нашего механизма и вообще к разным мелочам и мелочишкам, кои профессора могли, чего доброго, проглядеть, в силу своего высокого служебного и общественного положения находя их, ну, скажем, слишком пошлыми, мизерными, не возвышенными или даже просто унижительными для человечества и бурного роста всей христианской культуры, основанной на идеализме и на горделивом превосходстве против других животных, зародившихся, чего доброго, не в пример человеку, от плесени, воды и прочих гнусных химических соединений.

Нет, новых открытий в этой области автор, увы, не сделал, однако увидел много чего поучительного и достойного самого истинного удивления. И вот, прежде чем приступить к нашей повести, мы желаем кой о чем рассказать, без чего ну решительно нельзя будет понять всей истории человека, возвратившего себе молодость.

Мы расскажем пять небольших, но весьма забавных историйек, объясняющих основную суть дела. Эти историйки можно в крайнем случае читать с полным добродушием, как рассказы.

Первая историйка будет о том, как ведет себя человек, когда ему хорошо. Вторая историйка — о том, что делает человек, когда ему плохо. В третьей говорится о том, что делает человек для того, чтоб ему было плохо. А два последних забавных рассказа заставляют подумать о необходимости научиться управлять собой и своим на редкость сложным телом.

Итак, прослушаем пять рассказов. А засим мы приступаем к повести, до которой, как видите, не так-то легко добраться в силу на редкость трудной темы.

12. ЧЕЛОВЕК УЛЫБАЕТСЯ

Однажды автор зашел к одной знакомой даме по делу. И там, в ее комнате, увидел улыбающегося младенца, лежащего в люльке. Это был сын этой дамы.

Этот мальчик находился в том совершенно, так сказать, бессмысленном, зачаточном периоде своей жизни, когда никакого толка, никакой, казалось бы, улыбки или свинства нельзя было от него ожидать.

Да, правда, он был сыт и здоров. Он лежал в чистых, незамоченных пеленках. Легкое шелковое одеяльце, пошитое из мамино пальто, окутывало его малюсенькое, жалкое тельце. Кружевные штучки и цветочки были нашиты там и сям. И ничего — ни блоха, ни сквозняк, ни пыль, попавшая в носик, — ничего не тревожило этот крошечный микроорганизм.

Он лежал, как было сказано выше, в люльке.

Мама его стояла у окна, напяливая на пузырек новую соску. Радость и материнское удовольствие сияло на ее утомленном лице.

Автор, зайдя по делу, остановился у дверей, с чувством поглядывая на знакомую и даже классическую картину материнства и младенчества.

Вдруг автор, взглянув на малютку, заметил на его красноватой бессмысленной мордашке чего-то вроде подобия улыбки.

Черт возьми, да, это была улыбка. Это была продолжительная и не случайная улыбка. Она не была обращена ни к матери, ни к пузырьку с новой соской, ни к чему-нибудь определенному. Улыбка была сама

по себе, как реакция каких-то, может быть, химических процессов, недоступных моему пониманию.

В этой улыбке светилось какое-то торжество жизни, торжество здоровья и благополучия.

«Что это значит?» — подумал я. И даже какая-то обида и недоброжелательное чувство шевельнулось в моей зачерствелой душе.

Что ж это значит? Чему улыбается эта маленькая дрянь? Ну, еще понятно, чему улыбается мать... Но этот маленький людоед... Мыслей у него нету. Что такое радость, дружба, любовь, деньги, наслаждение — он не понимает. Он никуда не смотрит. Он ничем не любит. Ничего не вспоминает. Тем не менее улыбка блуждает на его детском пустяковом личике.

— Чего он у вас улыбается? — спросил автор грубоватым, раздраженным тоном.

Мать, посмотрев на дитя счастливым замирающим взглядом, сказала:

— Вполне здоровый ребенок. Чего ему не улыбаться?

Поговорив с мамой о деле, автор пошел домой, по дороге рассуждая о том, что хорошее здоровье и беспечная жизнь должны, вероятно, в самом деле сопровождаться улыбкой.

— Заметим себе это, — сказал автор потирая руки.

13. ЧЕЛОВЕК ОГОРЧЕН

Однажды, несколько лет назад, автор видел в игорном клубе игрока, который проигрывал. Это был немолодой мужчина довольно подловатой наружности — с рыжими усишками, в пенсне и с небольшой лысинкой.

Этот игрок здорово проигрывал. Он рылся яростно по карманам, выхватывал новую пачку денег и совал ее на стол с таким видом, будто хотел сказать: «Нате... Жрите... Давите меня... Топчите... Вырывайте сердце...»

Этот человек ужасно нервничал.

Его глазки метали молнии. Руки дрожали и не слушались своего владельца. Он орал, как баба, с каким-то даже повизгиванием в голосе, когда возникало какое-нибудь недоразумение.

В своем нервном возбуждении он вертелся на стуле. По временам вскрикивал. А когда сидел, то ухитрялся своими тощими коленями приподнимать край тяжелого дубового стола.

«Что это значит? — подумал автор. — Что за странное поведение у этого рыжего субъекта? Чего его, подлеца, вертит?»

«Это значит, — сказал себе автор, — что бывают обстоятельства, при которых наш организм работает на редкость плохо. Громадная энергия, возникшая при этом, пропадает как бы впустую. Она, вер-

нее, тратится на черт знает что — на крики, суетню и даже, как мы видели, на поднятие столов и тяжелой мебели».

И вот, когда проигравший начал особенно визгливо орать на своего соседа, такого молодого субъекта, видимо только что вступившего на жизненное поприще, сосед этот заявил с обидой в голосе, что он немедленно бросит игру, если этот проигравшийся психопат не станет проигрывать более корректно.

Но все люди, сидящие за столом, в один голос сказали:

— Позвольте... В чем дело?.. Помилуйте. Очень естественно. Человечек проигрывается. Он нервничает. Волнуется. Нечего строить обиды и требовать невозможного.

«Эти-то дураки чего заступаются? — подумал автор. — А впрочем, вероятно, такая единодушная поддержка как раз и указывает на то, что эти крики, визг и бурные движения проигравшегося есть совершенно естественное и даже обязательное проявление организма, что так и должно быть, что это в порядке вещей и что, если бы этого не было, человек, вероятно, повредил бы себе свое внутреннее хозяйство и, быть может, помер бы от удара или от разрыва сердца» (VIII).

«Заметим себе это», — подумал автор.

Как говорится в старинных романах: дайте руку, уважаемый читатель, мы пойдем с вами, побродим по улицам и покажем вам одну прелюбопытную сценку.

14. НЕ НАДО ИМЕТЬ ВОСПОМИНАНИЙ

Однажды летом на Кавказе автор зашел в зоологический сад. Собственно, это не был даже зоологический сад, а это был небольшой передвижной зверинец, приехавший на гастроли.

Автор стоял у клетки, набитой обезьянами, и следил за ихними ужимками и игрой.

Нет, это не были заморенные ленинградские обезьянки, которые кашляют, и чихают, и жалостно на вас глядят, подперев лапкой свою мордочку.

Это были, напротив того, здоровенные, крепкие обезьяны, живущие почти под своим родным небом.

Ужасно бурные движения, прямо даже чудовищная радость жизни, страшная, потрясающая энергия и бешеное здоровье были видны в каждом движении этих обезьян.

Они ужасно бесновались, каждую секунду были в движении, каждую минуту лапали своих самок, жрали, какали, прыгали и дрались.

Это просто был ад. Это был настоящий и даже, говоря возвышенным языком, великолепный пир здоровья и жизни.

Автор любовался этой картиной и, понимая свое ничтожество, почтительно вздыхая, стоял у клетки, слегка даже пришибленный таким величием, таким великолепием жизни.

«Ну что ж, — подумал автор, — если старик Дарвин не надул и это действительно наши почтенные родичи, вернее — наши двоюродные братья, то довольно-таки грустный вывод напрашивается в этом деле».

Вот рядом с клеткой стоит человек — автор. Он медлителен в своих движениях. Кожа на его лице желтоватая, глаза усталые, без особого блеска, губы сжаты в ироническую, брезгливую улыбку. Ему скучновато. Он, извольте ли видеть, зашел в зверинец поразвлечься. Он зашел под крышу, чтобы укрыться от палящих лучей солнца. Он устал. Он опирается на палку.

А рядом в неописуемом восторге, позабыв о своей неволе, беснуется обезьяны, так сказать — кузены и кузины автора.

«Черт возьми, — подумал автор, — прямо даже великолепное здоровье в таком случае я соизволил порастрясти за годы своей жизни, за годы работы головой».

Но не в этом суть.

Один посетитель зверинца, какой-то, по-видимому, перс, долго и любовно следивший за обезьянами, схватив без слов мою палку, ударил ею одну из обезьян по морде, не очень, правда, сильно, но чрезвычайно обидно и коварно, хотя бы с точки зрения остального человечества.

Обезьяна ужасно завизжала, начала кидаться, царапаться и грызть железные прутья. Ее злоба была столь же велика, как и ее могучее здоровье.

А какая-то сострадательная дама, сожалея о случившемся, подала пострадавшей обезьянке ветку винограда.

Тотчас обезьянка мирно заулыбалась, начала торопливо жрать виноград, запихивая его за обе щеки. Довольство и счастье светились на ее мордочке. Обезьяна, позабыв обиду и боль, позволила даже коварному персу погладить себя по лапке.

«Ну-те, — подумал автор, — ударьте меня палкой по морде. Навряд ли я так скоро отойду. Пожалуй, виноград я сразу кушать не стану. Да и спать, пожалуй, не лягу. А буду на кровати ворочаться до утра, вспоминая оскорбление действием».

А утром небось встану серый, ужасный, больной и постаревший — такой, которого как раз надо поскорей омолаживать при помощи тех же обезьян».

Нет, автор рассказал эту маленькую историйку вовсе не в христианском смысле и не с проповедью христианской морали — дескать, отойди от зла и, дескать, если тебя ударили по морде, то подставь еще что-нибудь подобное для удара.

Нет, автор презирает такую философию. Автор рассказал эту историйку всего лишь для того, чтобы показать, как работает здоровый мозг, не искушенный культурой, привычками и предрассудками (IX).

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЕРЕКОВКИ

НА БЕЛОМОРСКОМ КАНАЛЕ

На Беломорском канале меня заинтересовали не те люди, которые то ли в силу случайности или, как сказал один заключенный, в силу «мусорных обстоятельств» стали правонарушителями.

Меня заинтересовали люди, которые глубоко втянулись в жизнь, построенную на праздности, воровстве, обмане, грабежах и убийствах.

Вот к этим правонарушителям, к их перевоспитанию я стал приглядываться со всей внимательностью. Мне не хотелось тут ошибиться. Мне хотелось увидеть подлинные, но, может быть, скрытые чувства, желания и намерения этих людей.

В самом деле. А что подумали эти люди, когда после праздной жизни столкнулись с тяжелым повседневным трудом?

Что они подумали, когда им стали говорить о новой жизни, о перевоспитании и о социализме.

И что они подумали о своей будущей карьере и о возможностях этой карьеры в нашей стране, где нет собственников и богатств и нет «блестящих» капиталистических отношений, которые создают, так сказать, изнанку жизни — грабежи, воровство и убийства — с тем, чтобы завладеть деньгами другого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Скажу правду, я скептически подошел к вопросу перевоспитания. Я полагал, что эта знаменитая перековка людей возникла на единственном и основном мотиве — на желании выслужиться, на желании получить волю, блага и льготы.

Я должен сказать, что в общем счете я чрезвычайно ошибся. И я на самом деле увидел перестройку сознания, гордость строителей и удивительное изменение психики у многих заключенных.

Да, конечно, мне пришлось увидеть и более слабые стороны этого дела. Например, я долго разговаривал с одним профессионалом — карманным вором. Он, наговорив мне кучу пышных фраз о своей под-

линной перестройке, под конец, жалко улыбнувшись, сказал, что по выходе на волю за ним, конечно, следует присмотреть, чтоб он как-нибудь не свихнулся снова.

Мне пришлось также увидеть у некоторых заключенных излишнюю суету перед начальством, подхалимство и лишние восторженные слова и восклицания перед силой власти, которая, «как в сказке», переделывает людей и природу. За всем этим стояло лишь желание равнодушных в сущности людей выслужиться, желание быть замеченным начальством, желание сделать карьеру. Человеческие свойства, достойные изучения не только в пределах лагеря.

Но это люди мало интересные, они не делают погоды ни в лагере ни на воле, и о них речь между прочим.

В общем же счете, сколько мне удалось увидеть, ни один человек, прошедший суровую школу перевоспитания, не остался именно таким, как был.

Все почти в той или иной мере получили положительную перековку.

А если эта перековка сделала бы из всех правонарушителей идеальных людей — перо сатирика заржавело бы в дальнейшем от бездействия.

26 АВГУСТА 1933 ГОДА

И вот в те дни, когда я был на Беломорском канале, в одном из лагерей был устроен слет ударников этого строительства. Это был самый удивительный митинг из всех, которые я когда-либо видел.

На эстраду выходили бывшие бандиты, воры, фармазоны и авантюристы и докладывали собранию о произведенных ими работах.

Эти речи при всей своей частью неграмотности и наивности звучали как торжественные поэтические произведения. В них не было ни капли фальши, или выдумки, или желания ослепить начальство силой и решительностью своей перестройки.

Я запомнил фразу, которую несколько раз не без гордости и самолюбия повторял один бывший бандит: «И теперь вы все берите с меня пример».

Нет, тут не может быть и речи (в общем счете) о той хитрости и коварстве, на которые идут иной раз люди для достижения своих намерений. Я не увидел тут ни подневольности ни даже преднамеренности. Тут было почти все подлинное и полноценное.

ТОВАРИЩ РОТТЕНБЕРГ

И вот среди этих удивительных ораторов и докладчиков выступил человек лет сорока, с темным, обветренным лицом, высокий, крепкий, несколько лысый и, как мне показалось, необычайно мужественный и энергичный.

Он произнес речь о своей прошлой жизни, о заграничных скитаниях, о тюрьмах, в которых он сидел. И о том, что он тут сделал, и что с ним тут сделали, и что он намерен делать в дальнейшем.

Одна его фраза меня необычайно удивила. Он сказал: «Буржуазный профессор Ломброзо говорит, что мы, преступники, уже рождены преступниками. Какая чушь. Разве могут рождаться преступники? Мой отец — честный труженик — до сих пор работает. Моя мать — честная работница. А то, что случилось со мной, — я в этом раскаиваюсь и от этого окончательно ухожу».

Этот человек был известный международный вор, фармазон и авантюрист, ныне получивший почетный значок за свою отличную и даже героическую работу на строительстве.

Этого человека звали Абрам Исаакович Роттенберг. Этот человек за несколько дней до своего выхода на волю написал свою биографию. И эту биографию дали мне для литературной обработки.

ЕГО БИОГРАФИЯ

Его удивительная жизнь, описанная им самим, — необычайна. Но еще более необычайна перемена его жизни.

Его биографию, написанную несколько небрежно, со многими литературными погрешностями, длиннотами и повторениями, нельзя было, к сожалению, печатать без исправлений. Исправлять же такого рода вещи, за которыми стоит подлинная жизнь, яркий язык улицы, непрдуманые характеры и наивность человека, далекого от литературы, — задача необычайной трудности.

Есть такая замечательная книга «Жизнь Бенвенуто Челлини», написанная им самим.

Эта книга столь хороша, что ее можно считать в первом десятке лучших книг.

А между тем книга эта написана неумелой рукою и решительно без всякого знания литературных правил. И, быть может, этим она и особенно хороша.

Когда эту книгу Бенвенуто Челлини дали в свое время одному умному человеку для того, чтобы он подправил ее для печати, он сказал: «Я отказываюсь «причесывать» эту книгу. Этим ее можно только испортить».

И эта замечательная книга, наивная и неграмотная, была напечатана без существенных исправлений.

Нет, я не хочу сказать, что именно то же можно сделать с биографией Роттенберга.

Тут несколько иное дело. Тут композиция вещи сложна и запутана, и читателю было трудно следить за событиями.

Тут была мертвая ткань, которую надо было оживить дыханием литературы.

Я «причесал» эту рукопись. Но я сделал это как бы рукой самого автора. Я сохранил его язык, его стиль, его незнание литературы и собственный его характер. Это была почти что ювелирная работа.

Такого рода работы мне приходилось и раньше делать. Это всегда требовало опытной руки и особого, почти актерского умения чувствовать все свойства автора.

Итак, вот эта удивительная история жизни человека, написанная им самим, так сказать, «обведенная» моей рукой.

ДЕТСТВО

Я, Абрам Исаакович Роттенберг, родился в Тифлисе. Мне сейчас 40 лет. Мой отец служил рабочим у своего брата. Брат был богатый человек, а отец ничего не имел и почтительно величал своего младшего брата — Давид Исаакович.

А у отца было пять сыновей и две дочки. А самый старший был я.

Мать отдала меня в еврейское благотворительное общество, где учили бесплатно. Это было в своем роде шикарное училище, где давали ученикам на завтрак пирожки, кипяченое молоко и булки.

А когда я приходил домой, то дома часто не было никакой еды.

Мой отец, игрок по натуре, все дни проводил за домино и вдребезги проигрывался. А у матери были мелкие детишки, и ей было тяжело жить, и временами даже она страдала от такой жизни.

А брат отца, т. е. мой дядя, не знал никаких лишений и забот, и его дети ежедневно жрали виноград и яблоки.

Я только смотрел и облизывался.

Тогда, чувствуя себя обиженным судьбой, я стал в школе таскать книги и учебники и продавал их букинисту.

А на эти деньги покупал себе лакомства. И, делая так, я думал: я свое возьму.

Но меня заметили в этом некрасивом деле. И вот позвали мою мать и сказали ей:

— Нехорошими делами занимается ваш сын. Возьмите его из нашей школы.

После этого отец бил меня палкой, а мать кричала: «Он больше не будет».

И вот я перестал ходить в школу. И я стал ходить по базарам. И видел там все, что можно было видеть: и как занимаются аферами, и как продают краденые вещи, и что делают люди, чтобы себе заработать на пропитание и на лучшую жизнь, чем они имели.

ПЕРВЫЕ АФЕРЫ

И вот тогда, мальчишкой лет 14, я пошел по торной дорожке.

Там, на базаре, я сблизился с одним человеком. Его звали Акоп. Он мне дал позолоченные часы и такой же браслет и велел это продать,

как будто это было краденое. А сам он сделал вид, что он тоже хочет это купить, но торгуется. А какой-то жадный болван, увидев это, купил у меня часы и был очень рад.

После этой удачи мне стали поручать такие же аферы. И я это делал, но в награду получал пустяки. И мне говорили: молчи, или мы тебя побьем, а то и попросту умертвим. Один раз меня арестовали, но, зная дядину фирму, никто не поверил, что я занимаюсь такими делами. А мировой судья, князь Церетели, кажется, поверил, но посмеялся надо мной, говоря, что я такой маленький и уже так нахально и смело обманываю людей. И тогда меня отпустили.

Но потом меня вскоре поймали за другое дело.

Я одному полковнику продал «золотые» часы за сорок рублей. А он мне сказал: «Если будет еще — приноси всякий раз».

Но когда увидел, что это за часы, ужасно рассердился и заявил в полицию.

И вот тогда меня поймали и дали полтора месяца тюремного заключения.

Отец не ходил ко мне на свидания, а мать ходила. Она меня очень любила и страдала, что я сижу.

А когда меня выпустили, случилось так, что я сразу опять попался на этом деле. Мне дали опять полтора месяца.

А когда по выходе в третий раз попался, — меня по закону как рецидивиста отвели в окружной суд.

И там мне дали шесть месяцев тюрьмы. Я думал, что мне не повезло, что я так часто попадаюсь, но мне сказали — это нормальное явление.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

А я был очень расторопный и всегда многим нравился, и меня в тюрьме взяли в аптеку — разносить лекарства.

А когда я разносил по камерам лекарства, я познакомился с одной интересной девушкой, красавицей.

Она там же в тюрьме сидела по таким же приблизительно делам, как и я.

Она была воровкой. Она работала по магазинам. Она была «городушница».

Она в меня влюбилась с первого взгляда. И написала мне записку о своей любви.

Она была казачка. Из Кубани. Ее звали Мария Корниенко. И она была так хороша собой, что все на нее глядели и все удивлялись, какие бывают женщины.

А у нас завязался роман, но мне оставалось сроку до выхода месяца, а ей — четыре месяца.

И мы с ней условились, что я буду ее ожидать во что бы то ни стало.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

ЧЁРНЫЙ ПРИНЦ

1. КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ

В середине прошлого столетия (1854—1856 гг.) происходила так называемая Восточная война.

Эту войну начала николаевская Россия против Турции. Николай Первый (торжественно говорилось в истории) выступил в защиту христианских народов в Турции. Он выступил в защиту православной церкви в Палестине. Это была борьба за «святые места».

Но тут случилась, так сказать, сильная историческая неувязка. «Христианские народы», за интересы которых ратовал Николай, неожиданно выступили в защиту Турции, а не России. И тем самым обнаружилась истинная подкладка всего дела.

Это была борьба за свое влияние в Турции, это была борьба за еще более святые места — за торговые рынки и за положение на Черном море — за Дарданеллы.

В общем, в борьбе за эти «святые места» против России выступили: Франция, Англия и Италия (Сардинское королевство).

Это была бессмысленная и для всех несчастная война. У русских было убито, ранено и искалечено двести тысяч бойцов. А французские и английские войска только в течение одного дня, во время штурма Севастополя, потеряли десять тысяч человек.

Почти все военные операции сосредоточены были в Крыму. И эти военные действия названы были Крымской кампанией.

Союзники заняли Евпаторию и Балаклаву. И осадили Севастополь.

2. ПРОТИВНИКИ

Эта несчастная война отчасти показала миру, что такое представляла собой николаевская Россия.

За всем поверхностным блеском, за ура-патриотическим криком газет и за палочной муштрой таилась слабость николаевского режима, бездарность начальников и неуверенность их в своих действиях.

Главкомандующим русской армией в Крыму был назначен бывший генерал-губернатор Финляндии — хилый и придурковатый старик, светлейший князь Меншиков.

И хотя это не имеет прямого отношения к нашему рассказу, тем не менее мы не можем отказать себе в удовольствии сообщить о нем несколько слов.

Знаменитый хирург Пирогов, приехавший в севастопольский госпиталь, весьма красочно описал эту историческую личность. Этот главкомандующий Меншиков по прибытии в Севастополь нарочно выбрал себе вместо приличного помещения какую-то жалкую лачугу. И когда Пирогов зашел к нему представляться, то главкомандующий встретил его, как-то странно хихикая, и, не скрывая своего удовольствия, показал рукой на жалкий скарб — дескать, вот он, главкомандующий и светлейший князь, живет среди такой ужасной бедности. Но ничего, дескать, не поделаешь — война.

А так как главкомандующий выбрал себе это помещение отнюдь не от скромности и не в силу привычки жить бедно или умеренно, то за этим хихиканьем было ханжество, глупость и шутовство.

Вот в каких жалких сиятельных руках была русская армия.

Что же касается техники, то тут Россия стояла на исключительно низком месте. Войска имели устаревшие берданки, в то время как союзная армия была вооружена нарезными ружьями — штуцерами.

Что же касается флота, то несколько наших парусных кораблей не осмеливались даже показать в море своего носа, так как у крымских берегов плавали быстроходные и прекрасно вооруженные английские фрегаты. Черное море было полностью в руках союзников. Огромный их флот находился вблизи Севастополя. А в те дни, о которых идет речь, только у Балаклавы скопилось свыше тридцати различных судов.

Этот маленький заштатный приморский городок Балаклава во время осады Севастополя играл крупную роль. Он был укреплен, и там были сосредоточены военные припасы и склады союзников. Там же находилась главная квартира английского командования. В балаклавскую гавань ежедневно прибывали суда из Франции и Англии.

3. ПЕРВЫЙ РЕЙС

И вот в ноябре 1854 года в Балаклаву прибыл с ценным грузом новый английский пароход «Принц». Он привез для армии теплую одежду, медикаменты и, как говорят, тридцать бочонков золота в английской и турецкой валюте на сумму свыше двух миллионов рублей для уплаты жалованья войскам.

Прибывший «Принц» был новенький, только что построенный трехмачтовый винтовой пароход. Это была краса и гордость англий-

ского флота. Он имел около трех тысяч тонн водоизмещения и был оборудован по последнему слову техники.

Он с честью выполнил свой первый рейс. И утром 8 ноября подошел к Балаклаве.

Однако прибытие его в Балаклаву сразу же омрачилось неудачей.

Дело в том, что балаклавская бухта весьма длинная и узкая, и гавань ее не приспособлена для приемки многих судов. По этой причине большинство кораблей, дожидаясь своей очереди, останавливалось на рейде у входа в бухту.

То же самое сделал и «Принц». Он подошел к устью балаклавской бухты и отдал якоря.

Но тут случилось непредвиденное происшествие, которое мы просим запомнить ввиду его исключительной важности для дальнейшей судьбы «Принца».

Первый отданный якорь вместе с канатом неожиданно ушел в воду.

Тогда тотчас отдали другой якорь, но и этот якорь тоже моментально был потерян в воде. В общем, в течение пяти минут пароход потерял оба своих якоря на глубине примерно тридцати пяти саженей.

Совершенно очевидно, что ни один из канатов не был приклепан к барабану, на который навертывался канат.

Так или иначе, английская книга «Последняя кампания», изданная в 1857 году, говоря об этом случае с «Принцем», добавляет, что такая потеря якоря — «это очень обыкновенная вещь на вновь построенных кораблях, поспешно приготовленных для выхода в море».

4. НА РЕЙДЕ

После потери двух якорей «Принц» ушел дальше в море и временно пришвартовался к корме корабля «Эвон».

И тогда капитан Христи в сопровождении лейтенанта королевского флота Хитченсона отправился к начальнику порта капитану Декру с сообщением, что «Принц» потерял свои якоря и нельзя ли поэтому им тотчас войти в гавань.

Однако капитан Декр отказал в этом. Он сослался на то, что гавань слишком забита кораблями и пока тут нет места для стоянки «Принца».

Тогда (как сообщает «Последняя кампания») капитан Христи указал на место, где он мог бы поставить свой пароход. Но капитан Декр категорически отказался от этого. Он сказал, что свыше тридцати кораблей ждут своей очереди у входа в бухту. И что порт даст «Принцу» новый якорь, с тем чтобы пароход пока оставался в море.

10 ноября в Балаклаву прибыл генерал-квартирмейстер и приказал срочно начать разгрузку «Принца», так как прибывший груз был сейчас крайне необходим для войны.

Однако начальник порта Декр сказал, что разгрузка сейчас невозможна ввиду сильного волнения, но в ближайшие дни это произойдет, или же он примет «Принца» в гавань.

11 ноября капитан «Принца» Христи снова явился к начальнику порта и настойчиво просил войти в гавань, так как, по его мнению, было рискованно оставаться в море на одном якоре.

Тогда капитан Декр резко сказал: «Вас ожидает судьба капитана «Резолют» господина Левиса, которого я вчера арестовал за слишком настойчивое домогательство войти в гавань. Я вам заявляю: «Принц» останется в море до тех пор, пока не выйдет из гавани пароход «Виктория»».

Эти слова капитана Декра неожиданно оправдались. «Виктория» из гавани не вышла. Она во время шторма затонула в бухте, столкнувшись с французским кораблем «Эвон». И «Принц» остался в море навсегда.

5. СТРАШНЫЙ УРАГАН

В полдень 11 ноября погода резко изменилась. Подул свежий юго-западный ветер, небо покрылось низкими тучами, и на море поднялось сильное волнение.

12 ноября ветер и волнение усилились. И все корабли, стоявшие на рейде, принуждены были отдать оба якоря и вытравить свыше ста сажень каната.

И так как «Принц» имел один якорь, то он поднял пары и этим уравновешивал свою стоянку.

13 ноября ветер не уменьшался. Барометр падал, и можно было ожидать значительного шторма. И находившиеся на рейде корабли стали готовиться к этому.

Несколько же кораблей, предвидя жестокий шторм, ушло в открытое море, чтобы не быть вблизи скал балаклавской бухты.

Но вот на рассвете 14 ноября барометр упал с такой невиданной быстротой, что это многих привело в замешательство.

В семь часов утра хлынул сильнейший дождь, ударила молния, и юго-восточный ветер с неслышанной силой пронесся над Балаклавой.

Этот порыв ветра сорвал крыши со многих домов и опрокинул почти все лагерные палатки.

Яростный шквал начал трепать корабли, находившиеся в море.

Ветер стал усиливаться еще больше, и он усиливался до тех пор, пока не превратился в ураган такой огромной силы, что на море поднялся невообразимый хаос. Пенящиеся столбы воды поднимались к небу. И водяной смерч крутил корабли, которые героически боролись против чудовищной силы. Казалось, что уже ни для кого не было спасения, и корабли один за другим стали терпеть бедствия.

Но вот к девяти часам утра неожиданно наступило затишье. Ветер стих. И волнение на море стало слегка ослабевать. И всем показалось, что ужасное испытание кончилось.

Но вдруг в начале десятого часа слабый южный ветер перешел в восточный. И опять, как и в первый раз, ветер этот стал усиливаться и снова превратился в ураган.

«Был такой ураган, которого никогда не видели в Англии», — сообщает очевидец катастрофы.

Снова на море поднялся невообразимый хаос.

И тут вся масса кораблей, загнанная прежним ветром к северу, неудержимо понеслась к скалам. Причем ветер и волны были такой неслыханной силы, что ни о каком сопротивлении не могло быть и речи.

И вот около тридцати судов разных конструкций — от маленьких парусных кораблей до огромных и мощных транспортов — почти одновременно очутились на краю гибели.

6. ГИБЕЛЬ ЭСКАДРЫ

Огромные и отвесные скалы окружали внешний рейд. Тут, в этом месте, нигде не имелось отлогого берега, куда в крайнем случае можно было бы выброситься.

И тогда, увидя это, некоторые из кораблей в своем стремительном ходе пытались как-нибудь проскочить в узкое горло бухты, с тем чтобы избежать скал. Но никому из них не удалось это сделать.

Впрочем, один французский корабль — «Эвон» — сумел проскочить в бухту, но он тут же столкнулся с пароходом «Виктория». И удар был так велик, что оба эти судна почти сразу затонули.

Все другие попытки проскочить в бухту не увенчались успехом. И эти корабли с мужественными капитанами погибли наравне с теми кораблями, которые без сопротивления отдались на волю ветра.

Итак, все тридцать кораблей один за другим стали разбиваться о скалы. И это был исключительный и беспримерный случай во всей истории мореплавания.

Одна английская газета того времени, сообщая о гибели флота в Балаклаве, уклончиво говорит: «Агенты адмиралтейства нуждались в благоразумии и в познаниях».

Вероятно, эти слова следует понять в том смысле, что английское командование допустило громадную ошибку, приказывая приходящим судам останавливаться вблизи балаклавских скал. Впрочем, вероятно, во время войны нельзя было учитывать все правила морского дела.

Так или иначе, тридцать кораблей почти со всеми людьми погибли в течение менее чем одного часа.

И вместе с этими кораблями, пятым по счету, погиб пароход «Принц». И гибель этого великолепного парохода была еще более ужасна.

Сейчас почти в точности можно восстановить картину этой гибели.

Несмотря на то что «Принц» поднял пары в полную силу, он один из первых стал дрейфовать, так как у него был всего один якорь. И он один из первых стал приближаться к скалам. В этот опасный момент команда принялась рубить мачты.

И тогда капитан парохода пытался взять направление в бухту, с тем чтобы проскочить в нее. И он сумел уже повернуть пароход так, как это следовало. Но в этот момент упала срубленная бизань-мачта, и обломки ее повисли за кормой. И тут оказалось, что такелаж этой мачты запутался в винте и остановил его вращение. И тогда судьба «Принца» была решена.

С огромной быстротой он приблизился к скалам и после трех ударов о скалы затонул.

Первый удар (по рассказам того времени) был сравнительно слабый, и мощный корабль, казалось, противостоит этому. Но после первого удара корабль поднялся на вершину гигантской волны и с колоссальной силой ударился боком об отвесные камни.

И после этого в течение нескольких минут все было кончено.

Еще раз разбитый «Принц» был приподнят на гребень волны и снова был брошен о скалы. После чего он, распавшись на куски, скрылся в волнах, по-видимому около самого входа в бухту.

Вместе с «Принцем» погибло сто пятьдесят человек команды.

Только троим удалось спастись. И то трудно представить, каким образом им это удалось. Скалы были так отвесны, что тут не было возможности выбраться на берег. По всей вероятности, эти моряки выбросились в море не в том месте, где разбился корабль, и не тогда, когда он разбивался, а значительно ранее, при первом движении корабля к скалам.

В старинной печати есть указание, что моряки с «Принца», оставшиеся в живых, спаслись, привязав себя к спасательным ракетам.

7. СОКРОВИЩА ПОГИБШЕГО КОРАБЛЯ

Итак, примерно к десяти часам утра все было кончено — разбитый «Принц» со своим золотом и ценным грузом лежал на дне.

Еще несколько часов после этого ураган свирепствовал на море. И хотя в полдень ветер переменился, однако буря не унималась. Стало холодно. Пошел мокрый снег. И снежная буря продолжалась до вечера.

Но к вечеру почти все стихло.

А утром на другой день море было спокойно. Ветра не было. Сияло солнце. И казалось, что тут ничего не произошло. В то время как тут вчера разыгралась такая катастрофа, какая редко когда бывает... Треск ломающихся кораблей. Ужасные крики людей... Взрывы бомб и снарядов от страшных ударов о скалы... Все это заглушалось неистовым воем и гулом урагана. Трудно даже отчасти представить себе картину этой невероятной катастрофы.

Уже одно обстоятельство, что многие из кораблей при своем приближении к скалам делали попытки проскочить в очень узкое и извилистое горло бухты, — уже одно это придает катастрофе ужасный, трагический и небывалый характер.

Так или иначе, погибло тридцать кораблей почти со всеми людьми.

И гибель этих тридцати кораблей была огромным ударом для союзников.

Все иностранные газеты и журналы того времени не скрывали своей печали и огорчения. Но особенно вся печать жалела, что погиб лучший корабль английского флота — «Принц», который вез зимнюю одежду для армии, снаряжение, медикаменты и другой ценный груз.

Кстати сказать, прямого указания на гибель золота в печати того времени не было. Но это, конечно, весьма понятно, — это, по-видимому, объяснялось военным временем и желанием скрыть и смягчить потери.

Зато все газеты, оценивая погибший груз, называли исключительно высокие суммы — до пяти и шести миллионов рублей. И это уже одно многое говорило.

Вся же дальнейшая печать (в особенности печать конца прошлого столетия и начала нашего) полна сообщениями о погибшем золоте.

И даже все официальные справочники, энциклопедии, морские сборники, путеводители по Крыму и книги по Крымской войне, почти все они сообщали о гибели «Принца» с грузом золота, которое было привезено для уплаты жалованья английским войскам.

Однако какая именно сумма погибла, никто в точности не указывал.

Например, Большая энциклопедия изд. «Просвещение» сообщает, что «бочонки с золотом на огромную сумму пошли ко дну вместе с пароходом».

Сборник «Русское судоходство» (за 1896 г.) пишет, что «корабль вез, как известно, двести тысяч фунтов стерлингов».

Журнал «Природа и люди» (1911) говорит, что «на этом корабле было до десяти миллионов рублей одной золотой монеты».

«Путеводитель по Крыму» (1903) указывает, что золота было в двадцати бочонках на сумму около пяти миллионов.

Во всяком случае, этот разнобой в цифрах говорит за то, что подлинная сумма никому в точности не была известна.

Однако признавалось, что наиболее правильная цифра указана в английской книге «Крымская война» (1877). Там было сказано, что «Принц» вез пятьсот тысяч фунтов стерлингов и теплую одежду.

Вот эта сумма в пять миллионов рублей золотом и была, так сказать, закреплена за погибшим «Принцем».

8. «ЧЁРНЫЙ ПРИНЦ»

И вот через несколько лет после Крымской войны начались поиски этого золота.

Кажется, все народы — итальянцы, французы, немцы, норвежцы и американцы — пробовали свои силы в этом деле.

Однако водолазные работы в то время стояли на очень низкой ступени. Глубоководные спуски были почти не по силам. Специальные ныряльщики не могли находиться под водой более одной-двух минут. А специальный водолазный колокол, в котором опускали сидящего там водолаза-наблюдателя, также не позволял сколько-нибудь нормально работать под водой.

И нет ничего удивительного, что при такой водолазной технике поиски золота не увенчались успехом.

Однако после того как появился первый водолазный костюм (скафандр), начались более энергичные поиски «Принца».

В 1875 году во Франции было даже учреждено большое акционерное общество по подъему «Принца». Причем это акционерное общество на паях обладало весьма, по тем временам, значительным капиталом.

Но результаты не вознаградили огромных денежных затрат. Французские водолазы отыскивали свыше десяти затонувших и разбитых кораблей, однако среди них не оказался «Принца», на которого рассчитывали акционеры.

Эта неудача объяснялась огромными трудностями водолазного дела. Корабль искали на глубине тридцати-сорока саженей. А эта глубина в то время была, так сказать, не освоена водолазами, и, по рассказам того времени, когда водолазов поднимали из воды, у них кровь капала из глаз и ушей и даже просачивалась сквозь кожу груди и рук.

Естественно, что при таких условиях поиски золота ни к чему не привели.

Тем временем вокруг «Принца» стали расти слухи и стали создаваться легенды.

Сумма погибшего золота постепенно возростала и дошла наконец до шестидесяти миллионов.

Эта цифра, кстати сказать, указана писателем А. Куприным. Он был в Балаклаве в то время, когда итальянская экспедиция разыскивала затонувший корабль. И писатель в своих «Листригонах» указывает,

что «погибшее золото достигало огромной суммы — шестидесяти миллионов рублей звонким английским золотом».

Но эти строчки были уже из области беллетристики, так как для этого купринского золота, по подсчету специалистов, потребовалось бы около тысячи трехведерных бочонков, что вряд ли было возможно для перегруженного «Принца».

В общем, вокруг «Принца» стали создаваться сказки и легенды. И сам «Принц» неожиданно стал называться «Черным принцем».

Это романтическое наименование вошло почти во все официальные бумаги, путеводители и справочники.

Мы не знаем, как именно возникло это наименование. Возможно, что кто-нибудь из предпринимателей, в раздражении от неудач, назвал его черным кораблем. Тем более, что дубовые обломки затонувших кораблей были черны от времени, это был «мореный дуб». Но, может быть, это имя дали ему в честь исторического героя — принца Уэльского, который жил в XIV веке и назывался «Черным» по цвету своего рыцарского вооружения. Этот принц умер ранее своего отца, и он не царствовал. Он умер от меланхолии и от несчастий, которые преследовали его в последние годы жизни. И в истории он известен под именем «Черного принца».

Так или иначе, погибший корабль получил такое же печальное и трагическое наименование — «Черный принц».

9. ИТАЛЬЯНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Однако неудачи не всех обескуражили. В 1901 году в Балаклаву прибыла новая иностранная экспедиция под руководством изобретателя подводного аппарата инженера Джузеппе Рестуччи. Это была итальянская экспедиция. Она работала в Балаклаве около года. И мы на этой работе должны немного остановиться, так как это имеет значение для дальнейшего.

Впрочем, несмотря на то, что после этих работ прошло всего тридцать пять лет, оказалось, что весьма трудно восстановить сейчас некоторые подробности, связанные с этими работами.

Тридцать пять лет — это огромный срок в человеческой жизни. За этот срок почти полностью меняется, так сказать, «личный состав людей». И те немногочисленные свидетели, которые были в 1901 году в сознательном возрасте и которые сейчас могли бы рассказать об этих работах, стали забывчивы и склонны к фантазиям.

Во всяком случае, показания этих живых свидетелей не совпадают. И даже место работ над «Черным принцем» сейчас не удастся в полной точности установить. Впрочем, большинство указывает, что итальянцы начали тралить в двадцати саженях от Белых Камней. И что «Черный принц» был ими найден именно здесь, на глубине 35 сажен.

Писатель Куприн также указывает, что работы итальянцев производились возле Белых Камней.

Но то, что итальянцы отыскиали здесь на дне моря, — вот это установить сейчас оказалось чрезвычайно затруднительным.

Даже наиболее яркое происшествие в дни розыска было теперь либо позабыто, либо украшено фантазией. Речь идет о медных буквах, снятых итальянцами с найденного судна.

По рассказам некоторых свидетелей, итальянские водолазы, найдя разбитый и засосанный песком корабль, сняли с его кормы металлические буквы — остаток названия корабля. И что, найдя эти буквы, итальянцы устроили торжественный обед, так как эти буквы будто бы в точности устанавливали, что найден именно «Черный принц».

Однако один из живых свидетелей, сева­стопольский житель П. И. Григорьев, сообщает (в 1927 году), что никаких букв не было найдено. Он, дескать, присутствовал при этих работах и ежедневно перевозил итальянцев на своем ялике и, несомненно, знал бы об этой важной находке. Он подтверждает, что итальянцы однажды устроили торжественный обед в честь найденного «Черного принца», но это не было в связи с буквами.

Другой очевидец, К. М. Иванов, бывший в то время командиром пограничного отряда в Балаклаве, утверждает, что буквы были медные, размером до пяти вершков вышины. И он видел эти буквы. Сначала найдена была одна буква, а затем еще три. Но какие именно буквы — он не помнит. Этим словам можно было бы вполне поверить. Навряд ли человек стал бы до такой степени фантазировать. Однако имеется еще одно показание, которое подвергает сомнению всю историю с четырьмя буквами.

Речь идет об очерке Куприна «Листригоны». Писатель сообщает, что были найдены четыре буквы: ...ck Pг..., то есть буквы от английского названия: «Black Prince» — «Черный принц». Но так как «Черный принц» получил свое название только в легенде и корабль назывался на самом деле просто «Принц», без эпитета «Черный», то вся эта история с буквами ничего дельного не говорит.

10. ПОИСКИ

Впрочем, можно допустить, что итальянцы нашли какое-нибудь доказательство, которое подтвердило правильность их поисков. Тем более, что все свидетели почему-то ярко запомнили праздничный обед в честь найденного корабля.

«Была на барже (сообщает один из очевидцев) устроена легкая закуска и выпивка, и вечером вся команда итальянцев расхаживала по берегу навеселе».

Исторического факта этой выпивки мы, конечно, опровергать не будем, но что касается букв, то это нельзя считать установленным.

Даже если буквы и были найдены, то еще неизвестно, принадлежали ли они к названию «Принца».

Из найденных итальянскими водолазами вещей особенно всех взволновал очень тяжелый, запаянный металлический ящик 3/4 на 1/2 аршина. Огромный вес этого ящика говорил за то, что там могло быть золото. Этот ящик был вскрыт с большим трепетом. Но оказалось, что в ящике были свинцовые, сильно сплюснутые пули.

Кроме этого ящика, были найдены: подзорная труба, куски железа, разломанная винтовка, деревянные части корабля, якоря и прочие мелкие части разбитого судового набора.

Все это итальянцы грузили в трюм своего парохода.

Особенно интересных и ценных находок не было. Возможно, и даже скорее всего, это объясняется необычайно трудными условиями работы. Водолаза поднимали из воды страшно изможденного, покрытого испариной. Он дышал тяжело и был близок к обморочному состоянию. Так что это была скорее пытка водой, чем сколько-нибудь нормальная работа водолаза.

Водолазный аппарат был тяжел и крайне неудобен. Передвигаться на дне было нельзя. И по данному сигналу водолаза при помощи тросов передвигали с места на место. Причем вся подводная работа производилась лежа на животе.

Вот как описывается этот варварский аппарат в «Листригонах»: «Это был страшный футляр, отдаленно напоминающий человеческую фигуру без головы и без рук. Футляр сделан из толстой красной меди и покрыт снаружи голубой эмалью. Этот футляр раскрыли, как гигантский портсигар... Водолаз боком втиснулся в него... Снаружи свободными оставались только руки, все тело вместе с неподвижными ногами было заключено в сплошной голубой эмалевый гроб громадной тяжести. Голубой шар с тремя стеклами скрывал голову»...

Этот дьявольский снаряд господина Рестуччи опускали на дно, на глубину сорока саженей. Подъем и спуск продолжался по полтора часа.

В общем, при таких условиях работать на дне было почти невыносимо. И нет ничего удивительного, что итальянская экспедиция не могла найти золото, даже если бы оно там лежало на видном месте.

Так или иначе, весной 1903 года итальянский пароход, груженный незначительным мусором, отбыл из Балаклавы.

Тайна «Черного принца» не была раскрыта, и снова возникла твердая уверенность, что найденный итальянцами корабль не был «Принцем». И это предположение через несколько лет подтвердилось.

Тот же господин Рестуччи снова прибыл в Балаклаву в 1905 году, признав, что прежние его поиски неправильны.

И он снова нашел какой-то пароход, о котором он писал в донесении: «Я наконец отыскал пароход, по-видимому «Черный принц», так как на его борту я нашел целый арсенал орудий, пушек и т. д... Приступаю к работе...»

Однако золота на этом пароходе не было, да и был ли это «Черный принц», тоже оставалось под большим сомнением, так как никаких особых доказательств не удалось обнаружить.

В общем, инженеру Рестуччи и во второй раз не посчастливилось раскрыть тайну «Черного принца».

11. ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

После отъезда итальянской экспедиции в министерство торговли и промышленности буквально посыпались всякого сорта заявления с просьбой предоставить право на розыски «Черного принца».

Мысль, что несколько миллионов золота лежат где-то под рукой, не давала покоя многим инженерам, изобретателям и авантюристам.

Но заграничные дельцы постарались «обскакать» русских предпринимателей. Особенно с бурной стороны проявил себя некто Герман Молво.

Этот Молво был, по его словам, представителем в России «Генуэзского общества для подъемов и работ на больших глубинах воды».

Этот энергичный человек (судя по архивным материалам) сумел перешагнуть все бюрократические трудности и, несмотря на громадные мытарства, ухитрился достать разрешение на подъем «Черного принца».

Что трудности были велики, можно судить хотя бы по такой резолюции, которая была поставлена на прошении главноуправляющим торговым мореплаванием великим князем Александром Михайловичем: «Работы по подъему затонувшего корабля могут стеснить деятельность Черноморской эскадры и плавание судов вообще, ввиду чего отказать просителю».

И вот, несмотря на такие трудности и несмотря на целый ряд отечественных просителей, иностранец Герман Молво, взволнованный золотой лихорадкой, пробился сквозь все преграды и приступил к работам.

Он в течение трех лет рыскал по балаклавской бухте и, не найдя злополучного парохода, умер, так сказать, естественной смертью. Но род его не угас.

Достойный его сын и наследник Фридрих Молво не уронил знамени этой экспедиции и продолжал идти по стопам своего отца. Но его полезная деятельность вскоре пресеклась по неожиданным обстоятельствам.

Министерство торговли и промышленности навело справку об этом представителе, и генуэзский генеральный консул ответил, что «в Генуе вообще не существует «Генуэзского общества для подъема и ра-

бот на больших глубинах воды», а потому никакого агента в России не должно быть».

На этом частная экспедиция Молво прекратила свое существование, к радости всех наших отечественных дельцов, которые стали уже более энергично требовать разрешения на розыск «Черного принца».

Некоторые предприниматели, буруеваемые жадной разбогатеть, спекулировали на патриотических чувствах. Некто горный инженер Рудников писал в своем заявлении: «Я, русский по происхождению и русский подданный, живу и жил всегда в России, а потому в случае извлечения золота эти деньги останутся в России, и ими будут пользоваться и другие русские люди, а не я только один».

Другой предприниматель, «потомственный дворянин Друганов», не зная, как уж ему подольститься ко вкусам министерства, писал в прошении в таком квасном стиле: «Я не собираюсь привлекать иностранные фирмы, а равно пользоваться заграничными приспособлениями, а буду работать только отечественными средствами и только русскими людьми...»

Некто А. Черкасов писал в заявлении: «Имею честь предложить вам изобретенный мною способ поднятия грузов со дна моря... Прошу исходатайствовать мне рублей триста денег на постройку модели и на проезд взад и вперед от Ташкента до С.-Петербурга».

Другой гражданин, служащий Рязанско-Уральской железной дороги Ф. Григорович, пишет в министерство: «В настоящий век каждый сознает, что деньги нужны всем и всюду. И я надеюсь, что и наше правительство не замедлит использовать таковую сумму, если только окажется возможным ее достать. Но в этой преграде я чувствую себя способным оказать свои услуги в подъемке парохода. Я надеюсь поднять пароход в течение одного месяца при затрате не более трех тысяч рублей. Моя идея для вас кажется сказочной или бредом больного, но я надеюсь оправдать свои слова, когда меня допустят к делу».

Перед нами еще целый десяток любопытных заявлений и просьб, но мы ограничимся этим, поскольку картина и без того получается довольно ясная.

Министерство промышленности не знало, кому отдать предпочтение, и по этой причине складывало все эти прошения в стол. И золотая лихорадка, которая многих трепала, переносилась, так сказать, в стадии внутреннего заболевания.

Изобретатели, инженеры, дельцы и авантюристы в течение нескольких лет обивали пороги министерства. Но вот наконец чиновники из министерства нашли прекрасный выход — кому дать разрешение. Решили предложить конкурентам обозначить размер долевого отчисления в пользу казны. И кто укажет больший процент отчисления, тот и получит право на подъем сомнительного клада.

Но так как на все эти предварительные процедуры ушло весьма много времени, то ничего путного из этой идеи не получилось, тем более, что вскоре разразилась европейская война, которая надолго прервала золотую лихорадку.

12. СОВЕТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Война и революция надолго отвлекли внимание от «Черного принца». Но в 1922 году один из ныряльщиков-любителей достал со дна моря несколько золотых монет, и тогда снова о «Принце» заговорили с удвоенной энергией. Мировая общественность снова заинтересовалась английским золотом, лежащим на дне моря. В германской печати появилось язвительное сообщение, что золото «Черного принца» если и не было найдено, то исключительно из-за некультурности и отсталости России. И что страна никуда не годится, если у нее на дне моря лежат позабытых пять миллионов.

В это время один феодосийский фельдшер, некто Томп, желая принести пользу государству, подал в военный комиссариат заявление, в котором указал, что на дне Черного моря лежит шестьдесят миллионов в золотых дукатах. Фельдшер указал (без знания дела), что «Черный принц» лежит там, где его искали итальянцы, — в самой бухте (!) и что следует устроить дамбу у входа и выкачать воду из бухты, понизив уровень воды на десять саженей. За этот фантастический проект фельдшер просил устроить его на краткосрочные курсы в университет с предоставлением ему пособия.

Не знаем, закончил ли фельдшер свою учебу, но «Черный принц», согласно письменному указанию, не разыскивался.

Однако примерно в это же время (1923) некто В. С. Языков явился в ОГПУ республики и просил предоставить ему помощь, чтобы достать золото с «Черного принца». В. С. Языков принес с собой целую папку бумаг и документов, в которых излагалась история гибели «Принца» и подтверждалась отправка золота. Причем указывалось, что золота было на сумму пятьсот тысяч английских фунтов.

В марте 1923 года было решено организовать небольшую экспедицию для этой цели. И хотя считалось недоказанным нахождение ценностей на «Черном принце», тем не менее было решено приступить к подводным работам для поисков легендарного золота.

Помимо конкретной своей задачи, эта экспедиция могла быть полезна на Черном море во многих отношениях. В каждом порту Черного моря было целое подводное кладбище затонувших и затопленных кораблей. Для водолазов здесь было немало работы. Впрочем, в момент организации экспедиции это, видимо, не принималось в расчет, и основная задача была поставлена: найти затонувшее золото.

Тем более интересно и поучительно проследить, как советская экспедиция, отправившаяся за сказочным золотом, постепенно отбрасы-

вала романтику и шаг за шагом становилась на путь реальных возможностей.

И когда наконец надежда найти золото стала отдаляться, экспедиция не только не погибла, но, наоборот, все более и более стала крепнуть и стала завоевывать те новые позиции, которые в дальнейшем создали экспедиции столь славное имя: Эпрон.

Но не будем забегать вперед. Скажем только, что в марте 1923 года была организована экспедиция особого назначения (Эпрон). И эта экспедиция в том же году приступила к подготовительным работам.

Решено было построить такой подводный снаряд, который можно было бы спускать на большие глубины для производства работ.

13. РАБОТА ЭПРОНА

И вот помощнику начальника Особого отдела Л. Н. Мейеру было дано распоряжение в наикратчайший срок подготовить экспедицию, с тем чтобы уже предстоящим летом начать подводные работы.

И тогда инициативная группа в составе Языкова, Карпович и инженера Даниленко приступает к делу.

Инженер Даниленко создает проект глубоководного снаряжения.

Этот снаряд — особого вида подводный колокол, в котором могут поместиться три человека. Причем снаряд может опуститься на глубину до восьмидесяти саженей. Воздух подается по шлангу. Другой шланг служит вентиляцией. Внутри снаряжения имеется электрическое освещение и телефон.

Сам же аппарат имеет особые выдвигающиеся руки с двумя пальцами. Так что находящиеся в аппарате могут управлять этими руками. И пальцы, подобно клещам, захватывают то, что требуется.

Интересно отметить, что спустя двенадцать лет (в 1935 г.) в Вашингтоне (США) производились опыты с аппаратом, весьма напоминающим этот колокол. Причем конструкция этого аппарата была доведена американцами до совершенства. Этот колокол, вернее — огромный стальной шар с окнами, назван был батисферой. Он рассчитан на глубину до семисот пятидесяти метров.

Опыты дали прекрасные результаты. Аппарат снабжен специальными прожекторами. «Руки» его — подвижные стальные шланги длиной до двух метров. К этим рукам прикреплялось до двенадцати различных инструментов, с помощью которых водолаз, не выходя из батисферы, мог выполнять самые различные работы на дне моря. Так, например, руки завязывали узлы на тросе, просверливали отверстия в металлической обшивке судна, распиливали железо и рубили дерево. Больше того, американские газеты приводили пример исключительной ловкости рук: стальные руки тасовали колоду карт и раскладывали эти карты на дне океана.

Так что, судя по всему, эту конструкцию ожидает большое будущее.

Но в тот год, о котором идет речь (1923), наша экспедиция строила более простенький аппарат. «Руки» были менее подвижны. И, конечно, о картах не могло быть и речи.

Тем не менее аппарат системы Даниленко по тому времени был исключительным и достойным всякого удивления.

Но пока строился этот снаряд, экспедиция начала подготовительную работу в Балаклаве. Несколько военных тральщиков исследовали дно и производили промеры глубин.

И вот наконец, 2 сентября, сам конструктор инженер Даниленко спускается в своем снаряде на глубину двадцать шесть саженей. Опыт блестяще удается.

В ближайшие же дни снаряд опускается на глубину девяносто пять метров и вслед за этим на сто двадцать три метра. Причем эти спуски явились рекордными не только для России, но и для заграницы.

В общем, с первых чисел сентября начинаются регулярные подводные работы. И при помощи этого снаряда тщательно исследуется все пространство дна Балаклавского залива.

Весь предполагаемый район гибели «Черного принца» был разбит на квадраты (вехами). После чего каждый квадрат тщательно осматривался при помощи этого глубоководного снаряда.

Причем считалось (ошибочно), что узнать «Принца» среди других затонувших судов не представляло труда, так как он был единственным железным винтовым пароходом.

Но тут крылась ошибка, которая многое запутала в этом деле.

Как мы в дальнейшем увидим и документально докажем, «Принц» был не единственный железный винтовой корабль.

Но пока не будем останавливаться на этом обстоятельстве.

Отметим только, что экспедиция с первых же шагов своей работы наткнулась на множество остатков разбитых кораблей. Но все это были деревянные обломки. И экспедиция не слишком задерживалась на осмотре их.

Впрочем, некоторые наиболее «интересные» части кораблей поднимались вверх.

Черноморский торговый флот чрезвычайно нуждался в морском имуществе. И такие предметы, как якоря, цепи, тросы и цветные металлы были драгоценными находками. Так что экспедиция подводных работ с первых же своих шагов невольно отвлеклась от своей прямой работы.

14. ДРУГИЕ ДЕЛА

Между тем проходило лето. Траление подводным снарядом шло успешно. Однако «Черного принца» нигде найти не могли. На дне моря находили массу деревянных кораблей. Находили тиковые мачты, рей, стеньги, якоря.

Недалеко от входа в бухту нашли даже разбитую турецкую фелугу, набитую дровами, обросшими ракушками.

Все даже и теперь, через восемьдесят лет, говорило об ужасной, потрясающей катастрофе, которая разразилась у Балаклавы. Для полноты картины не хватало только погибших людей. Но, увы, этот материал оказался самым непрочным из всех материалов, затонувших в прошлом столетии. Изредка находили обрывки шерстяных костюмов и подметки от сапог. Вот все, что осталось от погибших людей!

И так в поисках «Черного принца» прошли весна, лето и осень.

Но знаменитый пароход так и не был найден.

Однако экспедиция не растерялась от этой своей первой неудачи. И еще летом (1924), увидев, что дело затягивается, экспедиция одновременно с поисками «Черного принца» стала заниматься «другими делами».

Эти «другие дела» были: подводные работы по розыску и подъему морского имущества.

Однако балаклавская бухта в этом смысле не могла многого дать. Более интересна была севастопольская бухта, которая была буквально забита затонувшими баржами и кораблями.

Тут на дне моря лежало не менее ценностей, чем золото «Черного принца».

И вот экспедиция, учитывая это, стала постепенно производить работы по подъему этого имущества.

Экспедиция, отклонившись от своей прямой задачи, стала энергично работать и совершенствовать свою работу в севастопольской бухте. Из экспедиции по розыску золота Эпрон постепенно становился судоподъемной организацией. И это был, повторяем, реальный и правильный путь, который вывел экспедицию с романтической дороги на дорогу огромных побед и достижений.

В общем, в течение года было поднято множество мелких судов, катеров и пароходов. И в короткое время Эпрон стал приобретать большой опыт в подводных работах.

Постепенно накапливалось водозлазное имущество. Образовались значительные кадры превосходных водолазов.

При таком обороте не могло быть и речи о роспуске экспедиции, которая хотя еще и не выполнила конкретной задачи — не нашла золота, — но зато нашла и сохранила имущество на огромную сумму.

И это был удивительный факт, который показал, как правильно экспедиция умела маневрировать и перестраиваться согласно требованиям жизни и обстоятельств. Ведь легче всего было растеряться и совсем свернуть работу после неудач целого года. Но этого не случилось.

Вместе с тем «Черный принц» не был позабыт. Командование разделило экспедицию на две группы: одна, небольшая балаклавская, группа продолжала розыски «Черного принца», а перед другой, более

мощной, севастопольской, группой была поставлена новая задача — подъем больших судов и подводных лодок, затопленных интервентами в 1920 году.

15. НАХОДКА

В такой работе прошел год.

Балаклавская группа под руководством доктора Павловского продолжала обследовать дно. Но вместе с тем этой группе было поручено подготовить новые кадры подводных работников.

И вот доктор Павловский лично производил занятия с молодыми водолазами.

В ноябре 1925 года во время этих занятий водолазы подняли со дна моря какой-то огромный, с чугунными дверцами железный ящик, который после тщательного исследования оказался паровым котлом дотопной конструкции.

Эта находка была сделана на восьмисаженной глубине.

Тотчас были еще спущены водолазы, которые стали обследовать дно. Кроме этого котла, найдены были еще три разбитых котла и паропроводная дымовая труба.

Стали обследовать дальше. И вот оказалось, что тут, под обломками скал, лежал совершенно разбитый и разметанный по дну, обшитый железом паровой корабль.

Это были скорее бесформенные обломки корабля.

В хорошей форме сохранилась только часть железного корпуса с тремя иллюминаторами. Все остальное было разбито, разорвано и завалено глыбами камней. Видимо, когда-то тут рухнула огромная скала, которая и засыпала дно и разбитый корабль своими обломками.

У водолазной группы не оставалось больше сомнений. Это была найдена могила знаменитого, так долго разыскиваемого «Черного принца».

Сомнений в том, что это не был «Черный принц», ни у кого не возникало, так как считалось установленным, что на рейде (в 1854 г.), кроме «Принца», не было паровых, обшитых железом кораблей.

Эта находка была тем более поразительна, что в этом районе никогда не производилось розысков.

Эта находка произвела на всех огромное впечатление. Тотчас со всей энергией начали производить подводную работу в этом районе.

В первые же дни на месте гибели были найдены и подняты из воды: медицинская ступка, ручная граната и несколько кусков железа неопределенного назначения.

Несколько последующих дней дали еще любопытные находки: какие-то медные обручи, несколько неразорвавшихся снарядов, железный рукомойник из офицерской каюты и множество подметок с каб-

луками. Причем эти подметки обросли травой, а на многих были каменные обрастания.

Розыски эти затруднялись тем, что рухнувшая скала засыпала разбитый корабль огромными глыбами. И почти каждую вещь приходилось доставать с большим трудом.

В общем, балаклавская группа проработала здесь вплоть до декабря.

В конце декабря начались сильные штормы, и дальнейшие розыски пришлось отложить. К тому же выяснилось, что продолжать работу было рискованно, — экспедиция не могла найти новых документальных данных, подтверждавших нахождение золота на «Черном принце».

Было запрошено наше полпредство в Великобритании об английском мнении по поводу «Черного принца».

Наше полпредство ответило Эпрону, что мнения относительно ценности груза расходятся и что-либо установить сейчас крайне трудно, принимая во внимание срок, прошедший со времени этого события. Можно лишь считать установленным, что ценности были, и много вероятности за то, что значительные. Но было ли золото — это остается под вопросом.

Итак, хотя с технической точки зрения подъем «Черного принца» уже не представлял больших затруднений, тем не менее дальнейшая работа признавалась рискованной, тем более что Эпрон к тому времени затратил около ста тысяч рублей на розыски и у него не было средств для дальнейших операций. Наркомфин же вполне резонно, не имея никаких верных гарантий, отказал в дальнейших субсидиях.

Однако это не повлияло на дальнейшую судьбу «Черного принца». Напротив того, история найденного «Черного принца», как мы сейчас увидим, только начиналась.

16. ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Итак, сомнений не оставалось, — найденные развалины железного парохода принадлежали «Черному принцу».

Больших технических трудностей для производства дальнейших работ, мы повторяем, не было, но экспедиция уже истратила все отпущенные средства, и потому на самом, так сказать, интересном месте работу пришлось прекратить.

Но в это время в Москве находился представитель японской водозливной фирмы, некто Като, который и сделал предложение Главконцессскому «войти в компанию» с Эпронем для разгрузки «Черного принца». Первоначально это предложение было более обширно. Японская фирма предложила свои услуги на судоподъемные работы по всем морям СССР. (Кроме того, фирма желала получить концессии на рыбные промысла.)

Но руководители Эпрона ответили, что весь затопленный в водах СССР тоннаж судов будет поднят средствами советских организаций. Что же касается «Черного принца», то Эпрон согласен предоставить дальнейшие операции японской фирме.

А надо сказать, что это была знаменитая водолазная фирма под названием: «Синкай Когииоссио Лимитед».

Эта японская фирма отличилась и прославилась тем, что за два года до этого она успешно разгрузила английский пароход, который затонул в Средиземном море с большим грузом золота. Эта водолазная операция, по словам специалистов, действительно показала наивысший класс глубоководной работы.

Английское судно затонуло на глубине свыше сорока саженей. И японские водолазы с огромной быстротой, несмотря на чрезвычайные трудности, с большим блеском и успехом произвели эту работу и подняли из глубины Средиземного моря несколько миллионов золота.

И вот теперь представитель этой прославленной фирмы, молодой японский коммерсант Като, узнав о «Черном принце», чрезвычайно заинтересовался делом и, списавшись со своим патроном, подал заявление в Главконцесском о желании войти «в долю» с Эпронем.

И вот, как мы уже говорили, Эпрон, тщательно обсудив все дело, решил целиком предоставить японской фирме работу над «Черным принцем».

Предоставление этой работы иностранной компании считалось весьма полезным для дела, так как предстояла возможность вблизи изучить водолазную технику, которая у японцев была в то время на необычайной высоте. В то время японская водолазная техника считалась первой в мире. И в особенности водолазным специалистам было интересно ознакомиться с японской водолазной маской, в которой японцы (без скафандра) могли находиться на громадной глубине в течение семи — десяти минут. В общем, во всех отношениях это японское предложение было интересным и небезвыгодным.

Итак, первоначальные переговоры с японским представителем были вчерне закончены.

Японская фирма соглашалась оплатить Эпрону понесенные расходы в связи с поисками «Принца», и в случае удачи предположено было делить золото на тех условиях, на которых в дальнейшем договорятся обе стороны.

В общем, это были пока черновые наброски. По приезду же главы фирмы все эти вопросы должны были снова обсуждаться уже более подробно, после чего между Эпронем и японской фирмой предполагалось заключить официальный договор.

Договорившись приблизительно на этом, представитель фирмы Като просил по возможности ускорить дело, так как он находится в Москве уже полгода и его отец стал несколько недоверчиво к нему относиться и стал урезывать ему денежные переводы, поскольку он по-

терял всякую надежду на благоприятный исход переговоров относительно рыбных концессий.

Като чистосердечно добавил, что он прожил в Москве большие деньги и у него единственная надежда, что вопрос о «Черном принце» будет разрешен в благоприятном смысле, иначе он прямо не представляет себе, как он вернется домой.

17. «СИНКАЙ КОГИОССИО»

И вот в марте 1927 года из Японии прибыл в Москву директор и председатель правления этой водолазной фирмы — мистер Катаока.

Он прибыл со своим инженером и тремя водолазами.

Представителям Эпрона он заявил, что основная группа в восемнадцать человек, со всем водолажным имуществом, приедет в Москву после заключения договора. Пока же они привезли только самое необходимое для того, чтобы произвести обследование на Черном море, и для того, чтобы показать некоторые свои возможности.

Материальную сторону дела мистер Катаока в основном не стал оспаривать. Он сказал, что его, конечно, в высшей степени интересует этот вопрос и к этому он, несомненно, еще вернется, но пока он не этим занят. Он хочет сначала обследовать место гибели. И, кроме того, он желает показать русскому обществу, на какой степени совершенства находится японская водолазная техника. А уж потом можно будет заняться коммерческой стороной дела.

Катаока с гордостью сказал:

— Наша фирма тем и отличается от других фирм, что мы широко смотрим на вещи. Мелочность не в нашем характере. Мы главным образом заинтересованы, чтоб нам не подорвать наше реноме. А будет ли у нас прибыль на пять процентов больше или меньше — это не является чем-то основным и решающим. Да, конечно, в это дело мы вовлекли много японских финансовых деятелей. И они все жаждут получить свою прибыль. Но и убыток их не смутит и не доведет до отчаяния. И это тоже плюс нашей фирмы. Улыбаясь, Катаока воскликнул:

— Но не будем говорить об убытках, — мы вполне надеемся на счастливый исход дела! Поднятие золота со дна моря — это уже нам нечто знакомое по нашим прежним работам, благодаря которым мы установили свое реноме так высоко, как не смогла до нас сделать никакая другая фирма, существовавшая до нас или даже в наше время.

И тут Катаока солидно добавил:

— В довершение всего мы привезли вам рекомендательные письма о солидности нашей фирмы от двух больших японских банков и от лидера партии, сочувствующей СССР. И когда вы ознакомитесь с этими письмами, вы наглядно убедитесь в справедливости наших слов.

После этой своей маленькой речи корректный и вежливый Катаока сказал, что они желали бы возможно скорее выехать в Балаклаву,

для того чтобы без всякого промедления приступить к обследованию и показу технических возможностей.

— Наша фирма не любит ждать и сидеть сложа руки, — сказал Катаока. — А уж если пришло время работы, то мы работаем, как львы, и теряем понятие дня и ночи.

И вот в первых числах апреля группа японцев во главе с директором Катаока и представителем Като прибыла в Балаклаву.

Директор внимательно обследовал балаклавский рейд и место гибели «Черного принца». Сам Катаока не спускался в море, но его инженер и техник лично обследовали развалины корабля. После чего Катаока сообщил в Токио своим акционерам, что трудностей при разгрузке парохода будет значительно больше, чем предполагено, так как затонувший корабль находится под отвесной скалой и весь корпус его засыпан обломками скалы, среди которых имеются камни весом до шестидесяти тонн и больше. Все эти камни придется убрать, и только потом можно будет приступить к разгрузке.

18. ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Это обследование производилось на глубине всего восьми-девяти саженей, так что для показа глубоководных работ японцы специально прибыли в Севастополь, где и демонстрировали свою знаменитую маску. В этой маске (без скафандра) водолаз мог спуститься на глубину пятидесяти саженей. Причем устройство этой маски было в высшей степени оригинальное. Маска закрывала только глаза и нос водолаза. Рот же и уши оставались открытыми. Причем водолаз брал в рот какие-то небольшие шипчики, которые соединялись с маской. Весь секрет этой маски заключался в умелом и особом дыхании. Воздух качали по шлангу, и водолаз вдыхал носом и, не разжимая рта, выбрасывал его в воду.

В такой маске водолаз без всякого для себя вреда мог находиться до десяти минут на значительной глубине.

Причем поразительно было то, что подъем и спуск водолаза происходили без всяких замедлений. Японец бросался вниз головой, как ныряльщик, а не как водолаз. И вытаскивали его из воды тоже без всякой страховки на случай «кессонного заболевания».

Сама маска представляла собой толстое овальное стекло в металлическом никелированном ободке.

Директор разрешил внимательно осмотреть маску, но при этом, улыбаясь, сказал, что европейцам с этой маской делать нечего, что эти маски рассчитаны на специфику японского водолаза.

Потирая руки, Катаока с достоинством сказал:

— Европа может сколько угодно рассматривать и изучать эту маску, но воспользоваться ею не представляется возможным. Европейский водолаз не имеет нужного душевного склада. Он под водой склонен к задумчивости. И может так случиться, что, находясь на грунте, он, во-

преки необходимости, хотя бы слегка или на секунду откроет рот, и тогда его ожидает печальная участь человека, захлебнувшегося на страшной глубине. С японским же водолазом не может ничего подобного случиться. И, между нами говоря, эта маска рассчитана на него.

В общем, в Севастополе японцы демонстрировали водолазные спуски в этой знаменитой маске.

Работа была действительно изумительная.

Японский водолаз (почти голый), маленький и худенький, опоясавшись тяжелым поясом и, надев на лицо маску, бросился в воду вниз головой.

Ему была дана задача обследовать положение подводной лодки «А. Г.-2», затопленной англичанами в 1920 году. Глубина, на которой лежала лодка, доходила до тридцати саженей. Причем водолазу не сказали даже, каков тип судна.

До этого наши водолазы спускались несколько раз, но ввиду большой глубины не могли в точности установить, в каком положении была лодка.

Через пятьдесят секунд японец был на дне. Затем по данному сигналу его подняли наверх. Причем весь подъем занял полторы минуты, вместо положенных двух часов.

Итак, водолаз снова на борту. Он спокойно снял с себя маску, сбросил пояс и тотчас ушел в рубку. Тот, кто подумал, что он ушел отдохнуть и привести себя в порядок, ошибся.

Японец вскоре вернулся с листком бумаги, на котором он зарисовал корпус лодки, рубку, рули и число люков. Все было указано в полной точности.

Доктор Павловский осмотрел и выслушал этого водолаза. Никаких изменений в состоянии водолаза не было. И никаких признаков кессонного заболевания не имелось. Оказывается, правильный ритм дыхания (пять вдохов в минуту) предохранял от подводной болезни.

Это была действительно замечательная работа. Она была тем более удивительна, что такая глубина в то время нами была еще не освоена.

В этом смысле приезд японцев сыграл огромную роль, — эпроновцы многому у них научились. И даже спустя несколько лет выполнили глубоководную работу в Средиземном море, от которой отказались японцы. И в этом отношении ученики превзошли своих учителей. Английский пароход, поднятый Эпроном, лежал на глубине семидесяти саженей.

19. ДОГОВОР

После демонстрации своих сил японцы снова вернулись в Балаклаву и занялись тщательным исследованием «Черного принца».

Водолазы вынесли убеждение, что «Черный принц», помимо того, что он завален камнями, еще разбит пополам, причем средняя его

часть совершенно отсутствует. Видимо, она уничтожена прибоем и камнями. Нос же и корма, сравнительно в целом виде, находятся на грунте, причем на носу сохранилось даже несколько иллюминаторов.

При обследовании «Черного принца» водолазами было поднято несколько незначительных предметов — воздушный насос, части машины и обломки железа.

Дальнейшее исследование было прекращено вплоть до подписания договора.

Катаока сказал, что трудности по разгрузке предстоят значительные, но тем не менее он соглашается подписать договор.

— Наша фирма «Синкай Когиоссио», — сказал Катаока, — не закрывает глаза на трудности в этом деле. Больше того, мы считаем это дело весьма и весьма рискованным. Если бы средняя часть корабля находилась на месте, мы подписали бы договор с закрытыми глазами. Но нас волнует недостающая и наиболее важная часть «Принца». Где она? — мы спрашиваем друг друга. И не находим ответа. А ведь, может быть, именно там и было золото. Короче говоря, мы считаем риск в пропорции двадцать процентов за и восемьдесят против успеха. Тем не менее фирма за свой риск и страх согласна подписать договор. Далеко не в нашем характере избегать того, что связано с риском. Да, мы не хотим терять наше реноме, но зато, если мы это золото найдем, это будет нечто небывалое в этом мире. Фирма, которая то и дело поднимает золото из глубин моря! В прошлом году Средиземное море, в этом году — Черное. Одинаковость ситуации нас заставляет совершать ответственные шаги. Мы, господа, подпишем договор, понимая всю рискованность задачи.

В общем, японцы во главе с Катаока снова вернулись в Москву и занялись составлением договора.

В основном договор сводился к тому, что японская фирма, независимо от дальнейшего, уплачивает Эпрону сто десять тысяч рублей за все его предварительные работы по розыску и обследованию «Черного принца».

Причем компания принимает на себя все дальнейшие расходы. А все поднятое золото делится из расчета — шестьдесят процентов получает Эпрон и сорок процентов японская компания.

«Если же общая сумма будет превышать один миллион, то Эпрон получает пятьдесят семь с половиною процентов, а фирма сорок два с половиною процента.

Распределение поднятых ценностей должно осуществляться каждые две недели. И те предметы, кои по своей природе не могут быть делимы, должны быть по соглашению сторон проданы наивыгоднейшим образом и вырученные суммы распределены между сторонами».

Как видно, договор был составлен весьма удачно и выгодно для нас. Но вместе с тем и японская фирма в случае удачи без особого труда могла бы получить восемьсот тысяч рублей золотом, поскольку ожидалось найти два миллиона.

ПЕРЕД ВОСХОДОМ СОЛНЦА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту книгу я задумал очень давно. Сразу после того, как выпустил в свет мою «Возвращенную молодость».

Почти десять лет я собирал материалы для этой новой книги. И выжидал спокойного года, чтоб в тиши моего кабинета засесть за работу.

Но этого не случилось.

Напротив. Немецкие бомбы дважды падали вблизи моих материалов. Известкой и кирпичами был засыпан портфель, в котором находились мои рукописи. Уже пламя огня лизало их. И я поражаюсь, как случилось, что они сохранились.

Собранный материал летел со мной на самолете через немецкий фронт из окруженного Ленинграда.

Я взял с собой двадцать тяжелых тетрадей. Чтобы убавить их вес, я оторвал коленкоровые переплеты. И все же они весили около восьми килограммов из двенадцати килограммов багажа, принятого самолетом. И был момент, когда я просто горевал, что взял этот хлам вместо теплых подштанников и лишней пары сапог.

Однако любовь к литературе восторжествовала. Я примирился с моей несчастной участью.

В черном рваном портфеле я привез мои рукописи в Среднюю Азию, в благословенный отныне город Алма-Ата.

Весь год я был занят здесь писанием различных сценариев на темы, нужные в дни Великой Отечественной войны.

Привезенный же материал я держал в деревянной кушетке, на которой спал.

По временам я поднимал верх моей кушетки. Там, на фанерном дне, покоились двадцать моих тетрадей рядом с мешком сухарей, которые я заготовил по ленинградской привычке.

Я перелистывал эти тетради, горько сожалея, что не пришло время приняться за эту работу, столь, казалось, ненужную сейчас, столь отдаленную от войны, от грохота пушек и визга снарядов.

— Ничего, — говорил я сам себе, — тотчас по окончании войны я примусь за эту работу.

Я снова укладывал мои тетради на дно кушетки. И, лежа на ней, прикидывал в своем уме, когда, по-моему, может закончиться война. Выходило, что не очень скоро. Но когда — вот этого я установить не решался.

«Однако почему же не пришло время взяться за эту мою работу? — как-то подумал я. — Ведь мои материалы говорят о торжестве человеческого разума, о науке, о прогрессе сознания! Моя работа опровергает «философию» фашизма, которая говорит, что сознание приносит людям неисчислимы беды, что человеческое счастье — в возврате к варварству, к дикости, в отказе от цивилизации. Ведь об этом более интересно прочитать сейчас, чем когда-либо в дальнейшем».

В августе 1942 года я положил мои рукописи на стол и, не дожидаясь окончания войны, приступил к работе.

І. ПРОЛОГ

За доброе желание к игре
Прощается актеру исполненье.

Десять лет назад я написал мою повесть под названием «Возвращенная молодость».

Это была обыкновенная повесть, из тех, которые во множестве пишутся писателями, но к ней были приложены комментарии — этюды физиологического характера.

Эти этюды объясняли поведение героев повести и давали читателю некоторые сведения по физиологии и психологии человека.

Я не писал «Возвращенную молодость» для людей науки, тем не менее именно они отнеслись к моей работе с особым вниманием. Было много диспутов. Происходили споры. Я услышал много колкостей. Но были сказаны и приветливые слова.

Меня смутило, что ученые так серьезно и горячо со мной спорили. Значит, не я много знаю (подумал я), а наука, видимо, не в достаточной мере коснулась тех вопросов, какие я, в силу своей неопытности, имел смелость затронуть.

Так или иначе, ученые разговаривали со мной почти как с равным. И я даже стал получать повестки на заседания в Институт мозга. А Иван Петрович Павлов пригласил меня на свои «среды».

Но я, повторяю, не писал свое сочинение для науки. Это было литературное произведение, и научный материал был только лишь составной частью.

Меня всегда поражало: художник, прежде чем рисовать человеческое тело, должен в обязательном порядке изучить анатомию. Только знание этой науки избавляло художника от ошибок в изображении.

А писатель, в ведении которого больше чем человеческое тело — его психика, его сознание, — нечасто стремится к подобного рода знаниям. Я посчитал своей обязанностью кое-чему поучиться. И, поучившись, поделился этим с читателем.

Таким образом возникла «Возвращенная молодость».

Сейчас, когда прошло десять лет, я отлично вижу дефекты моей книги: она была неполной и однобокой. И, вероятно, за это меня следовало больше бранить, чем меня бранили.

Осенью 1934 года я познакомился с одним замечательным физиологом (А. Д. Сперанским).

Когда речь зашла о моей работе, этот физиолог сказал:

— Я предпочитаю ваши обычные рассказы. Но я признаю, что то, о чем вы пишете, следует писать. Изучать сознание есть дело не только ученого. Я подозреваю, что пока еще это в большей степени дело писателя, чем ученого. Я физиолог и потому не боюсь это сказать.

Я ответил ему:

— Я тоже так думаю. Область сознания, область высшей психической деятельности больше принадлежит нам, чем вам. Поведение человека можно и должно изучать с помощью собаки и ланцета. Однако у человека (и у собаки) иногда возникают «фантазии», которые необычайным образом меняют силу ощущения даже при одном и том же раздражителе. И тут иной раз нужен «разговор с собакой», для того чтобы разобраться во всей сложности ее фантазии. А «разговор с собакой» — это уже целиком наша область.

Улыбнувшись, ученый сказал:

— Вы отчасти правы. Соотношение часто не одинаково между силой раздражения и ответом, тем более в сфере ощущения. Но если вы претендуете на эту область, то именно здесь вы и встретитесь с нами.

Прошло несколько лет после этого разговора. Узнав, что я подготавливаю новую книгу, физиолог попросил меня рассказать об этой работе.

Я сказал:

— Вкратце — это книга о том, как я избавился от многих ненужных огорчений и стал счастливым.

— Это будет трактат или роман?

— Это будет литературное произведение. Наука войдет в него, как иной раз в роман входит история.

— Снова будут комментарии?

— Нет. Это будет нечто целое. Подобно тому, как пушка и снаряд могут быть одним целым.

— Стало быть, эта работа будет о вас?

— Полкниги будет занято моей особой. Не скрою от вас — меня это весьма смущает.

— Вы будете рассказывать о своей жизни?

— Нет. Хуже. Я буду говорить о вещах, о которых не совсем принято говорить в романах. Меня утешает то, что речь будет идти о моих молодых годах. Это все равно что говорить об умершем.

— До какого же возраста вы берете себя в вашу книгу?

— Примерно до тридцати лет.

— Может быть, есть резон прикинуть еще лет пятнадцать? Тогда книга будет полней — о всей вашей жизни.

— Нет, — сказал я. — С тридцати лет я стал совсем другим человеком — уже негодным в объекты моего сочинения.

— Разве произошла такая перемена?

— Это даже нельзя назвать переменной. Возникла совсем иная жизнь, вовсе непохожая на то, что было.

— Но каким образом? Это был психоанализ? Фрейд?

— Вовсе нет. Это был Павлов. Я пользовался его принципом. Это была его идея.

— А что сами вы сделали?

— Я сделал, в сущности, простую вещь: я убрал то, что мне мешало, — неверные условные рефлексы, ошибочно возникшие в моем сознании. Я уничтожил ложную связь между ними. Я разорвал «временные связи», как называл их Павлов.

— Каким образом?

В то время я не полностью продумал мои материалы и поэтому затруднился ответить на этот вопрос. Но о принципе рассказал. Правда, весьма туманно.

Задумавшись, ученый ответил:

— Пишите. Только ничего не обещайте людям.

Я сказал:

— Я буду осторожен. Я пообещаю только то, что получил сам. И только тем людям, которые имеют свойства, близкие к моим.

Рассмеявшись, ученый сказал:

— Это немного. И это правильно. Философия Толстого, например, была полезна только ему и никому больше.

Я ответил:

— Философия Толстого была религия, а не наука. Это была вера, которая ему помогла. Я же далек от религии. Я говорю не о вере и не о философской системе. Я говорю о железных формулах, проверенных великим ученым. Моя же роль скромна в этом деле: я на практике человеческой жизни проверил эти формулы и соединил то, что, казалось, не соединялось.

Я расстался с ученым и с тех пор больше его не видел. Вероятно, он решил, что я забросил мою книгу, не справившись с ней.

Но я, как уже доложено вам, выжидал спокойного года.

Этого не случилось. Очень жаль. Под грохот пушек я пишу значительно хуже. Красивость, несомненно, будет снижена. Душевные волнения поколеблют стиль. Тревоги погасят знания. Нервность воспри-

мется как торопливость. В этом усмотрится небрежность к науке, непочтительность к ученому миру...

Ученый!
Где речь неучливой увидишь мою, —
Сотри ее, я позволение даю.

Пусть просвещенный читатель простит мои прегрешения.

II. Я НЕСЧАСТЕН — И НЕ ЗНАЮ ПОЧЕМУ

О горе!
Бежать от блеска солнца
И улады искать в тюрьме,
При свете ночника

Когда я вспоминаю свои молодые годы, я поражаюсь, как много было у меня горя, ненужных тревог и тоски.

Самые чудесные юные годы были выкрашены черной краской.

В детском возрасте я ничего подобного не испытывал.

Но уже первые шаги молодого человека омрачились этой удивительной тоской, которой я не знаю сравнения.

Я стремился к людям, меня радовала жизнь, я искал друзей, любви, счастливых встреч... Но я ни в чем этом не находил себе утешения. Все тускнело в моих руках. Хандра преследовала меня на каждом шагу.

Я был несчастен, не зная почему.

Но мне было восемнадцать лет, и я нашел объяснение.

«Мир ужасен, — подумал я. — Люди пошлы. Их поступки комичны. Я не баран из этого стада».

Над письменным столом я повесил четверостишие из Софокла:

Высший дар нерожденным быть,
Если ж свет ты увидел дня —
О, обратной стезей скорей
В лоно вернись родное небытия.

Конечно, я знал, что бывают иные взгляды — радостные, даже восторженные. Но я не уважал людей, которые были способны плясать под грубую и пошлую музыку жизни. Такие люди казались мне на уровне дикарей и животных.

Все, что я видел вокруг себя, укрепляло мое воззрение.

Поэты писали грустные стихи и гордились своей тоской.

«Пришла тоска — моя владычица, моя седая госпожа», — бубнил я какие-то строчки, не помню какого автора.

Мои любимые философы почтительно отзывались о меланхолии. «Меланхолики обладают чувством возвышенного», — писал Кант.

А Аристотель считал, что «меланхолический склад души помогает глубокомыслию и сопровождает гения».

Но не только поэты и философы подбрасывали дрова в мой тусклый костер. Удивительно сказать, но в мое время грусть считалась признаком мыслящего человека. В моей среде уважались люди задумчивые, меланхоличные и даже как бы отрешенные от жизни¹.

Короче говоря, я стал считать, что пессимистический взгляд на жизнь есть единственный взгляд человека мыслящего, утонченного, рожденного в дворянской среде, из которой я был родом.

Значит, меланхолия, думал я, есть мое нормальное состояние, а тоска и некоторое отвращение к жизни — свойство моего ума. И, видимо, не только моего ума. Видимо, всякого ума, всякого сознания, которое стремится быть выше сознания животного.

Очень печально, если это так. Но это, вероятно, так. В природе побеждают грубые ткани. Торжествуют грубые чувства, примитивные мысли. Все, что истончилось, — погибает.

Так думал я в свои восемнадцать лет. И я не скрою от вас, что я так думал и значительно позже.

Но я ошибался. И теперь счастлив сообщить вам об этой моей ужасной ошибке.

Эта ошибка мне тогда чуть не стоила жизни.

Я хотел умереть, так как не видел иного исхода.

Осенью 1914 года началась мировая война, и я, бросив университет, ушел в армию, чтоб на фронте с достоинством умереть за свою страну, за свою родину.

Однако на войне я почти перестал испытывать тоску. Она бывала по временам. Но вскоре проходила. И я на войне впервые почувствовал себя почти счастливым.

Я подумал: отчего это так? И пришел к мысли, что здесь я нашел прекрасных товарищей и вот почему перестал хандрить. Это было логично.

Я служил в Мингрельском полку Кавказской гренадерской дивизии. Мы очень дружно жили. И солдаты, и офицеры. Впрочем, может быть, тогда мне так казалось.

В девятнадцать лет я был уже поручиком.

В двадцать лет — имел пять орденов и был представлен в капитаны.

Но это не означало, что я был герой. Это означало, что два года подряд я был на позициях.

Я участвовал во многих боях, был ранен, отравлен газами. Испортил сердце. Тем не менее радостное мое состояние почти не исчезало.

В начале революции я вернулся в Петроград.

Я не испытывал никакой тоски по прошлому. Напротив, я хотел увидеть новую Россию, не такую печальную, как я знал. Я хотел, чтоб

¹ Недавно, перелистывая «Дневник» В. Брюсова, я нашел такие строчки: «Хорош Ярошенко. Милый человек. Чужд жизни...»

вокруг меня были здоровые, цветущие люди, а не такие, как я сам, — склонные к хандре, меланхолии и грусти.

Никаких так называемых «социальных расхождений» я не испытывал. Тем не менее я стал по-прежнему испытывать тоску.

Я пробовал менять города и профессии. Я хотел убежать от этой моей ужасной тоски. Я чувствовал, что она меня погубит.

Я уехал в Архангельск. Потом на Ледовитый океан — в Мезень. Потом вернулся в Петроград. Уехал в Новгород, во Псков. Затем в Смоленскую губернию, в город Красный. Снова вернулся в Петроград...

Хандра следовала за мной по пятам.

За три года я переменял двенадцать городов и десять профессий.

Я был: милиционером, счетоводом, сапожником, инструктором по птицеводству, телефонистом пограничной охраны, агентом уголовного розыска, секретарем суда, делопроизводителем.

Это было не твердое шествие по жизни, это было — замешательство.

Полгода я снова провел на фронте в Красной Армии — под Нарвой и Ямбургом.

Но сердце было испорчено газами, и я должен был подумать о новой профессии.

В 1921 году я стал писать рассказы.

Моя жизнь сильно изменилась оттого, что я стал писателем. Но хандра осталась прежней. Впрочем, она все чаще стала посещать меня.

Тогда я обратился к врачам. Кроме хандры, у меня было что-то с сердцем, что-то с желудком и что-то с печенью.

Врачи взялись за меня энергично.

От трех моих болезней они стали меня лечить пилюлями и водой. Главным образом водой — вовнутрь и снаружи.

Хандру же было решено изгонять комбинированным ударом — сразу со всех четырех сторон, во фланги, в тыл и лоб — путешествиями, морскими купаниями, душем Шарко и развлечениями, столь нужными в моем молодом возрасте.

Два раза в год я стал выезжать на курорты — в Ялту, в Кисловодск, в Сочи и в другие благословенные места.

В Сочи я познакомился с одним человеком, у которого тоска была значительно больше моей. Минимум два раза в год его вынимали из петли, в которую он влезал, оттого что его мучила беспричинная тоска.

С чувством величайшего почтения я стал беседовать с этим человеком. Я предполагал увидеть мудрость, ум, переполненный знаниями, и скорбную улыбку гения, который должен уживаться на нашей бренной земле.

Ничего подобного я не увидел.

Это был недалекий человек, необразованный и даже без тени просвещения. За всю свою жизнь он прочитал не более двух книг. И, кроме денег, еды и баб, он ничем другим не интересовался.

Передо мной был самый заурядный человек, с пошлыми мыслями и с тупыми желаниями.

Я не сразу даже понял, что это так. Сначала мне показалось, что в комнате накурено или барометр упал — предвещает бурю. Как-то мне было не по себе, когда я с ним разговаривал. Потом смотрю — просто дурак. Просто дубина, с которым больше трех минут нельзя разговаривать.

Моя философская система дала трещину. Я понял, что дело не только в высоком сознании. Но в чем же тогда? Я не знал.

С величайшим смирением я отдался в руки врачей.

За два года я съел полтонны порошков и пилюль.

Я безропотно пил всякую мерзость, от которой меня тошнило.

Я позволил себя колоть, просвечивать и сажать в ванны.

Однако лечение успеха не имело. И даже вскоре дошло до того, что знакомые перестали узнавать меня на улице. Я безумно похудел. Я был как скелет, обтянутый кожей. Все время ужасно мерз. Руки у меня дрожали. А желтизна моей кожи изумляла даже врачей. Они стали подозревать, что у меня ипохондрия в такой степени, когда процедуры излишни. Нужны гипноз и клиника.

Одному из врачей удалось усыпить меня. Усыпив, он стал внушать мне, что я напрасно хандрю и тоскую, что в мире все прекрасно и нет причин для огорчения.

Два дня я чувствовал себя бодрей, потом мне стало значительно хуже, чем раньше.

Я почти перестал выходить из дому. Каждый новый день мне был в тягость.

День приходил, день уходил —
Шли годы — я их не считал,
Я, мнилось, память потерял
О переменах на земле...

Я еле передвигался по улице, задыхаясь от сердечных припадков и от болей в печени.

На курорты я перестал ездить. Вернее, я приезжал и, промаявшись там два-три дня, снова возвращался домой, еще в более страшной тоске, чем приехал.

Тогда я обратился к книгам. Я был молодым писателем. Мне было всего двадцать семь лет. Естественно, что я обратился к моим великим товарищам — к писателям, музыкантам... Я хотел узнать, не было ли чего подобного с ними. Не было ли у них тоски вроде моей. А если было, то по каким причинам это у них возникало, по их мнению. И как они поступали, чтоб этого у них не было.

И тогда я стал выписывать все, что относилось к хандре. Я стал выписывать без особого учета и мотивировок. Однако я старался брать то, что было характерно для человека, то, что повторялось в его жизни, то, что не казалось случайностью, минутным воображением, вспышкой.

Эти выписки поразили мое воображение на несколько лет.

«Я выхожу из дому, иду на улицу, тоскую и опять возвращаюсь домой. Зачем? Затем, чтоб хандрить...»

Шопен. Письма, 1830 г.

«Я не знал, куда деваться от тоски. Я сам не знал, откуда происходит эта тоска...»

Гоголь — матери. 1837 г.

«У меня бывают припадки такой хандры, что боюсь, что брошусь в море. Голубчик мой! Очень тошно...»

Некрасов — Тургеневу. 1857 г.

«Мне так худо, так страшно безнадежно худо и в теле и в духе, что я не могу жить...»

Эдгар По — Анни. 1848 г.

«Я испытываю такую угнетенность духа, какую я раньше еще не испытывал. Я напрасно боролся против влияния этой меланхолии. Я несчастен и не знаю почему...»

Эдгар По — Кеннеди. 1835 г.

«В день двадцать раз приходит мне на ум пистолет. И тогда делается при этой мысли легче...»

Некрасов — Тургеневу. 1857 г.

«Все мне опротивело. Мне кажется, я бы с наслаждением сейчас повесился, — только гордость мешает...»

Флобер. 1853 г.

«Я живу скверно, чувствую себя ужасно. Каждое утро встаю с мыслью: не лучше ли застрелиться...»

Салтыков-Щедрин — Пантелееву. 1886 г.

«К этому присоединялась такая тоска, которой нет описания. Я решительно не знал, куда девать себя, к чему прислониться...»

Гоголь — Погодину. 1840 г.

«Так все отвратительно в мире, так невыносимо... Скучно жить, говорить, писать...»

Л. Андреев. Дневник. 1919 г.

«Чувствую себя усталым, измученным до того, что чуть не плачу с утра до вечера... Раздражают лица друзей... Ежедневные обеды, сон на

одной и той же постели, собственный голос, лицо, отражение его в зеркале...»

Мопассан. Под солнцем. 1881 г.

«Повеситься или утонуть казалось мне как бы похожим на какое-то лекарство и облегчение».

Гоголь — Плетневу. 1846 г.

«Я устал, устал ото всех отношений, все люди меня утомили и все желания. Уйти куда-либо в пустыню или уснуть «последним сном»».

В. Брюсов. Дневник. 1898 г.

«Я прячу веревку, чтоб не повеситься на перекладине в моей комнате, вечером, когда остаюсь один. Я не хожу больше на охоту с ружьем, чтоб не подвергнуться искушению застрелиться. Мне кажется, что жизнь моя была глупым фарсом».

Л. Н. Толстой. 1878 г. — Л. Л. Толстой. Правда о моем отце

Целую тетрадь я заполнил подобными выписками. Они меня поразили, даже потрясли. Ведь я же не брал людей, у которых только что случилось горе, несчастье, смерть. Я взял то состояние, которое повторялось. Я взял тех людей, из которых многие сами сказали, что они не понимают, откуда у них это состояние.

Я был потрясен, озадачен. Что за страдание, которому подвержены люди? Откуда оно берется? И как с ним бороться, какими средствами? Кроме веревки и пули.

Может быть, это страдание возникает от неустройства жизни, от социальных огорчений, от мировых вопросов? Может быть, это создает почву для такой тоски?

Да, это так. Но тут я вспомнил слова Чернышевского: «Не от мировых вопросов люди топятя, стреляются и сходят с ума».

Эти слова меня еще более смутили.

Я не мог найти никакого решения. Я не понимал.

Может быть, все-таки (снова подумал я) это та мировая скорбь, которой подвержены великие люди в силу их высокого сознания?

Нет! Наряду с этими великими людьми, которых я перечислил, я увидел не менее великих людей, которые не испытывали никакой тоски, хотя их сознание было столь же высоким. И даже этих людей было значительно больше.

На вечере, посвященном Шопену, исполняли его «Второй концерт для фортепьяно с оркестром».

Я сидел в последних рядах, утомленный, измученный.

Но «Второй концерт» прогнал мою меланхолию. Мощные, мужественные звуки наполнили зал.

Радость, борьба, необычайная сила и даже ликование звучали в третьей части концерта.

Откуда же такая огромная сила у этого слабого человека, у этого гениального музыканта, печальную жизнь которого я так теперь хорошо знал? — подумал я. — Откуда же у него такая радость, такой восторг? Значит, все это у него было? И только было сковано? Чем?

Тут я подумал о своих рассказах, которые заставляли людей смеяться. Я подумал о смехе, который был в моих книгах, но которого не было в моем сердце.

Не скрою от вас: я испугался, когда мне вдруг пришла мысль, что надо найти причину— отчего скованы мои силы и почему мне так не весело в жизни и почему бывают такие люди, как я, — склонные к меланхолии и беспричинной тоске.

Осенью 1926 года я заставил себя уехать в Ялту. И заставил себя пробыть там четыре недели.

Десять дней я пролежал в номере гостиницы. Затем стал выходить на прогулку. Я ходил в горы. А иногда часами сидел на берегу моря, радуясь, что мне лучше, что мне почти хорошо.

Я очень поправился за месяц. На душе у меня стало спокойно, даже весело.

Чтоб еще более укрепить мое здоровье, я решил продолжить отдых. Я взял билет на теплоход, чтобы доехать до Батума. Из Батума я хотел ехать в Москву прямым поездом.

Я взял отдельную каюту. И в чудесном настроении уехал из Ялты.

Море было тихое, безмятежное. И я весь день просидел на палубе, любуясь берегом Крыма и морем, которое я так любил и ради которого я обычно приезжал в Ялту.

Утром, чуть свет, я снова был на палубе.

Вставало изумительное утро.

Я сидел в шезлонге, наслаждаясь своим прекрасным состоянием. Мысли у меня были самые счастливые, даже веселые. Я думал о своем путешествии, о Москве, о друзьях, которых там встречу. О том, что тоска моя теперь позади. И пусть она будет загадкой, только чтоб ее больше не было.

Было раннее утро. Задумчиво я глядел на легкую рябь воды, на блики солнца, на чаек, которые с омерзительным криком садились на воду.

И вдруг в одно мгновение я почувствовал себя плохо. Это была не только тоска. Это было волнение, трепет, почти страх. Я еле мог встать с шезлонга. Я еле дошел до каюты. Я два часа лежал на койке не двигаясь. И снова возникла тоска в такой степени, какой я до сих пор не испытывал.

Я пробовал бороться с этим. Я вышел на палубу. Стал прислушиваться к разговорам людей. Я хотел отвлечься. Но мне не удавалось.

Показалось, что я не должен и не могу больше продолжать путешествие.

Я еле дождался Туапсе. И сошел на берег, с тем чтоб через несколько дней продолжить мой путь.

Меня трепала нервная лихорадка.

На линейке я доехал до гостиницы. И там слег.

Усилием воли, только через неделю, я заставил себя собраться в дорогу.

Дорога меня отвлекла и рассеяла. Я стал чувствовать себя лучше. Ужасная тоска исчезала.

Путь был далекий, и я стал думать о своей несчастной болезни, которая способна исчезать так же быстро, как и возникнуть. Почему? И какие были причины?

Или причин не было?

Как будто бы никаких причин не было. Должно быть, просто «слабость нервов», излишняя «чувствительность». Должно быть, это обычно и колеблет меня, как часовой маятник.

Я стал думать: родился ли я таким слабым и чувствительным или в моей жизни что-нибудь случилось такое, что повредило мои нервы, испортило их и сделало меня несчастной пылинкой, которую гонит и мотает любой ветер?

И вдруг мне показалось, что я не мог родиться таким несчастным, таким беззащитным. Я мог родиться слабым, золотушным, я мог родиться с одной рукой, с одним глазом, без уха. Но родиться, чтоб хандрить, и хандрить без причины — оттого, что мир кажется пошлым! Но я же не марсианин. Я дитя своей земли. Я должен, как и любое животное, испытывать восторг от существования. Испытывать счастье, если все хорошо. И бороться, если плохо. Но хандрить?! Когда даже насекомое, которому дано всего четыре часа жизни, ликует на солнце! Нет, я не мог родиться таким уродом.

И вдруг я понял ясно, что причина моих несчастий кроется в моей жизни. Нет сомнения — что-то случилось, что-то произошло такое, что подействовало на меня угнетающим образом.

Но что? И когда случилось? И как искать это несчастное происшествие? Как найти эту причину моей тоски?

Тогда я подумал: надо вспомнить мою жизнь. И я стал лихорадочно вспоминать. Но сразу понял, что из этого ничего не выйдет, если не внести какую-нибудь систему в мои воспоминания.

Нет нужды все вспоминать, подумал я. Достаточно вспомнить только самое сильное, самое яркое. Достаточно вспомнить только то, что было связано с душевным волнением. Только тут и могла лежать разгадка.

И тогда я стал вспоминать наиболее яркие картины, оставшиеся в моей памяти. И увидел, что память сохранила их с необычайной точностью. Сохранились мелочи, детали, цвет, даже запах.

Душевное волнение, как свет магния, осветило то, что произошло. Это были моментальные фотографии, оставшиеся на память в моем мозгу.

С необычайным волнением я стал изучать эти фотографии. И увидел, что они меня волнуют больше, чем даже желание найти причину моих несчастий.

III. ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

Жизнь каждого все то же повторяет,
 Что до него и прежде совершалось,
 И человек, в прошедшее вникая,
 Предсказывать довольно верно может
 Ход будущих событий...

Итак, я решил вспомнить мою жизнь, чтобы найти причину моих несчастий.

Я решил найти событие или ряд событий, которые подействовали на меня угнетающе и сделали меня несчастной пылинкой, уносимой любым дуновением ветра.

Для этого я решил вспомнить только самые яркие сцены из моей жизни, только сцены, связанные с большим душевным волнением, правильно рассчитав, что только тут и лежит разгадка.

Однако нет нужды вспоминать детские годы, подумал я. Какие там могут быть особые душевные волнения у мальчишки. Подумаешь, великие дела! Потерял три копейки. Ребята побили. Штаны разорвал. Украла ходули. Учитель единицу поставил... Вот вам и все потрясения детского возраста. Лучше я вспомню, подумал я, сцены из моей сознательной жизни. Тем более что я захворал не в детские годы, а уже будучи взрослым. Начну лет с шестнадцати, подумал я.

И тогда я стал вспоминать наиболее яркие сцены, начиная с шестнадцати лет.

1912—1915

О, сказкой ставшая воскреснувшая быль!
 О, крылья бабочки, с которых стерлась пыль!

Я занят

Двор. Я играю в футбол. Мне уже наскучило играть, но я играю, украдкой поглядывая на окно второго этажа. Мое сердце сжимается от тоски.

Там живет Тата Т. Она взрослая. Ей двадцать три года. У нее старый муж. Ему сорок лет. И мы — гимназисты — всегда подтруниваем над ним, когда он, немного сутулый, возвращается со службы.

И вот открывается окно. Тата Т. поправляет свою прическу, потягиваясь и зевая.

Увидев меня, она улыбается.

Ах, она очень хороша. Она похожа на молодую тигрицу из зоологического сада — такие же яркие, сияющие, ослепительные краски. Я почти не могу на нее смотреть.

Улыбаясь, Тата Т. говорит мне:

— Мишенька, зайдите ко мне на минутку.

Мое сердце колотится от счастья, но, не поднимая глаз, я отвечаю:

— Вы же видите — я занят. Играю в футбол.

— Тогда подставьте свою гимназическую фуражку. Я вам что-то брошу.

Я подставляю свою гимназическую фуражку. И Тата Т. бросает в нее маленький сверток, перевязанный ленточкой. Это шоколад.

Я прячу шоколад в карман и продолжаю играть.

Дома я съедаю шоколад. И ленточку, приложив на минуту к щеке, прячу в стол.

Письмо

Столовая. Коричневые обои. Хрустальная солонка в виде перевернутой пирамиды.

За столом сестры и мать.

Я задержался в гимназии, опоздал, и они начали обедать без меня.

Переглядываясь между собой, сестры тихонько смеются.

Я сажусь на свое место. У моего прибора письмо.

Длинный конверт сиреневого цвета. Необычайно душистый.

Дрожащими руками я разрываю конверт. И вынимаю еще более душистый листок. Запах от листка так силен, что сестры, не сдерживаясь, прыскают от смеха.

Нахмурившись, я читаю. Буквы прыгают перед моими глазами.

«О, как я счастлива, что с вами познакомилась...» — запоминаю я одну фразу и мысленно ее твержу.

Встречаюсь со смеющимися глазами матери.

— От кого? — спрашивает она.

— От Нади, — сухо, почти сердито отвечаю я. Сестры веселятся еще больше.

— Не понимаю, — говорит старшая сестра, — жить в одном доме, видется каждый день и еще при этом писать письма. Смешно. Глупо.

Я грозно гляжу на сестру. Молча глотаю суп и ем хлеб, пропитанный запахом духов.

Свидание

Петербург. Каменноостровский проспект. Памятник «Стережущему». Два матроса у открытого кингстона. Бронзовая вода льется в трюм.

Не отрываясь, я смотрю на бронзовых матросов и на бронзовый поток воды. Мне нравится этот памятник.

Я люблю смотреть на эту трагическую сцену потопления корабля. Рядом со мной на скамье гимназистка Надя В. Нам обоим по шестнадцать лет.

Надя говорит:

— Вообще я полюбила вас напрасно. Решительно все девочки не советовали мне этого делать...

— Но почему же? — спрашиваю я, оторвавшись от памятника.

— Потому что мне всегда нравились веселые, остроумные мужчины... Вы же способны молча сидеть полчаса и больше.

Я отвечаю:

— Я не считаю достоинством говорить слова, которые до меня проносили десятки тысяч людей.

— В таком случае, — говорит Надя, — вы должны меня поцеловать.

Оглядываясь, я говорю:

— Здесь могут увидеть нас.

— Тогда пойдете в кино.

Мы идем в кино «Молния» и там два часа целуемся.

С подлинным верно

Я выхожу из гимназии и встречаю реалиста Сережу К. Это белобрысый высокий унылый юноша. Нервно покусывая губы, он мне говорит:

— Вчера я окончательно расстался с Валькой П. И — можешь себе представить — она потребовала вернуть все ее письма.

— Надо вернуть, — говорю я.

— Конечно, письма я ей верну, — говорит Сережа, — но я хочу сохранить копии... Кстати, я хочу попросить тебя об одном одолжении. Мне надо, чтоб ты заверил эти копии...

— Для чего? — спрашиваю я.

— Ну, мало ли, — говорит Сережа, — потом она еще скажет, что вообще не любила меня... А если будут заверенные копии...

Мы подходим к Сережиному дому. Сережа — сын брандмейстера пожарной части. И поэтому мне интересно к нему зайти.

Сережа кладет на стол три письма и три уже заранее переписанные копии.

Мне не хочется подписывать копии, но Сережа настаивает. Он говорит:

— Мы уже взрослые. Наши детские годы прошли...

Я очень прошу тебя подписать.

Не читая, я пишу на каждом листке копий: «С подлинным верно». И подписываю свою фамилию.

В знак благодарности Сережа ведет меня во двор и там показывает мне штурмовую лестницу и пожарные шланги, которые сушатся на солнце.

Пасхальная ночь

Я спешу к заутрене. Стою перед зеркалом, затянутый в гимназический мундир. В левой руке у меня белые лайковые перчатки. Правой рукой я поправляю свой изумительный пробор.

Я не особенно доволен своим видом. Очень юн.

В шестнадцать лет можно было бы выглядеть постарше.

Небрежно набросив на плечи шинель, я выхожу на лестницу.

По лестнице поднимается Тата Т.

Сегодня она удивительно хороша, в своей короткой меховой жакетке, с муфточкой в руках.

— Вы разве не идете в церковь? — спрашиваю я.

— Нет, мы встречаем дома, — говорит она улыбаясь. И, подойдя ко мне ближе, добавляет: — Христос воскрес!.. Мишенька...

— Еще нет двенадцати, — бормочу я.

Обвив мою шею руками, Тата Т. целует меня.

Это не три пасхальные поцелуя. Это один поцелуй, который продолжается минуту. Я начинаю понимать, что это не христианский поцелуй.

Сначала я испытываю радость, потом удивление, потом — смеюсь.

— Что вы смеетесь? — спрашивает она.

— Я не знал, что люди так целуются.

— Не люди, — говорит она, — а мужчины и женщины, дурачок!

Она ласкает рукой мое лицо и целует мои глаза. Потом, услышав, что на ее площадке хлопнула дверь, она поспешно поднимается по лестнице — красивая и таинственная, именно такая, какую я хотел бы всегда любить.

Не вернусь домой

Мы идем в Новую Деревню. Нас человек десять. Мы очень взволнованы. Наш товарищ Васька Т. бросил гимназию, ушел из дому и теперь живет самостоятельно, где-то на Черной Речке.

Он ушел из восьмого класса гимназии. Даже не дождался выпускных экзаменов. Значит, ему наплевать на все.

Втайне мы восхищены Васькиным поступком.

Деревянный дом. Гнилая шаткая лестница.

Мы поднимаемся под самую крышу, входим в Васькину комнату.

На железной койке сидит Васька. Ворот его рубахи расстегнут. На столе бутылка водки, хлеб и колбаса. Рядом с Васькой худенькая девушка, лет девятнадцати.

— Вот он к ней и ушел, — кто-то шепчет мне.

Я гляжу на эту тоненькую девушку. Глаза у нее красные, заплаканные. Не без страха она поглядывает на нас.

Васька лихо разливает водку по стаканам.

Я спускаюсь в сад. В саду — старая дама. Это Васькина мама.

Грозя вверх кулаком, мамаша визгливо кричит, и ее выкрики молча слушают какие-то тетушки.

— Это все она виновата, эта девчонка! — кричит мамаша. — Не будь ее, Вася никогда не ушел бы из дому.

В окне появляется Васька.

— Да уйдите вы, мамаша, — говорит он. — Торчите тут целые дни. Кроме суеты, ничего не вносите... Идите, идите. Не вернусь домой, сказал вам.

Скорбно поджав губы, мамаша садится на ступеньки лестницы.

Пытка

Я лежу на операционном столе. Подо мной белая холодная клеенка. Впереди огромное окно. За окном яркое синее небо.

Я проглотил кристалл сулемы. Этот кристалл у меня был для фотографии. Сейчас мне будут делать промывание желудка.

Врач в белом халате неподвижно стоит у стола.

Сестра подает ему длинную резиновую трубку. Затем, взяв стеклянный кувшин, наполняет его водой. Я с отвращением слежу за этой процедурой. Ну что они меня будут мучить. Пусть бы я так умер. По крайней мере кончатся все мои огорчения и досады.

Я получил единицу по русскому сочинению. Кроме единицы, под сочинением была надпись красными чернилами: «Чепуха». Правда, сочинение на тургеневскую тему — «Лиза Капитана». Какое мне до нее дело?.. Но все-таки пережить это невозможно...

Врач пропихивает в мою глотку резиновый шланг. Все глубже и глубже входит эта отвратительная коричневая кишка.

Сестра поднимает кувшин с водой. Вода льется в меня. Я задыхаюсь. Извиваюсь в руках врача. Со стоном машу рукой, умоляя прекратить пытку.

— Спокойней, спокойней, молодой человек, — говорит врач. — Ну как вам не совестно... Такое малодушие... по пустякам.

Вода выливается из меня, как из фонтана.

В университете

У ворот — полицейский офицер. Кроме входного билета, он требует, чтоб я предъявил студенческий матрикул. Я достаю документы.

— Проходите, — говорит он.

Во дворе — солдаты и городовые с ружьями.

Сегодня годовщина смерти Толстого.

Я иду по университетскому коридору. Здесь шум, суета, оживление.

По коридору медленно выступает попечитель учебного округа — Прутченко. Он высокий, крупный, краснолицый. На белой груди под вицмундиром маленькие бриллиантовые запонки.

Вокруг попечителя живая изгородь из студентов — это студенты академической корпорации, «белоподкладочники». Взявшись за руки, они оцепили попечителя и охраняют его от возможных эксцессов. Командует и больше всех суетится какой-то длинновязый прыщаватый студент в мундире, со шпагой на боку.

Вокруг шум и ад. Кто-то кричит: «По улицам слона водили». Шутки. Смех.

Попечитель медленно идет вперед. Живая изгородь почтительно движется вместе с ним.

Появляется студент. Он мал ростом. Некрасивый. Но лицо у него удивительно умное, энергичное.

Подойдя к «изгороди», он останавливается. Невольно останавливается и изгородь с попечителем.

Подняв руку, студент водворяет тишину.

Когда становится тише, студент кричит, отчеканивая каждое слово: «У нас в России две напасти: внизу власть тьмы,верху — тьма власти».

Взрыв аплодисментов. Хохот.

Длинновязый студент эффектно хватается за эфес шпаги. Попечитель устало бормочет: «Не надо, оставьте...»

Студент со шпагой кому-то говорит: «Узнайте фамилию этого хама...»

Стоило ли вешаться

Повесился студент Мишка Ф. Оставил записку: «Никого не винить. Причина — неудачная любовь».

Я немного знал Мишку. Нескладный. Взъерошенный. Небритый. Не очень умный.

Студенты, впрочем, хорошо относились к нему — он был легкий, компанейский человек.

Из почтения к его трагедии решили выпить за его упокой.

Собрались в пивной на Малом проспекте.

Сначала спели «Быстры, как волны, все дни нашей жизни». Затем стали вспоминать о своем товарище. Однако никто не мог вспомнить ничего особенного.

Тогда кто-то вспомнил, как Мишка Ф. съел несколько обедов в университетской столовой. Все засмеялись. Стали вспоминать всякие мелочи и чепуху из Мишкиной жизни. Хохот поднялся невероятный.

Давясь от смеха, один из студентов сказал:

— Однажды мы собрались на бал. Я зашел за Мишкой. Руки ему не захотелось мыть. Он торопился. Он сунул пальцы в пудреницу и забелил под ногтями черноту.

Раздался взрыв смеха. Кто-то сказал:

— Теперь понятно, отчего у него была неудачная любовь.

Посмеявшись, снова стали петь «Быстры, как волны».

Причем один из студентов всякий раз вставал и рукой подчеркнуто дирижировал, когда песня доходила до слов: «Умрешь — похоронят, как не жил на свете».

Потом мы пели «Гаудеамус», «Вечерний звон» и «Дир-лим-бом-бом».

На именинах

Вечер. Я иду домой. Мне очень грустно.

— Студентик! — слышу я чей-то голос.

Передо мной женщина. Она подкрашена и подпудрена. Под шляпкой с пером я вижу простое скуластое лицо и толстые губы.

Нахмурившись, я хочу уйти, но женщина говорит, сконфуженно улыбаясь:

— Я сегодня именинница... Зайдите ко мне в гости — чай пить.

Я бормочу:

— Извините... Мне некогда...

— Я иду со всеми, кто меня приглашает, — говорит женщина. — Но сегодня я решила справить свои именины. Я решила сама кого-нибудь пригласить. Пожалуйста, не откажитесь...

Мы поднимаемся по темной лестнице, среди кошек. Входим в маленькую комнату.

На столе — самовар, орехи, варенье и крендель.

Мы молча пьем чай. Я не знаю, что мне говорить. И она сконфужена моим молчанием.

— Разве у вас никого нет — друзей, близких?

— Нет, — говорит она, — я приезжая, из Ростова.

Попив чаю, я надеваю пальто, чтоб уйти.

— Неужто я вам так не нравлюсь, что вы даже не хотите остаться у меня? — говорит она.

Мне весело и смешно. Я не чувствую к ней брезгливости. Я целую на прощанье ее толстые губы. И она спрашивает меня:

— Зайдешь еще разок?

Я выхожу на лестницу. Может быть, запомнить ее квартиру? В темноте я считаю, сколько ступенек до ее двери. Но сбиваюсь. Может быть, чиркнуть спичку — взглянуть на номер ее квартиры? Нет, не стоит. Я больше не приду к ней.

Предложение

Я прохожу по вагонам. В руках у меня щипчики для пробивания железнодорожных билетов.

Мои щипчики высекают полумесяц.

Шикарная ветка Кисловодск — Минеральные Воды обслуживается летом студентами. И вот почему я здесь, на Кавказе. Я приехал сюда на заработок.

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕЛЬЕТОНЫ

Письма в редакцию	7
1. Прелести нэпа	7
2. Вниманию милиции	7
3. Глас вопиющего	7
4. Барон	8
5. Театральная жизнь	8
6. Панама	8
7. Голос прохожего	9
Четверо	9
Электрификация	10
Об овощах и прочем	12
Задушевное письмо	13
Веселые вечера	13
Холостые пожарные танцуют	14
Еще не так страшно!	14
Не все сразу	15
Спецодежда, или бери, боже, что нам не гоже	16
Не по тому адресу	17
Ругатели	17
С перепугу	18
Комар носа не подточит	18
Обязательное постановление	19
Хотя и брехня, но зато здорово	19
«Цены значительно понижены»	19
«Из мира науки»	20
Божественное	20
Крепкая женщина	21
Бедный вор	22
В порядке боевого приказа	22
Подшефное село «Смехача»	23
Легкая наука	24
Воздушная почта	26

Открытое письмо	27
Маломыслящие	28
Неприятная психология	29
Щедрые люди	30
Герои	32
Шестеренка	33
Полеты в кредит	34
Новое в искусстве	35
Спичка	36
Самодельщики	36
Дорвались	37
Дым отечества	38
Хитер человек	39
Два кочегара	40
С	42
Птичье молоко	43
Химики	44
Вятка	46
Валяйте, нам не жалко!	46
Попалась, которая кусалась	47
300%	48
Дефективные люди	49
Засыпались	50
Тараканы	51
Ужасы внутреннего распорядка	52
О вреде грамотности	53
Белиберда	54
Бедный Тыркин	55
№ 1028	56
Насчет этики	57
Кузнеца обидели	59
Домашнее средство	60
Вредные мысли	60
Комики	61
Шипы и розы	63
Свободный художник	64
Скверный анекдот	65
Трамблям в Саратове	66
Гений из Алешек	67
Хитрее мухи	68
Обштопали	69
Зеленый ужас	70
Стихийное бедствие	72
Опасная пьеска	73
Гибель строителей	74
Еще касается того же!	75

Кто прост — тому коровий хвост	75
Сельская идиллия	77
«Великая годовщина»	78
Что за шум, а драки нету?	79
Юбилей	80
Черт знает что такое	82
1. Национальное самосознание	82
2. На театральном фронте	83
3. Кстати о деревообделочниках	83
4. Веселый директор	83
5. Подкрепил	84
6. Скверный анекдот	84
7. Позвольте выйти!	84
8. Бедность	85
9. Строгий местком	85
10. Научное сообщение	85
11. Василий Исаевич	86
12. Новый метод преподавания	86
13. С перепугу	86
14. Деликатные машинисты	87
15. 25%	87
16. Удостоверение	88
17. Герой труда	88
18. Тонкое соображение	89
19. Просвещенный человек	89
20. Землемер	89
Дамские штучки	89
Герой	90
Практикант	92
Дешевая распродажа	92
Юрист из провинции	93
Редкий случай	94
Паразит	95
Товарищ Гоголь	97
Суета сует	98
Социальная грусть	99
О пользе грамотности	101
Административный восторг	102
Игра природы	103
Поэт и лошадь	104
Игрушка	105
Каторга	106
Быстры, как волны, все дни нашей жизни	108
Графология	109
Новая эпоха	110
О пользе неграмотности	110

Берегите здоровье!	112
Цыганский мотив	113
Работяги	113
Красота!	114
Брачный аппарат «Тустеп»	115
Ваньку валяют	115
Каждый сам себе — за граница	115
Помыться захотелось	116
Старая история	117
Грубо	118
Пожар	118
Не забавно	120
Карманная кража	120
Музыканты допрыгались	121
Раздули кадило	121
Обмишурились	122
Ломбардия	122
Пора вставать	123
Тяга к чтению	124
Черт возьми!	124
Крысы	125
Рассуждение об иностранцах	126
Подождем, над нами не каплет	127
Всюду жизнь	128
Непорядки на земном шаре	128
[Грустно]	129
Руководство для начинающих наблюдателей	130
«Пушка» — Пушкину	131
Кому что, кому ничего	132
Дни нашей жизни	132
1. Оазисы	132
2. Хорошие перспективы	133
3. Спасибо	133
4. Подкачали	134
5. Симпатичное начинание	135
6. Наверяд ли!	135
7. Третий способ	136
8. Смехота	137
9. И скучно и грустно	138
10. Трамвай дыбом	138
11. О чем только раньше думали!	139
12. Раздевают	139
13. Мысли театрала	140
14. Музыкальный антракт	140
15. Строгий Губпродком	141
16. Хозяйственный расчет	141

17. Барин	141
Кража	142
Что делается!	143
Лошадиная история	143
Не забавно	145
Все в порядке	146
Домашнее средство	146
Тухлое дело	148
1:0	149
Терпеть можно	150
Природа и люди	151
1. Не про людей	151
2. Про людей	152
Не дают развернуться	152
Семейное дело	154
Человека жалко	155
Бессонница	156
Бурлацкая натура	158
Горько	159
Не согласен	161
1. Нэпман не угадал	161
2. Домик не удался	161
3. Химия не позволяет	162
4. Дядя Петя ошибается	162
Хитрость	163
Один день	164
Психологическая история	166
Неувязка	167
Лошадиное средство	169
«Выдвиженец»	170
Некрасивая история	171
Спешное дело	172
Не забавно	172
На заводе (<i>Из записной книжки</i>)	173
1. Точка зрения	173
2. Разговор	174
3. Грамматика хромает	174
4. «Безвыходное положение»	175
Волокита	175
Нахальство	177
Необыкновенное происшествие	178
Запутались	180
Кролики	181
Понимать надо	183
Варгашевский	184
Счастливый случай	185

Артисты приехали	187
Неприятная история	188
Усердие не по разуму	191
Об уважении к людям	193
Порицание Крыму	196
Пьяный человек	198
Наше гостеприимство	201
Сказка жизни	203
Горе от ума	205
Небрежность и легкомыслие	208
Много шума из ничего	210
Истинное происшествие	213
Прощай, карьера	215
Творчество и действительность	218
В пушкинские дни	219
Первая речь о Пушкине	219
Вторая речь о Пушкине	221
На улице	224
Дома и люди	225
Пожар	227
На Парнасе	229
Федот, да не тот	231
Благие порывы	233
Каменное сердце	236
Сказка	238
Физика	240
Бедный дядя	242
В огороде бузина, а в Киеве — дядя	244
Поучительная история	245
Приглашение в Ленинград	248
На улице	250
1. Игра в футбол	251
2. Плюнул от нечего делать	251
3. Гарун аль Рашид	252
Была без радости любовь	252
О вывесках	256
Клинический случай	258
Новые времена	260
С Новым годом	262
У подъезда	264
На улице	266
Научная аномалия	268
Ночное происшествие	271
Все важно в этом мире	273
Сынок и пасынок	275
Чингис-хан с самолетом	277

Скандал в благородном семействе	279
Своя рука — владыка	281
Фашисты учатся	282
Неожиданное признание	283
Опасный поворот	285
Берегитесь!	287
Горькие размышления	289
Наступает зима	290
Однажды ночью	292
Более чем грустно	294
17 дней	294
10 месяцев	294
Проверили	294
Бред	295
Обоюдное понимание	295
Уцелел	297
По следам войны	298
О маленьких для больших	301
Хороший день	303
Два письма	304
Внимание — люди!	306
Затемнение в Ново-Анненском	308
Золотая корова	310
Опасное лекарство	311
Происшествие на Олимпе	312
<Дополнение>	315
На краешке стола (<i>Маленькие фельетоны</i>)	315
И так и этак	315
Землетрясение в Ленинграде	316
Баюшки-баю	317
Берегите карманы	317

ПОВЕСТИ

Сентиментальные повести

Предисловие	321
Аполлон и Тамара	322
Люди	338
Страшная ночь	364
О чем пел соловей	378
Веселое приключение	393
Сирень цветет	409

Первые повести

Мудрость	435
Коза	442

М. П. Синягин (*Воспоминания о Мишеле Синягине*)

Предисловие	458
М. П. Синягин (<i>Воспоминания о Мишеле Синягине</i>)	459
Через сто лет. О нашем времени. О приспособляемости. О дуэлях. О чулках. Пролог истории	459
Рождение героя. Молодость. Созерцательное настроение. Любовь к красоте. О нежных душах. Об Эрмитаже и о замечательной скифской вазе	463
Мать и тетка М. П. Синягина. Ихнее прошлое. Покупка имения. Жизнь в Пскове. Тучи собираются. Характер и наклонности тетки М. А. Ар-вой. Встреча с Л. Н. Толстым. Стихи поэта. Его душевное настроение. Увлечение	465
Увлечение. Короткое счастье. Страстная любовь к поэту. Вдова и ее характеристика. Неожиданный визит. Некрасивая сцена. Согласие на брак	469
Нервное потрясение. Литературное наследство. Свидание. Свадьба. Отъезд тетки Марьи. Кончина матери. Рождение ребенка. Отъезд Мишеля	471
Новые планы. Несчастье тетки Марьи. Мишель поступает на службу. Новая комната. Новая любовь. Неожиданная катастрофа. Серьезная болезнь тетки	475
Тетку отправляют в лечебницу. Желтый дом. Веселая жизнь. Свидание с теткой. Окончательная распродажа имущества	478
Неожиданная беда. Ужасный скандал. Нервная болезнь Мишеля. Ссора с возлюбленной. Падение	480
Приятная встреча. Новая работа. Мрачные мысли. Нищета. Душевное спокойствие. Благотельная природа. Помощь автора. Кража пальто с обезьянковым воротником	483
Жизнь начинается завтра. Выручка за день. Ночлежный дом. Сорок лет. Неожиданные мысли. Новое решение	485
Возвращение. Родные места. Свидание с женой. Обед. Новые друзья. Служба. Новые мечты. Неожиданная болезнь	487

Возвращенная молодость

1. Автор приносит свои извинения	492
2. Некоторая необычайность нашего сочинения	492
3. На что похоже наше сочинение	493
4. Любовь автора к медицине	494
5. Неутешительные картины	495
6. Еще более неутешительные картины	496
7. Великие люди	497
8. Так сказать, «секрет вечной молодости»	498
9. Отчего не поговорить об интересных вещах	499
10. Потерянное здоровье	499
11. Бесплодные попытки	500
12. Человек улыбается	501
13. Человек огорчен	502
14. Не надо иметь воспоминаний	503

15. Художник хворает три дня	505
16. У кормящей матери скончался ребенок	506
17. Автор встречается с человеком, который вернул свою молодость	507
18. Первые встречи	508
19. Яблони цветут	509
20. Василий Петрович Волосатов	510
21. Его наружность и нравственные качества	514
22. Его семья, родственники и вообще знакомые	516
23. Его соседи	518
24. Профессор стареет все больше	522
25. Деньги, любовь, старость, сомнения	526
26. Первые шаги	530
27. Цена молодости	533
28. Прошлое и настоящее	536
29. Перемена	539
30. Драма	542
31. Необыкновенная любовь	544
32. Поездка на юг	546
33. Возвращение	549
34. Возвращенная молодость	551
35. Эпилог	553
<i>Комментарии и статьи к повести «Возвращенная молодость»</i>	<i>554</i>

История одной перековки

На Беломорском канале	623
Заключение	623
26 августа 1933 года	624
Товарищ Роттенберг	624
Его биография	625
Детство	626
Первые аферы	626
Первая любовь	627
Расплата	628
Избавление	629
Все по-старому	630
Поездка за границу	631
Новые аферы	632
В английской тюрьме	633
Большая беда	634
Поездка в Болгарию	635
На гастролях	636
Неудача	637
Непредвиденное путешествие	638
Гастроли в СССР	639
Последнее дело	640
На Беломорском канале	642
Разговор за чашкой чая	643

Слово и дело	643
За работой	645
Философия нищеты	645
Повышение	647
Последние известия	647
Все хорошо, что хорошо кончается	648

Исторические повести

Чёрный принц	649
1. Крымская кампания	649
2. Противники	649
3. Первый рейс	650
4. На рейде	651
5. Страшный ураган	652
6. Гибель эскадры	653
7. Сокровища погибшего корабля	654
8. «Чёрный принц»	656
9. Итальянская экспедиция	657
10. Поиски	658
11. Золотая лихорадка	660
12. Советская экспедиция	662
13. Работа ЭПРОНа	663
14. Другие дела	664
15. Находка	666
16. Предложение	667
17. «Синкай Когииоссио»	669
18. Показательная работа	670
19. Договор	671
20. Японская экспедиция	673
21. Победы и поражения	675
22. Первое золото	677
23. Землетрясение	678
24. Сто дней	679
25. Возвращение на родину	681
26. Итоги	683
27. Был ли найденный пароход «Чёрным принцем»	684
28. Было ли золото на «Чёрном принце»	687
29. Финал	690
Возмездие	692
1. Вечер воспоминаний	692
2. Речь А. Л. Касьяновой	692
3. Детство	693
4. На заводе	694
5. Поездка в деревню	695
6. В Киеве	697
7. Генеральша Дубасова	698

8. Новая кухарка	699
9. Генеральшины гости	700
10. Веселая жизнь	702
11. Февральская революция	703
12. Неожиданная встреча	705
13. Первое крещение	706
14. Новая жизнь	708
15. Октябрьские дни	710
16. Снова Киев	711
17. В походе	712
18. Поездка в Житомир	714
19. Опасное назначение	716
20. Ночной переход	718
21. Арест	720
22. Первый допрос	722
23. Второй допрос	725
24. Неожиданное избавление	727
25. В Симферополе	731
26. Рука и сердце	732
27. Свадебное путешествие	734
28. В Ялте	736
29. Находка	738
30. Эвакуация	739
31. Семейная драма	741
32. Эпилог	743
Шестая повесть Белкина	745
От автора	745
Талисман	747
Бесславный конец	756
1. Громкое имя	756
2. А. Ф. Керенский	757
3. Государственный муж	758
4. Головокружительная карьера	760
5. Военный и морской министр	762
6. Сто десять дней	765
7. Ночь на 25 октября	767
8. 25 октября	769
9. Путешествие на край ночи	772
10. Положение меняется	774
11. Снова Гатчина	777
12. На Петроград	779
13. Наступление	781
14. Сражение под Пулковым	784
15. У разбитого корыта	786
16. В плену	790
17. Исторический разговор	792

18. Бегство	794
19. Издалека	797
Тарас Шевченко	799
1. Народный поэт	799
2. Детские годы	800
3. Поиски искусства	804
4. Неудача	807
5. Снова неудачи	810
6. Искусство и коммерция	812
7. Последнее препятствие	814
8. Новая жизнь	817
9. На родине	821
10. Арест и ссылка	824
11. Роль личности в истории жизни человека	827
12. Возвращение	830
13. Последние годы	833
14. Смерть Тараса Шевченко	836
Перед восходом солнца	
Предисловие	838
I. Пролог	839
II. Я несчастен — и не знаю почему	842
III. Опавшие листья	850
1912—1915	850
Я занят	850
Письмо	851
Свидание	851
С подлинным верно	852
Пасхальная ночь	853
Не вернусь домой	853
Пытка	854
В университете	854
Стоило ли вешаться	855
На именинах	856
Предложение	856
Эльвира	857
1915—1917	858
Двенадцать дней	858
Спать хочется	859
Первая ночь	859
Нервы	860
Атака	861
В саду	862
Полк в мешке	862
Прорыв	863
Зря приехал	864
Ад	865

Я еду в отпуск	865
Я люблю	866
Приходи завтра	867
Вор	868
Двадцатое июля	868
Финал	869
1917—1920	870
Я ничего не понимаю	870
Пятичасовой чай	871
Невеста Вава	872
Замшевые перчатки	872
Дороги ведут в Париж	873
У ворот	874
В подвале	875
Чугунная тень	876
Умирает старик	877
Мы играем в карты	878
В штабе полка	879
Хлеб	880
Сыр бри	881
Мы поймаем его	881
Двенадцатое января	882
Я ничего не хочу	882
Новый путь	883
1920—1926	883
Дом искусств	883
Кафе «Двенадцать»	885
У Горького	885
Встреча	886
Ночью	887
Снова чепуха	888
В пивной	888
Я сам виноват	889
Двадцать третье сентября	890
Поезд опоздал	891
За столиком	893
Выступление	894
Звери	895
Враги	895
Это возмутительно	896
Хорошо	897
Безумие	898
В гостинице	899
Заключение	900
IV. Страшный мир	901
С 5 до 15 лет	901

Я больше не буду	901
Не надо стоять на улице	902
Золотые рыбки	903
В зоологическом саду	903
На берегу	904
Коровы идут	905
Гроза	905
Бешеная собака	906
Ну, теперь спите	907
Так просто	908
Страшный мир	909
Кто-то утонул	909
Я не виноват	910
В воде	911
Закрывают двери	911
У бабушки	912
Мама плачет	913
Мама нашла билеты	913
В мастерской	914
У калитки	915
Это недоразумение	916
Снова неприятности	916
Пуд железа	917
Закрытое сердце	918
Нельзя кричать	919
Разрыв сердца	920
Да, он умер	920
На кладбище	921
Дни сочтены	922
Муза	922
Учитель истории	923
Хлорофилл	924
Все кончено	925
Выстрел	926
Замечание	926
Мой друг	927
Студент со стеклом	928
Первый урок	929
Заключение	930
V. Перед восходом солнца	931
С 2 до 5 лет	931
Открой рот	931
Туфельки идут	932
Сам	932
Птица в руках	932
Заблудился	932

Петух	932
Прогоните ее!	933
Это нарочно	933
Дождь идет	933
Я боюсь	933
Умирает дядя Саша	934
Ночью	934
Заключение	934
До двух лет	935
VI. Черная вода	946
VII. Закрывайте двери	956
VIII. Тигры идут	971
IX. Опасные связи	983
X. Горе уму	1000
XI. Разум побеждает смерть	1019
XII. Разум побеждает страдания	1028
XIII. Разум побеждает старость	1037
Эпилог	1041
Послесловие	1043
<i>Алфавитный указатель</i>	<i>1045</i>